

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 5 (155)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2021

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Михайлов В.А., Алиев Т.Э. Основные тактики информационной войны.....	9
Нигматуллина Т.А. Этнополитическая кодификация: мифология и идентичности.....	14

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Михайлова А.В. Методологический инструментарий исследования государственно-конфессиональных отношений.....	46
Суздалева Т.Р. Игроки политической модернизации современной России.....	54
Будзилевич В.В. Стратегическое управление в условиях цифровой экономики.....	62
Максимов А.С. Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве.....	69
Махмудов А.С. «Места памяти» и символическая основа парламентаризма.....	79

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Булах Е.В., Зайченко А.Б. Методология исследования территориальных основ самоуправления, принципы и проблемы в практике установления границ ТОС.....	89
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рябова Е.И., Терновая Л.О. Код Арчимольдо: причины дробления социального мира и инструкция по сборке.....	100
Комарова В.Н. Язык в контексте взаимоотношений государства и регионов в Италии: casus Сицилии.....	110
Аннотации.....	119
Авторы.....	127
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....	129

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, Член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, заместитель директора Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, Член Общественного Совета при Федеральной миграционной службе России.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Власов В.И., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Поканинова Е.Б., доктор философских наук, кандидат социологических наук, действительный член РАЕН.

Кондрашихин А.Б., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» г. Севастополе.

Фотина Л.В., доктор экономических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Советник Российской Федерации 2 класса.

Абрамов В.Л., доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры "Государственное регулирование экономики" института государственной службы и управления Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАЕН.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного университета.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ремарчук В.Н., декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Добров П.В., доктор исторических наук, профессор, академик и член президиума Украинской академии исторических наук, декан исторического факультета Донецкого национального университета, Заслуженный работник образования Украины.

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт, Великобритания.

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation, Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, member of the Public Council of the Russian Federal Migration Service.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Vlasov V.I., Doctor of Legal Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, State Advisor of the 3rd class.

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Kondrashihin A.B., Economic Sciences, Professor, Professor of Economics and Management of the Academy of Labour and Social Relations, Sevastopol.

Fotina L.V., Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, State Advisor of the 2nd class.

Abramov V.L., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center of International Economic Relations in the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of «State regulation of the economy», the International Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Academy of Natural Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Remarchuk V.N., Dean of the Faculty of Social and Humanitarian Sciences», The Bauman University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Dobrov P.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician, member of the Presidium of the Ukrainian Academy of Historical Sciences, Dean of the Historical Faculty of Donetsk National University, Honored worker of education of Ukraine.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of St. Petersburg State University, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Maurizio Negri, President of the Union of folklorists of Italy, Member of the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO).

Horhe Marti Martinez, Ambassador. Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

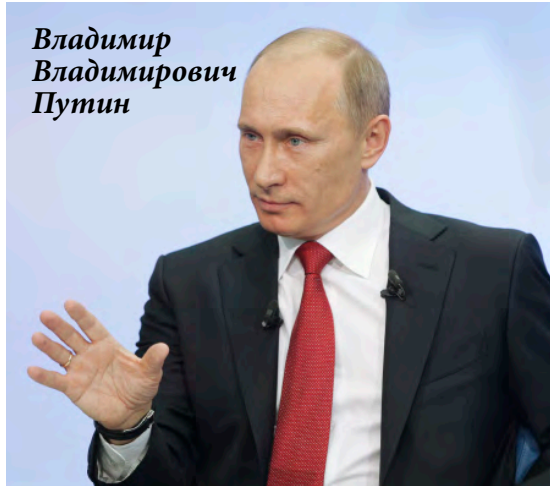
Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Türkiye Cumhuriyeti.

С

ОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Продолжаем публикации статей, в том числе и конкурсных (<http://etnosocium.ru/konkursnaluchshuyunauchnyuinauchnopublitsisticheskuyurabotupotememolodezhnatsionalnayap>) для Совета по международным отношениям при Президенте РФ. Приглашаем к продолжению обсуждения темы: “Этика и политика”.

**Владимир
Владимирович
Путин**

Михайлов В.А.

Зорин В.Ю.

Михайлов В.А.

*Доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных отношений
ИГСУ Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Алиев Т.Э.

*Кафедра национальных и федеративных отношений
ИГСУ Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Основные тактики информационной войны

Информационная война - это сочетание разнообразных стратегий, направленных на нанесение вреда репутации или информационной инфраструктуре противника. Эта тактика может быть использована во время как мира, так и войны. На стратегию ведения войны широко полагаются участники гибридной войны. Государства и негосударственные субъекты, участвующие в ведении гибридных войн используют тактику информационной войны либо для демонизации своего противника, распространяя дезинформацию, фейковые новости и пропаганды или причинения вреда протоколам онлайн-безопасности своих противников. Например, тайные и внезапные онлайн-атаки в киберпространстве противника посредством взлома, кражи конфиденциальных данных злоумышленника или развертывание кампании в социальных сетях по распространению слухов против противника являются некоторыми из различных тактик, применяемых в сфере информационной войны. Короче говоря, информационные войны полагаются на использование информации как предвестника причинения нематериального ущерба противника. Например, вирусная атака на системы управления реактивными истребителями противника могут препятствовать пилотам в управлении самолетами, что может привести к авариям и человеческим жертвам. В таком случае закон будет применяться, поскольку характер ущерба превратился из нематериального в материальный. С другой стороны, влияние информационных операций, наносящих нематериальный ущерб, создает проблемы в регулировании информаци-

онной войны под юрисдикцией международного права¹.

Информационная война - это сложная арена, в которой многочисленные тактики используются против противника. Уместно отметить здесь, что тактика информационной войны также используется для ведения гибридной войны. Таким образом, сходство тактики информационной войны и гибридной войны указывает на тесные взаимоотношения, существующие между этими двумя аренами нетрадиционных методов ведения войны. Разберем наиболее распространенные из этих тактик.

Информационная война всегда влечет за собой определенные цели, направленные на противника. Цели в первую очередь включают в себя ведение пропаганды и дезинформации против соперника. С этой целью манипулируемая информация распространяется против злоумышленника через определенные СМИ, среди которых больше всего фигурируют основные СМИ. У противника создается определенный вид восприятия, который реализуется за счет использования печатных и электронных СМИ.

СМИ также рассматриваются как инструмент психологической войны, потому что народное повествование, сформированное средствами массовой информации, фундаментально влияет на их психологическое понимание конкретной ситуации. В первую очередь, именно СМИ формируют мнения людей о любой происшествии, деятельности или ситуации. В СМИ также могут разжигать общественные настроения, распространяя ориентированную на ненависть информацию о конкретной деятельности или ситуации. Например, СМИ могут подстрекать патристические настроения среди людей путем распространения ненависти о конкурирующей нации. Массы могут начать верить дезинформации, особенно когда у большинства людей нет прямого доступа к правильной информации об этом конкретном противнике. Подобные инциденты наблюдаются в тоталитарных странах, где правительство имеет полный контроль над СМИ и позволяет отображать по телевизору только манипулируемый контент и новости каналов².

В современную эпоху, благодаря развитию технологий и последующему появлению смартфонов и использованию Интернета, социальные сети стали одними из самых известных источников распространения информации. Примерно 3,5 миллиардов человек, или почти половина населения, используют социальные СМИ. В частности, у Facebook 2,4

1 Andress J. The Basics of Information Security: Understanding the Fundamentals of InfoSec in Theory and Practice. — Syngress, 2014. 240 p.

2 Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016.

миллиарда пользователей, у YouTube 1,9 миллиарда, а у WhatsApp, принадлежащего Facebook, - 1,6 миллиарда. Это наиболее часто используемые платформы социальных сетей. Эти форумы - самые быстрые способы распространения информации поскольку они позволяют любой информации стать вирусной всего за несколько часов. Кроме того, нет значительных затрат, связанных с использованием почти всех социальных сетей. Форумы социальных сетей очень удобны и просты в использовании, не требуют надлежащей проверки личности лиц, информация которых становится вирусной. Кроме того, распространяемая информация через платформы социальных сетей продолжает достигать большей аудитории. То есть, информацией можно делиться снова и снова и, таким образом, создается мультипликативный эффект с точки зрения количества людей, которых он может охватить. Таким образом, социальные сети считаются быстрым способом распространения информации среди большого числа аудиторий. Это считается одним из важнейших инструментов информационной войны³.

Кроме того, еще одна функция - платные кампании на определенных веб-сайтах социальных сетей, таких как Facebook, которые упрощают платные продвижение контента, размещенного на Facebook. Эта функция делает общий контент видимым для большего числа пользователей Facebook. Цена, которую необходимо заплатить за такие кампании в социальных сетях для продвижения определенного содержания, слишком мала. Контент кампании, который может достичь более широкой аудитории, используется зачастую для информационных атак на своих противников. Эти информационные атаки в основном включают распространение дезинформации и пропаганду в социальных сетях против противника. Если пропаганда или дезинформация распространяется с целью подстрекательства или оспаривания религиозных или идеологических наклонностей нации, то такая пропаганда может побудить их протестовать против людей, распространяющих пропаганду в социальных сетях. Распространение контента в социальных сетях может еще больше усугубить их эмоции и сделать информацию вирусной, охватив больше людей и, таким образом, вызвать более сильную реакцию. Такое использование социальных сетей может оказывать пагубное влияние для мира, когда они используются антигосударственными агентами для распространения пропаганды против государства. В СМИ появляется негативная составляющая информационной войны, поскольку она позволяет

³ Маноило А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. — 3-е изд. — М.: Горячая линия - Телеком, 2012. 542 с.

любой информации распространяться вирусно, демонизировать репутацию противника за короткий промежуток времени и вызывать бурю эмоций у широкой публики⁴.

Вторжение в киберпространство - еще один тактический ход, который рассматривается как элемент информационной войны. Практика вторжения в киберпространство зависит от технологий. Вторжение в киберпространство - это когда стратегически важные компьютерные системы злоумышленника атакуют с помощью вирусов или вредоносного ПО путем взлома. В новейшей истории можно найти множество примеров таких инцидентов, которые продолжаются и сегодня. Это подчеркивает серьезный характер угроз при создании технологий систем безопасности государства. Таким образом, каждое государство старается поддерживать строгую безопасность над своими стратегически важными системами данных.

Кража данных также является одной из самых распространенных тактик информационных войн. Эта тактика преследует целью либо воровать конфиденциальную и стратегически важную информацию от злоумышленника или кражу средств с банковских счетов конкурента. Последствия могут привести как к нематериальному ущербу с точки зрения кражи стратегически важной информации, так и оставить, допустим, политические партии находиться в стратегически невыгодном положении по сравнению со своими соперниками. Иногда кража данных осуществляется по политическим мотивам и направлена на маневрирование или влияние на политические ситуации⁵.

Информационная война часто включает в себя основной целью - формирование повествований масс. Это достигается путем распространения ими манипулируемой информации. Государство или его агентства могут выполнять эту функцию с использованием услуг СМИ или без них. Например, СМИ могут использоваться для этой цели в рамках территориальных границ государства. Однако, когда государство или его агентства стремятся построить конкретное повествование о людях своего государства-противника, они могут прибегать к другим скрытым или открытым действиям; например, они могут отправить своих агентов в «логово» противника, маскируя свои личности и распространяя определенные повествования среди широкой публики. С другой стороны, некоторые другие инициативы - такие как создание неправительственных ор-

4 Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. — М.: Алгоритм, 2015. 256 с.

5 Petrov A., Proncheva O. Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers // Communications in Computer and Information Science. 2018. Vol. 930. Springer. P. 197-209.

ганизаций («НПО») во враждебном государстве - также могут работать как инструменты для ведения информационных операций. Такие НПО могут внешне представлять свои идентичности как заслуживающие доверия организации, работающие на развитие местного населения, но, втайне, они могут работать над распространением определенного анти-государственного нарратива среди масс.

Список литературы:

1. Andress J. The Basics of Information Security: Understanding the Fundamentals of InfoSec in Theory and Practice. — Syngress, 2014. 240 p.
2. Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016.
3. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. — 3-е изд. — М.: Горячая линия - Телеком, 2012. 542 с.
4. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. — М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
5. Petrov A., Proncheva O. Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers // Communications in Computer and Information Science. 2018. Vol. 930. Springer. P. 197-209.
6. Цыганок А.Д. Первые жертвы оружия нового поколения. Анализ результатов применения информационных технологий в войнах и конфликтах XXI века // URL: https://nvo.ng.ru/armament/2018-11-16/8_1022_victim.html

References

1. Andress J. The Basics of Information Security: Understanding the Fundamentals of InfoSec in Theory and Practice. — Syngress, 2014. 240 p.
2. Krasovskaya O.V. Information war as a communicative phenomenon // Political linguistics. 2016.
3. Manoilo A.V., Petrenko A.I., Frolov D.B. State information policy in the context of information and psychological warfare. - 3rd ed. - M.: Hot line - Telecom, 2012. 542 p.
4. Pocheptsov G.G. Information wars. New policy tool. - M.: Algorithm, 2015. 256 p.
5. Petrov A., Proncheva O. Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers // Communications in Computer and Information Science. 2018. Vol. 930. Springer. P. 197-209.
6. Tsyganok A.D. The first victims of a new generation of weapons. Analysis of the results of the use of information technologies in wars and conflicts of the XXI century // URL: https://nvo.ng.ru/armament/2018-11-16/8_1022_victim.html

Нигматуллина Т.А.

Доктор политических наук, доцент,
директор Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений».

Этнополитическая кодификация: мифология и идентичности

Введение

Национальная и языковая идентичность, соотнесение их с идентичностью общероссийской, евразийской – европейской и азиатской – с контекстом глобализации стали популярной проблематикой на фоне социальных и ментальных трансформаций и проявления политических представлений и институций с начала постсоветского периода, вызвавших «цунами» идей этнического самоутверждения.

Разнообразные формы сохранения и трансляции традиций, исторической памяти, культурного наследия, интеллектуального и духовного потенциала идентификации каждого народа образуют собой его уникальный этнокультурный код в развитии современной цивилизации. *Этнополитическое прочтение мифа* как сложного многомерного явления требует опоры на обширный перечень наук – философию, литературоведение, фольклористику, культурологию, лингвистику и др.

Этнополитика основана на образно-символическом выражении переживаний, рефлексии этнокультурного потенциала, поиске людьми своей национальной и языковой идентичности в мире активных перекрестных контактов. Этносфера, наполненная моральным содержанием, создает для человека дополненную реальность – мир жизненных переживаний и дидактических целеуказаний, выраженных в образно-символической форме.

Этнополитический анализ процессов, происходящих в коммуникационном пространстве и культурах народов, позволяет определить набор социальных механизмов (эпическое наследие, традиции, ритуалы, обычаи, родные языки и другие элементы семиотических систем), способных обеспечивать этнокультурную преемственность и кодификацию национально-культурной жизни в современных условиях.

Через систему этнокультурной кодификации и этнополитическую мобилизацию ресурсов этничности каждый народ воспроизводил

свою духовную культуру, этнический характер, этнопсихологию, мировоззренческие оценки действительности и межэтнических взаимодействий, наследовал и передавал ценности и идеалы сменяющим друг друга поколениям.

Современный мир, прогресс, технологии порождают множественные измерения культуры, к которым восприимчивы разные поколения людей. В свою очередь, они проецируются на фоне политической реальности, однако при этом этносы не отказываются от своей традиционной культуры и этнокультурной идентичности, сохраняют и развивают их в контексте происходящих в обществе трансформаций. Так, прорывная динамика развития стран Азии (Япония, Китай, Южная Корея и др.) демонстрирует сочетание сохранения национальных традиций и вектора инноваций. Ресурсы этничности, этнокультурная и языковая идентичность не только сберегли, но икратно увеличили свое значение в этнополитическом пространстве и социокультурной жизни стран, регионов и народов.

Миф способен стать значимым фактором в ряду прибежищ человечности, поскольку хаос современной трансформации общества приводит к диспропорциям в развитии культуры целых стран, включая самые развитые, и тотальному разрушению нравственных норм. Миф, как первая ценность человечества в ходе социокультурной эволюции сначала племен, затем этносов и наций, проходит лейтмотивом всей их истории, придавая через социальное творчество гуманистическое измерение любой объективной картины мира: от мифологической и фольклорной, языческой и религиозной, художественной и эстетической – до этнополитической.

Мифологический этап развития всего человеческого общества, а значит и богатейшей палитры культуры, представлял судьбоносное значение для многих этносов, развитие которых происходило через призму аксиосферы и приводило к генерации нравственно-этических и религиозных ценностей. Культурное наследие в виде легенд и преданий, эпических изустных преданий прошлого в настоящем времени обладает влиятельной силой, формируя возвышенные чувства, идеалы, национальное самосознание и языковую идентичность, этнокультурные коды преемственности поколений, спектр вариаций их проявления в политике.

Миф, будучи родоначальником взглядов и мировоззрения, на заре человечества функционирует как пролонгированная система этнокультурных действий и предстает в настоящее время как «система

специфических устойчивых нарративов, распространенных на определенной территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру»¹. Вечность мифу придает и то, что он вбирает в себя синкретичный опыт переживания мира людьми многих поколений, содержит все потенциально возможные комбинации его прочтения – бессознательные и осознанные представления, отражает чувства предков, их достижения, подвиги, ценности, описывает трудности, которые ими были преодолены, и проецирует на современные политические процессы. Таким образом, миф образует основу этнополитической традиции, выступая в роли носителя модифицированного под современные идеалы культурно-исторического опыта.

Этнополитическая сторона мифологии до сих пор продолжает оставаться недостаточно изученной. Современная наука видит в мифах дуалистическую природу – ценностный характер и фольклоризированные аспекты бытия народов в разные эпохи. Мифология коренится в отношении человека к миру, в иерархии его ценностей, через призму которых происходит формирование механизмов социальной регуляции поведения, архаичных форм и способов мировидения. Для фольклорных «напевов» характерны лингвокультурные и психологические определения, проявляющиеся длительное время в изустных, бесписьменных и не подвластных цензуре и официальному нормированию формах. Они диалектичны, вариативны, анонимны, представляют собой продукт коллективного творчества, и стали прототипом для современных сетевых коммуникаций.

Новейшие политические мифы, как и традиционные, черпают мотивы и сюжеты из прошлого, оперируют понятиями и конъюнктурой настоящего и через призму слияния постмодерна культурной антропологии и этнополитики предопределяют траектории будущего.

Миф более не нормирует обыденную жизнь современного человека целиком, как подчиняла многие века назад его личность архаическая культура, но мифологические сюжеты и образы через инструменты социальной коммуникации формируют его мировоззрение и идентичность.

В современном прочтении миф становится квинтэссенцией роста

¹ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 38.

национального самосознания через приобщение к иерархии знаков, образов, ценностей и смыслов, параллельно осуществляя функции формирования различных видов идентичностей, изменения этнокультурного пространства, интерпретации ценностей, текстов и иных визуальных контекстов и преломляющихся через них символов в свете происходящих этнополитических процессов, общественных идеалов и социальных идей.

Мы солидарны с утверждением Н.А. Бердяева в том, что «мир постижим лишь мифологически», так как он несет на себе отпечаток хроники эпох, отражает генезис народа, его характер, национальный дух, истории, связанные с его существованием. Поэтому любое противоборство с мифами иллюзорно и нерезультативно и может привести к обратному эффекту – множественному росту искаженных этнокультурных и этнополитических реальностей, появлению искусственных «миражей» на фоне меняющегося культурного ландшафта региона или даже страны.

Традиции, которые кажутся архаичными или претендуют на статус аутентичных, нередко имеют более позднее происхождение или исходят из альтернативной истории, то есть являются изобретенными и обусловленными конъюнктурными этнополитическими ситуациями, характерными для современных региональных демократий постсоветского периода. Отечественный патриотический дискурс содержит исторические контексты, включая, в том числе, компоненты из разных эпох: от архаичной – до советской. Идейное значение символических образов, фреймов и мемов, возрождающихся праздников и обычаев прошлого в формировании языковой, национальной и гражданской идентичности только возрастает.

Мифы, отражающие знания о культурных феноменах, выступают и как уникальная символически закодированная форма, и как нормативный регулятор поведения, и как вид самого долговечного этнического творчества.

К решающим факторам формирования этнической идентичности мы можем отнести следующие конструкты:

- нематериальное духовное наследие (мифы и разные жанры народного фольклора, книжные и бесписьменные источники);
- культурный ландшафт (памятники архитектуры, достопримечательности), составляющие историческую основу формирования национальной идентичности на территории или в рамках пространства этнокультурного ареала;

- особенности национально-культурной, языковой и образовательной политики (наличие национальных школ, полилингвальных гимназий, институционализация культурной сферы, средства массовой коммуникации);

- этнолингвистическая близость или этническое родство народов, локализованных в рамках одного культурного ареала;

- административно-территориальное деление и статус территории в масштабах страны (национальная республика, край, область), политические атрибуты и привилегии;

- ресурсная обеспеченность (природные богатства, численность населения, транспортные коммуникации, доступ к социальным благам);

- формирование состава населения (общая численность народов, наличие диаспор, степень удовлетворения национально-культурных запросов, соотношение коренного и других этносов на исторической территории), развитые процессы миграционной активности;

- наличие религиозных институтов, формирующих духовную и национальную укорененность в исторической культурной традиции.

Концентрированное воздействие мифологических образов на процессы формирования множественных идентичностей приводит к их трансформации в жизнеспособные семантические комплексы.

Политическое мифотворчество

Этнополитическая интерпретация мифа объединяет в себе абстрактное и конкретное, реальное и вымышленное, предполагает как коллективное, так и личное восприятие мифологических образов и фреймов, использование архаики и мифологии, аутентичных артефактов как фактов или доказательств, опоры для обоснования достоверности мифологического в современной действительности. Задача такой интерпретации состоит не только в извлечении уроков истории, но и генерации максимума идейных смыслов, которые возникают при современном прочтении мифа, сведении их компонентов в общую архитектуру политической семантики. Тем самым обеспечивается преемственность мифологического мышления – с переходом от этнокультурных смыслов к этнополитическим. Исторические мифы служат достижению конкретных идеологических целей: консолидации нации, приданию легитимности правящим элитам и укреплению режимов, проведению политических реконструкций и т. д.

Иррационально осмысливаемая картина событий прошлых веков воспринимается как достоверная, даже если она упрощается, и препод-

носятся целевым аудиториям как истина, не требующая доказательств. Так, С.И. Белов указывает на то, что «... Миф гораздо более привлекателен для массовой аудитории, чем относительно достоверная научная модель истории. В отличие от историка мифотворец находится в более выгодном положении. В основу своей версии событий прошлого он кладет не абстрактные факты, апеллирующие к рациональному сознанию, а обладающий эмоциональным насыщением и, как правило, легко визуализированный набор символов. Это придает мифу не только способность эффективно воздействовать на массовое сознание, но и повышенную устойчивость к критике. Исторический миф во многом близок к квазирелигиям: он дает своим носителям не столько знание, сколько веру. Именно по этой причине попытки разоблачения мифа научными средствами зачастую заканчиваются бесплодно»².

Таким образом, исторический миф представляет собой эпическое полотно, отличающееся характерным вкраплением политических идейных конструкций, раскрывающих согласно актуальному идеологическому заказу картину событий прошлого через трансляцию эмоционально насыщенного набора символов, текстов, плакатов, публично высказываемых аргументов с применением всевозможных способов коммуникаций и т. д.

Безусловно, может показаться спорным утверждение о том, что социальная действительность является проекцией мифа, однако именно благодаря ему формируется устойчивая картина мироздания, в которой все элементы сбалансированы, структурированы, представлены иерархически, вписываются в общую картину бытия целого народа, соотносятся с поколениями и конкретно с каждым человеком.

Архаика политических мифов опирается на экзистенциальную веру, а исторические мифы и эпосы придают легитимность идеологическому превосходству, поскольку эмпирически проверить достоверность, объективность и правоту сторон уже почти невозможно, особенно в ходе идейного противоборства различных сторон. Тем более что впоследствии этнополитические теории и доктрины, характерные для своего времени, чаще всего претерпевают крах и становятся неприемлемыми для новых поколений, которые должны извлечь из них свои уроки истории.

Призыв Ф. Ницше обратиться к утраченной силе мифа, его способности обновления человека и культуры отражает его позитивную оценку влияния мифа на развитие цивилизации: «А без мифа всякая культура

² Белов С.И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» // Вестник московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2018. № 3. С. 41.

теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в законченное целое. Все силы фантазии и апполонических грез только мифом спасаются от бесцельного блуждания»³.

Мифы занимают особое место в контексте жизненного мира человека и, как утверждает Ю.С. Осаченко, «миф как реальность есть нечто целое, некий жизненный мир, мир жизни человека и его смыслов, мир, который каждый раскрывает с особой стороны, видит со своей точки зрения. Каждый человек погружен в миф как в свое первопространство видения, как в свое поле зрения, поле открывающихся перспектив, как в свой жизненный горизонт»⁴. Мы полагаем, что такая интерпретация адаптивна не только к мифу архаичных времен, служившего неким «компасом» для цивилизационной общности, но и имеет вневременной характер, поскольку показывает, несмотря на генезис человечества, сохраняющуюся значимость мифа как первичного опыта слияния мировоззрения человека и его этноса с гранями духовного, нематериального мира, откуда произошли объективные смысловые данности – ценности, идеи, идеалы, запреты, правила, нормы.

Мифологическая картина постижения мира складывалась из воображения многих народов и их поколений, описывавших, объяснявших и нормировавших социальную действительность исходя из рефлексивно-ценностных переживаний, воображения, языческой или религиозной интерпретации собственного прочтения мира, актуального и для современности. Мы согласны с точкой зрения Е.В. Галаниной, что «миф реализует экзистенциальную потребность человека в установлении смысловой связи между сознанием и миром. Воображение помещает сознание человека в обстановку возможных миров, где происходит схватывание смыслов в качестве единства образа и переживания»⁵. Поэтому обращение ко всему архетипическому – нематериальному мифологическому, аутентичному – артефактам материального наследия позволяет объединять иррациональное и объективно существующее для ускорения этнополитического влияния на массовое сознание людей.

«Мифос» является исходным кодом сознания, поскольку эта компонента присутствует в культуре с архаических времен до всякого научно-понятийного оформления, закрепления в семиотических конструк-

3 Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука, 2000. С. 204.

4 Осаченко Ю.С., Дмитриева Л.В. Введение в философию мифа. – М.: Интерпракс, 1994. С. 115.

5 Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: монография / Е.В. Галанина. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2013. С. 39.

тах, катализирует жанровое своеобразие фольклора – эпических легенд и сказаний, в которых отразились синкретические переживания мира и являвшихся «садом цивилизации», отражая культурное смыслополагание и масштабируя потенциальные возможности.

На основе мифов постмодернизма формируются принципиально новая этносоциальная среда, способы этнического самовыражения, возрождения национальных атрибутов нематериального наследия с опорой не только на традиционные формы трансляции, но и на современные технологии.

Этнополитическая архитектура мифа

Политическое мифотворчество непрерывно развивается, генерируя все новые истории, которые, имеют как универсальные черты, так и специфику, и служат достижению определенных целей. Миф как семиотическое образование, отражающее действительность или квази-реальность, этнополитически преломляется с помощью образов и символов. Политические принципы, какой бы они устойчивостью ни обладали, нередко сталкиваются с иррациональными коллективными представлениями, историческими фактами и всплесками амплитуды этнокультурной активности. В развитии современного гражданского общества мифы выполняют основные социально-политические функции:

- консолидирующую: предназначена для сплочения разрозненных групп населения – социальных слоев и носителей субкультур через формирование свода нравственных правил, интегральных политических убеждений, разделяемых религиозных представлений. Наиболее часто политическими технологами применяются практика тиражирования образа «противоборства» (самый распространенный политический стереотип) и культивирование мифа о единстве. Конструирование политического пространства происходит в соответствии с делением людей на «своих» (тех, кто разделяет веру в определенные мифы, ритуалы, выражает активно политическую солидарность) и «чужих» – идейных врагов;

- адаптивную: для результативного диалога общности с политической средой политтехнологии создают стимулы для формирования субъективной картины мира, в которой реальные связи синхронизируются с мифологическими идейными установками о действительности. Слои общества выстраивают новую схему коммуникаций в изменившейся политической реальности. Например, в авторитарном обществе создается представление о стране, в которой правящие элиты ведут свой на-

род через трудности к процветанию, а столкновение с новыми вызовами является политической неизбежностью. Если большая часть народа начинает разделять это убеждение, то достигается высокая эффективность этой функции;

– художественно-эстетическую: мифологическая картина отображения действительности, с одной стороны, формирует мировоззренчески кристаллизованные, рафинированные представления целых сообществ людей о прекрасном времени из исторического прошлого. При этом концентрация усилий для совершения попытки вернуться в вымышленный хронотоп, как правило, приводит к публичному выражению политического протеста, который служит инструментом достижения собственных представлений о счастье, благополучии и процветании. С другой стороны, это приводит к возникновению нового политического дизайна посткультуры, невзирая на разрывы в едином цивилизационном пространстве;

– возвеличивающую власть: любая правящая система политически функциональна, если она имеет устойчивую поддержку населения, а в обществе складывается вера в справедливость и законность действий вертикали власти. С политических трибун, через массмедиа каналы, включая сетевые коммуникации, обществу объясняется, почему в конкретное время принимаются определенные политические решения. Такое воздействие мифологии в определенном идейном фокусе побуждает человека к безоговорочному признанию деятельности институтов власти, принятию неписанных социальных норм и законов, воздвижению в культ «героев» как жертв бывших политических режимов;

– реабилитационную: в драматические периоды развития гражданского общества, когда происходит смена правящего строя, политических элит, идеологий, резко возрастает потребность в заполнении образовавшегося духовного вакуума новыми идеями. В такие периоды у людей возрастает запрос на историю, вера в иррациональное, появляются идейные смыслы, в то время как обращение к мифам, проведение политических ритуалов, всевозможных вече, майданов, факельных шествий придают сакральность происходящему. На общем политическом фоне подобное структурирование коллективных отношений создает иллюзию священности происходящих событий, «помогая» на ментальном уровне справиться с последствиями кризисов, пережить тяжелый период и выйти на новые траектории развития;

– пост-этическую: в современной политической мифологии отражаются новообразованные традиции общества, которые оказывают влия-

ние на проектирование свода этических законов, выводят на политический небосклон новые фигуры и т. д. Мифы эффективно воздействуют на нравственный климат общества, формируют принципиально новую коллективную мораль, которая далеко не всегда отвечает интересам большинства, традиционным ценностям, идеям общности людей, партнерства и содружества, межгосударственным договоренностям. Отдельные политические движения создают свою «непреложную мораль» нового времени, категорично отвергающую традиционные уклады и подвергающую обструкции исторически признанные ценности.

Типологически следует выделить характеристики мифов:

- полиморфность: распространение популярных практически среди всех народов однотипного набора символов и фреймов, историй о «мудром правителе» или всепобеждающем герое – борце за справедливость. При этом колоритные фигуры героев отражают национальный стиль, этническое своеобразие своего народа, совершая predetermined им роли, имеющие общее сходство в мифических сюжетах;

- ограниченность: для конструирования новых мифов используется определенная совокупность устойчивых символов, знаков и образов, которые могут иметь множество комбинаций;

- абстрагированность и конкретность: дуализм мифического и реалистичного преломляется через эмпирическую действительность;

- фундаментальность, базирующаяся на непреложных догмах культов (как языческих, так и религиозных), не требующая их проверки на веру и истинность;

- подвижность: миф не отражает достоверность, объективность и приверженность конкретному историческому времени, он функционирует в собственном измерении и являет собой опыт эмоциональной рефлексии.

Политические мифы имеют универсальную структуру, состоящую из набора определенных компонентов:

- архетипы – «архитектура» политического мифа – его «исходный код», интегрально структурирующие опыт всех предыдущих поколений;

- мифологемы – понятия, используемые для расшифровки различных мифологических сюжетов, сцен, образов, имеющих глобальную географию и отражающих универсальность для культур народов мира.

Современные мифы олицетворяют собой свободную форму политической идеологии, но с четко выраженной доминантой иррационального элемента, связанного с традиционным мифом. Однако его создание и продвижение носит искусственный, проектировочный характер и выра-

жает рациональную рефлексия и универсальные образцы социального поведения. Процесс сопряжения мифологии и идеологии начинается с трансформации целостной системы традиционной мифологии, легенд и фольклора вследствие политической мифологизации коллективного сознания. Возникновение политической мифологии провоцирует множество современных явлений – социальное неравенство, расовые, этнические, религиозные конфликты, цветные революции и т. д.

Периодически в различных странах на постсоветском пространстве предпринимаются попытки реконструкции комбинации старых политических мифов из разных эпох – обращение к победам и завоеваниям прошлого, возвеличивание известных личностей прошлых веков, возвращения к социальному равенству, коллективному благоденствию, развитию всевозможных культов. Этнополитические мифы в странах постсоветского пространства стали движущей силой многих идеологий и региональных суверенитетов ввиду проявившихся в полную силу в 90-х гг. XX века процессов обретения независимости, идейных смыслов, атрибутов государственности, обновления политического дизайна и т. д.

Политическая значимость реконструкций исторических, патристических и иных идеологических контекстов прошлого возрастает в кризисных ситуациях, усиливая привлекательность для общества минувшей героической эпохи, эхо завоеваний которой обретает новые политические смыслы. Можно предположить, что в таких ситуациях миф порождает «утопическую память», выдающую воображаемое за действительное.

Попытки восстановить прообраз «золотого века», в котором мифические фигуры, люди и природа находятся в гармонии, – не только семантическая конструкция, объясняющая происхождение мира или народа, но и создающая образ его будущего, по своей сути иллюзорна и иррациональна. Однако именно она способна свести в политически органичную целостность разные сообщества людей на основе синхронизации генеральных идей дальнейшего развития общества. Вместе с тем мифологические сюжеты, наполненные сводом ценностей нравственного кодекса, не содержат в себе «нормативной инструкции» по построению процветающего общества, но обладают побудительной силой, в том числе, могут быть использованы для этнической или общегражданской мобилизации, что подтверждается примерами современной истории.

Существовавшие многие века общепринятые традиционные практики – исполнение народных песен, проведение спортивных игр, об-

щих для всех поколений праздников, имевших сакральное значение, – в настоящее время модернизированы и институционализированы, служат решению новых национальных задач региона или целого государства.

Менталитет и мировоззрение народов Российской Федерации за многие века совместного сосуществования претерпевали многократные изменения, и обрели достаточную устойчивость для сохранения своего духовного иммунитета. Современные процессы экономической и политической трансформации в условиях постсоветской действительности, связанные с переходом к глобализации, переосмыслением своей роли в истории, выражаются в симбиозе модернизма и архаики, традиций и инноваций.

Каждый коренной народ – держатель этнокультурной традиции, мифологии, исторической памяти, а российская нация, объединяющая более 160 этносов великой страны, – держатель стратегии устойчивого развития целого государства, нацеленная на укрепление своего единства, формирование национальных и языковых идентичностей, проводник коммуникативных внутренних и внешних стратегий, преломляющихся через актуальные идеологические месседжи.

Политические мифы зримо присутствуют в общественных процессах регионов современной России, приобретая сакральное значение. Они проявляются в ритуалах и праздниках местного, регионального и общегосударственного уровня, использовании символики, орнаментов, национального стиля, технологиях проектирования политической реальности, оформлении элементов политической рекламы. Таким образом, тиражирование через современные информационные коммуникации дизайна политического мифа может стать одной из технологий эффективного управления гражданским обществом, обеспечения консолидации народов, солидаризации групп и слоев населения, привлечения внимания к мировоззренческим основам существования России.

В соответствии с вышеназванными трактовками конструируются четыре основные группы мифов, приобретающих политическое, конфессиональное или этническое значение:

- общественно-политические или национально-политические, создающиеся институтами гражданского общества: политиками, партиями, СМИ, социальными сетями;

- этнической, языковой и религиозной идентификации, образующие культурный ландшафт территорий, формирующие национальную идентичность, включенность в религиозную общность;

– продвижения неоязыческих культов и фантастических сюжетов авторской художественной литературы;

– масс-медиа сетевой культуры, оказывающие влияние на искажение объективной действительности, идеологий, ценностей, формирующие современную этнополитическую картину на основе иррациональных смыслов, а при крайних формах – проводящие социализацию радикального характера.

«Мифы» как основания политических идей передают иррациональные смыслы, и в этом контексте следует отметить: то, что является несомненной истиной для одних народов или государств, может противоречить идейным основаниям других сообществ. Таким образом, генерация истин или, напротив, фальсификаций в дискурсе окна Овертона служит для завоевания электората, фокусирования на них политических предпочтений, как и реализации политических стратегий применения «мягкой силы» в доказательстве превосходства в конкурентном противостоянии идейных конструкторов для развертывания геополитических конфигураций на поле своего влияния.

Общность политического и традиционного мифа придает и идея Р. Барта о том, что «миф есть коммуникация»⁶. Рационализация пространства мифа деструктивно влияет на его изначальные иррациональные смыслы, но берет на вооружение исторические образы и сюжеты, символы, создавая на их основе актуальные мемы и фреймы и придавая им политический окрас.

Мифы, связанные с архетипами, представляют собой маркированное художественное полотно о наследии прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего. В современный период миф конструирует идейную архитектуру гражданского общества, оказывая большое влияние на формирование политической идентичности, принятие которой во многом зависит от доминирования политического строя, культурного ландшафта, всплеска пассионарной активности. Как полагает эксперт Д.И. Гагаури, «... принимая на веру тот или иной миф, индивиды отождествляют себя с конкретной политической ролью и приобретают идентичность. Помимо того, что политический миф вводит оппозицию «друг / враг», «мы / они», он создает когнитивную основу политической идентичности, мировоззренческую картину для каждого, кто вовлечен в политическое сообщество»⁷. Так политические фреймы, мифологемы, архетипы

6 Чубукова Е.И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта [Электронный ресурс] // URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta>

7 Гигаури Д.В. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 85.

и мифемы начинают формировать или искажать гражданскую идентичность под определенным политическим фокусом, включая воздействие прошедшего апгрейд исторического и национально-политического наследия.

Таким образом, в условиях множественности интерпретаций этнических реальностей стираются различия между объективностью, достоверностью, историчностью и фальсификацией, искажением, симулятивностью, что приводит к новому витку этнополитической мифологизации.

С развитием новейших информационных, особенно сетевых, коммуникаций тиражирование мифов становится основой политической рефлексии, которая может быть рассмотрена в контексте этнокультурных представлений того или иного народа, этнополитической и религиозной парадигмы, трансформации идеологии или общественного уклада целого государства и как катализатор духовных и патриотических смыслов.

На политическую самоидентификацию нередко влияет искусственно инспирируемый внешними силами комплекс вины всей нации за проступки определенных социальных групп, сообществ или конкретных исторических фигур. Это происходит через предоставление иностранных грантов на выпуск научной и публицистической литературы, публикации в популярных изданиях, запуск в телевизионном кинопрокате кинофильмов и сериалов, которые под определенным углом освещают спорные страницы истории и способны менять мировоззрение многих людей. Любая цензура вызывает резкую общественную реакцию, приобретая характер обвинения власти в ограничении свободы слова. Подчеркнем, что подобные инсинуации подрывают рост патриотических чувств и формирование единства нации.

Отсутствие целостного мировоззренческого пласта, с одной стороны, осложняет формирование единой национальной идеологии, с другой – обогащает ее палитру яркими красками, что отражается в формировании эклектичной духовной культуры, предопределяющей выбор разных моделей социального поведения в политическом измерении.

В XXI веке мифологические мотивы, рассчитанные на глубокое погружение в человеческое сознание, не обязательно должны иметь эпическую, пространную форму: это может художественный фильм, зрелищная инсталляция, изображение в рекламе, компьютерная, интерактивная игра, аудио-, видео- или текстовое сообщение в мессенджере, популярный

пост в социальной сети, красочная фотография или запоминающийся слоган. Иначе говоря, технологии социальных коммуникаций трансформируют мифологическое сознание современного человека.

Праздники как инструмент моделирования этнополитической реальности

Праздничное торжество у всех народов мира с архаичных времен считалось украшением социальной действительности и проводилось преимущественно как веселое всенародное действо, циклично запускавшее возрождение и обновление мира, когда смена времен года давала новую жизнь и совершавшиеся при этом магические действия или ритуалы с помощью фольклора нормировали правила поведения, отношений, культивировали ценности и традиции.

Как символы торжества социально-политического курса, праздники являются инструментами формирования общей религиозной, этнокультурной, языковой, гражданско-политической идентичности, которая способна конструировать на платформе символической политики, объединять людей, стимулировать солидарность целого этноса или группы народов в единую идейную общность, побуждая их к определенным политическим действиям.

Этнополитический праздник как символическая составляющая мифолого-ритуального действия, являясь пространством конструирования политической реальности, отражает ключевые стратегии реализации политики формирования идентичности, проведения результативной прямой и обратной коммуникационной связи с гражданским обществом, поскольку представляет собой коммуникационный инструмент репрезентации образов и мифологем в контексте публичной национальной политики. Также его основной функцией становится закрепление и тиражирование социально значимых для гражданской коллективной идентичности всего общества управляемых событий.

Синхронизация «символической», мифолого-ритуальной политики и комплекса идентичностей через систематическое воспроизведение дискурсивных практик: праздников, символических событий, памятных дат, устойчивых и определенных во времени – становится эффективным способом конструирования моделей поведения общества. Как считает немецкий историк Я. Ассман, «... Праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность и тем самым воспроизведение культур-

ной идентичности»⁸. Таким образом, обладая потенциалом коммуникативного феномена, праздники, как памятные даты в хронике истории (включая крупные победы на спортивных чемпионатах мира, позиции в рейтингах завоевания медалей на Олимпиадах), формируют консервативную или модернизированную версию политической реальности. При оперировании ценностными смыслами, формирующими архитектуру идейно-патриотических смыслов, важны позитивные месседжи, укрепляющие единство всех слоев и групп общества и государственность страны, ее признание в международном сообществе.

А.Ф. Некрылова исходит из того, что «... Праздники национальные, этнические должны занять ... свое место, обрести свою обдуманную, оправданную специфику, опирающуюся на традицию и степень сохранности народной культуры в конкретных местностях, слоях населения, в культурной памяти каждого народа. Надо учить население и приучать праздновать, ценить этническое своеобразие и воспринимать праздник как время творческое, дающее возможность проявить свою индивидуальность. Необходимо создавать не одноразовые, пусть и оригинальные, праздники, а выстраивать систему, предусматривающую иерархию праздников и обретение этническими, народными праздниками своего лица, с особой этикой поведения, ритуализацией, с локальными, этническими зрелищно-игровыми приемами, символами и особенностями-константами»⁹.

В новейшее время политический миф выступает в качестве социального регулятора репрезентации политической идентификации в процессе восстановления исторической памяти и этнокультурной кодификации ее символов, конструирования тематических каналов коммуникации, мифо-сценариев вовлечения людей в единые общности в интересах политического доминирования. Как отмечает Д.И. Гигаури, «... Политика идентичности использует символические, информационные и коммуникативные ресурсы, позволяющие конструировать единое сообщество и формировать чувство общности и важности для всех политических задач, мобилизуя граждан на совместные действия. Политический миф создает когнитивную основу политической идентичности. Особую роль в закреплении и воспроизводстве идентичности выполняет политиче-

8 Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004. С. 60.

9 Некрылова А.Ф. Этнический праздник в современных условиях // Фольклор и этнокультурная идентичность: Материалы IV Международной Школы молодых фольклористов / Сост. Н.Н. Глазунова. РИИИ. – СПб., 2014. 184 с.

ский праздник как форма государственного ритуала»¹⁰.

На современном этапе появление в календаре официальных дат новых праздников, с одной стороны, отображает закономерный ход истории, трансформации идеалов и ценностей, а с другой – является общественным узакониванием и нормированием сопряженных с ними обрядов и ритуалов и т. п. К примеру, появление российского государственного праздника «День народного единства» возвращает россиян к судьбоносному историческому событию 1612 года, когда перед лицом смертельной опасности, благодаря единению народа, от польских интервентов была освобождена Москва. Исторически через празднование этого поворотного события в отечественной истории, связанного с окончанием Смутного времени в России в XVII веке, проходят параллели, символизирующие сплочение и единение всего российского народа и его готовность объединиться в драматические периоды. Цикличность истории проявляется и в том, что освободительные войны – Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. – становились катализаторами внутренних ресурсов для созидания и консолидации народов России.

В новейшей истории День воссоединения Крыма с Россией имеет знаково-символическое значение для формирования гражданской идентичности. Вхождение Республики Крым после результатов общенародного референдума в состав Российской Федерации, по мнению европейских политических кругов, не стало презумпцией прецедента подобно отторжению Косово от Сербии, и отказ в праве на аналогию стал источником применения санкций против России со стороны США и ЕС. Запад на свой манер пытается конструировать политическую мифологию, не принимая во внимание историческую память, духовные связи двух братских народов, общие традиции, единые религиозные воззрения и т. д.

Политический миф и ритуал являются идейной основой для проведения публичной национальной политики формирования идентичности, которая, в свою очередь, выступает действенным инструментом конструирования коллективного мировоззрения, транслируя мифологемы. Через принимаемые совместно ритуалы и мифы люди обретают представления об истории, традициях или, напротив, оказываются во власти заблуждений вследствие формирования осознанной или бессознательной коллективной идентичности.

10 Гигаури Д.И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Санкт-Петербург, 2016. С. 16.

Мифология этнополитического протеста

Процесс «изобретения традиций» в русле идей английского ученого Э. Хобсбаума всегда связан с институализацией, мифологизацией и ритуализацией. Введенное этим ученым в научный оборот понятие «изобретенная традиция» являет собой новую закономерность формализации и ритуализации, объясняя их как «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени. И действительно, всюду, где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом»¹¹.

При этом введенная в этнополитический оборот традиция, коррелирующая с современной реальностью, всегда синхронизируется с историческим наследием прошлого, несмотря на то, что эта связь носит условный, мифологический характер.

Этим явлениям есть подтверждения, связанные с крушением СССР, образованием на постсоветском пространстве новых государств Восточной Европы. В конце XX века происходили развенчивание социалистических идеалов, ревизия исторически достоверных событий, возникали религиозные и националистические течения, предпосылки для регионального сепаратизма.

Современное гражданское общество должно научиться защищать себя от интоксикации фальсифицированными продуктами истории. В этом, на наш взгляд, состоит убеждение в том, что изъятие историко-культурных стержней из отечественных или национальных культур, приведет к их замещению искусственно изобретенной политической мифологией, искажающей межнациональные отношения. Модернизация мифологий, когда традиционные начала подменяются политическими течениями, сформированными под идеологическим влиянием псевдо-историй, никогда не приведет к развитому гражданскому обществу – устойчивой на века цивилизации.

Вместе с тем, во многих бывших социалистических странах демонстративно уничтожались символы советской эпохи, которые замещались новыми памятниками, кинофильмами, книгами, контентом социальных сетей, фестивалями, наполненными новыми этнополитическими смыслами.

11 Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47-62.

На геополитическом евразийском пространстве происходят искажения в восприятии мира этнической культуры. Они являются попыткой переосмыслить древние пласты цивилизации и через призму современной действительности интерпретировать мифы и фольклор, преломляя их через социальные коммуникации. Безусловно, побочным эффектом можно считать утрату влияния традиционных начал культуры, как и ее оскудение, утрату исторической достоверности, ее универсализацию и вестернизацию по матрицам глобальных культур, наносящих ущерб этнической самобытности.

В то же время разрушение мифологических оснований со всем их этнокультурным базисом социокультурного феномена приводит к замещению традиционных оснований на глобальные, универсальные для всех ценности, нередко агрессивно навязываемые масс-медиа культурой, а интеграция традиционных форм общественного уклада и заимствованных форм политического волеизъявления – к использованию исторических форм в современной архитектуре протеста. Как показывают срезы этнополитической ситуации в постсоветских странах, многие «цветные революции» получали идейное основание – обращение к архаичным пластам коллективной памяти, когда происходит манипулирование поведением целых общностей через обращение к мифам, фольклору, хронологическим всплескам прошлого, и их архитекторы «пытаются освятить собственную теперешнюю идентичность. Через память, наследие, юбилеи, исторические празднества утверждаются и переосмысляются ключевые координаты осознания себя как общности»¹².

Последние десятилетия XX – начала XXI веков были ознаменованы заметными межэтническими катаклизмами, сыгравшими драматическую роль на территориях Восточной Европы, Балтии, Центральной Азии и Украины и во многом связанными с изменением этнополитической полярности, разрывами межэтнических и хозяйственных связей отраслей экономики и т. д. Эти годы были отмечены потрясениями, которые сопровождались усилением национально-сепаратистских тенденций, лингвистических преобразований, обостривших проблемы поиска этнокультурной идентичности.

Историческое прошлое часто синтезируется с новой, искусственно состаренной традицией, но через призму апгрейда приобретает совершенно иное этнополитическое звучание. Преимущество событий, выстраивание ассоциативных связей между культурными пластами

12 Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6.

прошлого и современности, обращение к эпическому наследию, исторической памяти о героических фигурах, изречениям выдающихся личностей прошлого становятся инструментами управления социальной реальностью.

В.Х. Сахибгоряев, С.В. Котов, А.В. Понеделков, рассматривая аксиологическую парадигму «цветных революций» на евразийском пространстве, подчеркивают их иррациональные смыслы, обращающие сообщества к искаженным абстракциям мифов и легенд, вычлененным цитатам и призывам, реконструированным радикальным идеям на современном культурном ландшафте. В результате вкрапление фальсифицированных компонентов в этнокультурные доминанты провоцирует возникновение деструктивных националистических реакций, обращая людей к разрушительному видению действительности. Любое осознание собственного этнического превосходства с его доведением до состояния абсурда и отрицанием культуры многонационального диалога всегда приводит к росту конфликтной мобилизации. В частности, на примере Украины, где, как указывают ученые, «... Синкретическая, многослойная, в какой-то степени агрессивная мифология «постреволюционной Украины» едва ли имеет отношение к аутентичному отражению сути событий прошлого и настоящего, однако она имеет непосредственное отношение к реальности. Она формирует «твердую породу» национального сознания, претендует на определение векторов будущего культурного движения целого народа, способствует «культурной интеграции», «воображаемому единству»¹³. Таким образом, в основе протестов лежат иррациональные смыслы и политические мифы, что целесообразно учитывать при профессиональном выборе политических технологий противодействия конфликтам.

Как видим, современная история наглядно показывает, что «наиболее отчетливо легитимирующая функция мифа проявляется в ходе национально-государственного строительства, позволяя презентовать националистические претензии как логику истории. Тем самым анахронизмы используются для обоснования современных политических целей. Еще одно проявление легитимирующей функции мифа – мифологизация войн как сакрализация массовой жертвенности прошлых поколений, «взывающих» о самопожертвовании во имя страны (а по сути, в интересах существующего политического режима) к совре-

¹³ Сахибгоряев В.Х., Котов С.В., Понеделков А.В. Имагинативная природа феноменологии «оранжевой революции» на Украине // *Власть*. 2016. № 10. С. 198–204.

менным поколениям»¹⁴.

А.В. Савиных, исследуя инструментальный характер управления межэтническими процессами в цивилизационных общностях европейского социума, отмечает: «Немаловажную роль в определении качества этнополитики того или иного государства играет культурная политика по отношению к этническим меньшинствам. И здесь возможны две взаимно не исключающие стратегии: сохранение и развитие культурного наследия, придание культурным кодам и символам государственного статуса. В первом случае позитивные результаты политики бережного отношения к культурному наследию миноритарных этносов не решают проблемы маргинализации самой их культуры, в том числе придания ей фольклорных очертаний. Во втором случае происходит качественно более высокое признание культуры этноса, в основном через повышение статуса языка миноритарных этнических групп до государственного или официального»¹⁵.

Таким образом, нарушается объективация действительности, когда современные этнополитические константы берут на вооружение отдельные страницы истории, фрагменты мифологической картины, игнорируя конкретные исторические координаты, события, смыслы, объективность и достоверность, подмененные изобретенными фальсифицированными представлениями. В итоге молодое поколение обращается к чуждым радикальным идеям, и для участников «цветных» революций виртуализация сознания, подпитываемая искусственной природой сконструированного мифа, становится более реалистичной данностью, подменяющей действительный порядок вещей, достоверность истории, истинность событий и процессов.

Архитектура «цветных» революций основывается на логике иррациональных конфликтов, мифо-ритуальных сюжетах и вырванных из исторических контекстов части хроник прошлых столетий, разжигании вражды и ненависти, этнополитических амбиций, нередко получающих выражение в форме экстремистского поведения. Фактически, эти явления диаметрально противоположны, поскольку разновидность политической мифологии имеет преимущественно дело не с личностным «Я», а с коллективным бессознательным, провоцируя массы людей на протестное самовыражение. Кодификация мифолого-ритуальных воззрений,

¹⁴ Мусихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 109.

¹⁵ Савинов А.В. Идеи европейской этнополитики: реалии и перспективы // Идеи и идеалы. 2013. № 1 (15). С. 135-136.

формирующая болезненные переживания за будущее страны, основывается на манипулировании общественным сознанием, в результате чего упрощаются подходы управления толпами людей на основе архетипов и мифологем. Это приводит к поражению демократического общества: отказу от демократичности, цензуре слова, установлению диктата меньшинства, появлению новых «вождей», реконструкции националистических символов, фальсификации истории, фильтрации инакомыслящих, люстрации по политическим мотивам, образованию отрядов «чистильщиков» истории, милитаристских групп и т. д.

Конструирование современных реальностей связано с интерпретациями «прогрессивных движений» исторической ленты, мифологического и фольклорного наследия, как бы лимитирующими нормы, правила, модели поведения, которые еще несколько лет назад казались немислимыми. Во многом стратегия по управлению реальностью как технология манипулирования общественным мнением получила свое развертывание еще в 90-х годах прошлого века, и получила свое название как окно Овертона, основоположника этого дискурса измерения свободы.

Согласно модели Овертона, для каждого отрезка времени характерны идеи, нормирующие жизнь общества, образуя точку отсчета для его развития в определенный исторический период, в то время как остальные идеи, даже самые парадоксальные или фантастические, находясь на периферии общественных смыслов, могут входить в диапазон допустимых, либо исключаются как неприемлемые. Однако даже такой условный или отложенный статус может с течением времени радикально повлиять на формирование цивилизационного уклада, изменить ход истории, мировоззрение целого народа, привести к появлению идеологических догм или неприкасаемых правил общества, меняющих действительность, как минимум, для одного поколения.

В восприятии архитекторов геополитической картины мира фабрики и обсерватории, имеющие статус неправительственных институтов и активно распространяющие массивы фальсифицированной информации, возводящие в ранг истины абсолютную ложь, считаются самыми деятельными институтами внешней политики, особенно в рамках сетевых информационных войн. Впоследствии они могут разоблачаться, но, когда результаты внешнего воздействия достигнуты, любые опровержения не получают дальнейшего серьезного хода в мировых масс-медиа, а также политического осуждения основными игроками мировой политики.

Проекция постмодернизма в этнополитическом пространстве обра-

щена к мифу, где истинное и действительное, с одной стороны, и изобретенное и воображаемое, с другой, фактически не конфликтуют друг с другом, а обогащают ценностями на стыке реального и виртуального, в котором мышление поколения Z являет собой новую социальную парадигму «homo virtualis», с характерными символами, фреймами и мемами, образующими цифровой эквивалент мифологической реальности. Мифы, представляя собой универсальные источники интерпретации современных феноменов действительности, представляют собой нейтральную идейно-содержательную основу формирования национальной идентичности, которая может сложиться как моноэтнический продукт и даже дать стимул для роста национализма или как социокультурный конструкт воспитания человека в духе диалога культур. Поэтому мифы, к примеру, тюркские, славянские или скандинавские, их образы, эмблемы и символы часто находятся в спектре внимания и отражаются в дизайне идеологий, действий молодежных сообществ, в том числе радикальных. Такая реконструкция мифологии вызвана объективными факторами – миграционными процессами, расовыми предрассудками, рисками сепаратизма и национализма.

В последние десятилетия не только в странах постсоветского пространства, но и Европы в новой геополитической конфигурации обозначился новый вызов роста языкового и этнического национализма, связанного с историческими реконструкциями, поиском привилегий для коренных этносов, ответом на миграционные процессы. Ввиду этого размывание ценностей, исчезновение традиционных праздников, диалектов, снижение роли родных языков коренных народов в системе общественных коммуникаций, дезориентация в выборе нравственных координат, унификация моделей социального поведения приводит к росту протестного настроения и интереса к проблемам этнокультурной идентичности.

Как уже отмечалось выше, одновременное воздействие тенденций глобализации и регионализации на организацию этнокультурной сферы жизни общества приводит к парадоксам многокультурности. В частности, современные миграционные волны становятся новым вызовом для культур и идентичностей коренных народов, оказывают определенное воздействие на формирование культурного ландшафта страны прибытия беженцев и выходцев из бедных стран, что приводит к нивелированию границ между народами и культурами. В этих условиях все более заметным становится стремление народов к сохранению своей культуры в широкой палитре этнокультурного многообразия, поиска места в современном мире.

Множественность изобретенных миров, получивших воплощение в художественной литературе в жанрах фэнтези, а также анимации, комиксах и косплее, компьютерных играх, сопряжена с многообразием мистических сюжетных, языковых и смысловых конструкций легенд и мифов. Обращение к фольклорным персонажам, использование языка пиктограмм и иероглифических символов, элементов культурных традиций разных эпох и частей света позволяет максимально красочно синкретично совместить воображаемое с реальным. Новейшая культура социальных коммуникаций в определенной степени сделала мифы идеологическим оружием в конкурентной борьбе за влияние на мировоззрение и поведение людей.

Восстановление геополитических преимуществ России на евразийском пространстве и ее уверенная демонстрация своей приверженности традиционным ценностям, способность отстаивать суверенитет, активное участие в формировании многополярных центров мира и институтов безопасности, оказавшиеся неожиданными и неприемлемыми для США, являются в определенной степени обращением к патриотическим началам, в основе которых лежат мифы о российской государственности.

Фреймы прошлого: «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать» – тезис теории старца Филофея (ок. 1465-1542), формула триады графа С.С. Уварова «Самодержавие. Православие. Народность». В советский период главной стала идея строительства светлого будущего советского народа как единой социалистической общности. На постсоветском пространстве с 90-х годов прошлого века стали преобладать идеи евразийства и политического самоопределения новообразованных государств, взявшие на себя доминантную роль в самых разных идеологиях.

Даже для национальных республик Российской Федерации в конце XX – начале XXI века концептуальным политическим мифом длительное время являлся миф обретения независимости, суверенитета, гипертрофированного политического самоопределения, который, спустя четверть века развития российского федерализма, практически исчерпал свой потенциал, ресурсно-идейную базу. Реализация крупнейших по своему масштабу национальных проектов, наряду с ростом российской общегражданской идентичности и вкупе с дискредитацией экстремистки настроенных сообществ, привели к утрате привлекательности идей суверенизации для большинства жителей регионов, включая национальные республики. Очевидно, что обновление Конституции России позволило объединить традиционные начала, направить усилия государства

на всемерную поддержку самобытных культур и родных языков, всецело гарантировать их сохранение в будущем.

Несмотря на кардинальную смену государственных институтов правления и политических идеологий, изменения дизайна управления, подходы к решению принципиальных задач просвещения, национально-культурного строительства могут сохраняться без принципиальных изменений достаточно долгое время.

Традиционным началам в укладе многих государств противостоят так называемые псевдо-ценности свободы абсолютно от всего, подчиняющие всеобщему универсализму любые формы непохожести на общечеловеческие принципы, с которыми иностранные эрзацы демократий нивелируют любое проявления самобытности и независимого поведения. В частности, инспирация в разных точках мира «цветных» революций показывает, что развитые страны не одержимы демократическим альтруизмом построить процветающий мир во всех уголках планеты, и мифотворчество западного превосходства над многополярным миром порождает свои геополитические издержки, экономические санкции и гуманитарные катастрофы.

Периодические западные «крестовые походы» на Восток, не имеющих легитимность с позиций ООН, нацелены на ускорение политических изменений на азиатском направлении и экспорт демократий с подменой национальных ценностей на мифические идеалы.

В геополитическом смысле ненасильственные «цветные» революции в виде тиражирования демократических мифов и общечеловеческих ценностей – это высокоточное оружие гуманитарной интервенции, применение которого совершенно не требует обязательного согласования с ООН. Они представляют собой основной инструмент косвенного и в определенных случаях прямого воздействия на ослабленную внутренними конфликтами страну для осуществления государственного переворота, приведения к власти марионеточных и часто сменяемых правительств, последующего достижения геополитических преимуществ, завоевания доступа к ресурсам, создания условий, ограничивающих политическую и экономическую самостоятельность. В то же время деструктивную роль в сокращении влияния на развитие этнической мифологии может сыграть противопоставление национальных и общечеловеческих ценностей, столкновение различных национально-патриотических и религиозных парадигм, которых придерживаются различные политические группы, диаспоры, общины и т. д.

Алгоритм протестных настроений, апофеозом нарастания которых

становятся «цветные революции» реализуется по следующей схеме: «происходит смена сакральной зоны: общество снимает защиту от своих прошлых «богов» – разворачивается критика, которая расчищает место для «богов» новых; новая сакральность воплощается в точном отборе символов – происходит смена названий городов, улиц, замена памятников и т. п.; как результат предыдущих этапов, осуществляется смена зоны агрессии: общество меняет иерархию в системе «друг-враг»; старые тексты теряют свою актуальность; производится большое количество новых идеологических текстов, призванных обосновать смену политических декораций; на политическую сцену выходят специалисты по вербализации реальности – журналисты, писатели, ученые; символические процессы, кажущиеся неуправляемыми, на самом деле четко направлены к определенной цели»¹⁶.

«Цветные революции», несмотря на то, что они идеологически опираются на местные мифологии, представляют собой экспорт зарубежных технологий мобилизации протеста, по сути, информационного оружия геополитического влияния. В частности, на развитом Западе «ястребы» не хотят мириться со снижением своего неокOLONиального господства в странах Азии, где складывается система противовесов, защищающих их менталитет, право на собственное саморазвитие в цивилизованном мире.

Ни одна из просвещенных демократий не готова поделить суверенитетом и, несмотря на широкое распространение различных субкультур, идейных течений, рост протестных настроений, жестко преследует сторонников трансформаций собственных политических укладов, расправляясь с инакомыслящими и периодически бездоказательно заявляя о вмешательствах в их внутренние дела. Так, на обезличенную толпу молодых людей, громящих магазины, поджигающих автомобили, заставляющих людей белой расы преклонять колени перед портретом Джорджа Флойда – новой иконы борьбы за права афроамериканцев – и скандирующих «Жизни черных имеют значение», как на подготовленную матрицу, могут накладываться любые деструктивные политические клише. Тем не менее, подобные системные протесты, возглавляемые, в том числе, яркими представителями политических партий и даже отдельных институтов власти, не выходят за рамки собственных представлений о свободе и не несут никаких последствий для территориальной целостности.

16 Князева М.И., Фадеева Н.И., Холкин И.Н. Информационное пространство социокультурной идентичности [Электронный ресурс] // URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (Дата обращения: 26.08.2020)

В настоящее время во всем мире происходит санация культуры через политическую мифологию – развенчиваются мифы о столпах истории, свергаются с пьедестала памятники знаковым фигурам, через столетия обвиненным в колониальной политике и иных преступлениях против гуманности. Так, с площадей и постаментов в национальных музеях, библиотеках и дворцах культуры США сносятся памятники, имеющие отношение к периоду зарождения демократии, сложного характера взаимодействия европеоидного населения с коренными народами Северной Америки. Апелляция к проблематике угнетения народов Африки запускает новую этнополитическую мифологию – обратного превосходства, когда на теме расизма доминанты культуры толерантности порождают новые искусственные стереотипы, любое отклонение от которых приводит к крушению устоявшихся гражданских правил общественного поведения и формированию новой семантической реальности.

В результате глобальных трансформаций в мире происходит сегрегация общества – за последние десятилетия произошла градация цивилизационных общностей, целых стран, жителей на классы по имущественному, социальному, образовательному, технологическому цензу, когда достижение успеха для одних сделало это немыслимым для немалой части населения. Нарастающее этносоциальное напряжение в конгломерате субкультур, этносов, диаспор, демонстрирующих совершенно разные модели поведения, приводит к когнитивному диссонансу, из-за чего искажаются понятия свободы личности, идеи, воззрения, ценности, поведенческие и эмоциональные реакции, вызывающие общественные волнения, многотысячную волну протестов.

Таким образом, области политической и геополитической мифологии как многомерные понятия представляют собой поле символического и идейного противоборства.

Мифологические конструкты этнополитического дизайна

Этнополитический дизайн культурных ландшафтов стран постсоветского пространства за последние десятилетия значительно усложнился, что вызвано территориально-политическими обособлениями и развитием процессов культурного самоопределения, в свою очередь потребовавших возрождения мифов в изменившихся условиях.

В последние десятилетия понятия «проектирование», «конструирование», «моделирование», относившиеся ранее исключительно к техническим наукам, стали неотъемлемой частью социальной инженерии и вывели в орбиту технологического творчества совершенно новое поня-

тие – «политический дизайн». Переход от формализации и стандартизации к креативной функциональности идейно-идеологических систем растянулся в пространстве и времени, однако в настоящее время политический дизайн позволит значительно расширить представления и модернизировать, казалось бы, консервативные движения, заявить об этом устойчивом явлении в прикладных науках как «о синкретичном виде творческой деятельности, основная цель которой – функциональная организация внешней среды, в том числе предметной, коммуникативной, политической и т. д.»¹⁷.

Конструирование новейших социально-политических мифологий предполагает необходимость применения методов политического дизайна как продукта проектирования, концентрирования и сопряжения коммуникационных связей между историческим наследием и процессами его реконструкции в современных контекстах. Дискурс политической мифологии: эпос – эпические герои – завоевания прошлого + политическая модификация + ресурсы мобилизованной этничности = возрождение легенд и их реконструкция в новейших культурно-исторических контекстах.

Архитектура национальных кодифицированных идеологий отражает разные точки зрения понимания природы нации, выраженных в следующих интерпретациях политического и этноконфессионального дизайна:

- авраимическая религиозная традиция, свойственная народам – носителям иудейского, христианского и исламского мировоззрения, оказывающих влияние на развитие культур и политические процессы;
- коллективная солидаризация граждан на основе объединяющих всех идей формирования демократического общества;
- отражение этнических свойств национального духа, подкрепляемого мифами, культурными нормами, символами прошлого;
- надэтнический культурный плюрализм как основа единого коммуникационного мультикультурного пространства, вбирающего в себя не только этнокультурное своеобразие народов – выходцев из разных европейских и азиатских стран, но и разнообразие жизненных стилей, ритуалов, ценностей, манер поведения;
- образования этнополитической центристской общности, возникновение которой инспирировано драматическими событиями, «цветными революциями», массовыми протестами, инцидентами нарушения прав и свобод человека и целых народов, появлением независимых националь-

17 Волкова В.В. Дизайн рекламы. – М., 1999. С. 23.

ных общественных движений, экономическими, экологическими, политическими кризисами, ростом запросов на справедливость.

Легендарные имена прошлого, политические действия которых по прошествии десятилетий и даже столетий могут интерпретироваться с диаметральных точек зрения, нередко становятся частью персонифицированных партийных брендов и, по сути, как и любое обращение к национальным архетипам и символическому языку, подтверждающим уникальность этнополитического продукта, отражают маркетинговый ход завоевания собственного превосходства на политическом пространстве. Образы прошлого в этом смысле, бесспорно, имеют преимущества, поскольку они, вызывая реакцию общественного сознания, через каналы социальной коммуникации передают массам сакральный смысл и сообщают индивидуумам личную сопричастность к событиям происходящего, порождая новую политическую мифологию.

Выводы

1. Архаический (традиционный) миф является матрицей для формирования мифа политического, этнокультурный код которого формирует множественные идентичности и оказывает влияние на конструирование современной политической реальности. Эпические сказания (эпосы на основе мифов), на наш взгляд, можно рассматривать как кодифицированную через природу символов и знаков ментальную карту, масштабно конструирующую семиотику культуры, ассоциативные поля, сакральные образы, мировоззренчески-эмоциональные переживания, формирующие в своей совокупности социальные и культурные модели поведения, ресурсы этничности, духовный потенциал. Главный результат постижения смыслов эпического – включение осваиваемых ценностей и ритуалов в этнокультурную традицию постижения картины мира, осознания духовной предопределенности связи с родом-племенем-народом.

2. В человеческом мировоззрении мифы преломляются через набор идентичностей, вбирающих архетипический опыт, коммуникационные практики, опыт социальных взаимодействий, историческую память. Политический миф формируется совместно с комбинацией магических сюжетов и фреймов, мемов и образов, позиционированием их смыслов в мифоритуальных практиках. Миф является способом духовной, этносоциальной и национальной самоидентификации этноса, который разделяет архетипы, и через миф самоутверждается в полиэтническом пространстве. Восстановление целостности национального мировоззрения не представляется возможным без обращения к различным этническим

мифологиям разных эпох, соединенных общей этнокультурной или этнополитической традицией.

Мифологическая традиция адаптируется под уже существующий этнополитический проект, очерчивая контуры реализации национальной идеи и масштабируя географию своего распространения.

3. Знаковая система символов и образов, исходящих из мифологических контекстов, – семантических, художественных, вербальных, пиктографических, а также мемы и фреймы образуют политический дизайн продвижения конкретной идеологии, а также обладает потенциалом мгновенной мобилизации ресурсов этничности и трансляции этнополитических смыслов, эмоциональных переживаний, типичных образцов социального поведения. Инструментальные свойства современного политического мифа используются архитекторами политических пространств, в том числе политическими партиями, в интересах управления общественным мнением и развития институтов гражданского общества.

4. Этнополитическая генеральная идея реконструкции политической мифологии возрождает и кристаллизует в современной действительности национальные архетипы, образы, формирует символическое пространство.

5. Политический миф, выполняя функцию реконструкции традиционной «картины мира», обращается к этнокультурным мотивам и исторической памяти, среди которых в качестве доминантных выделяются мотивы будущего нации, государства, поиск судьбоносных траекторий развития в мире.

6. Мифологизация сознания и поведения современного человека приводит к принятию мифотворчества как данности политической реальности, и, в том числе, принимая обстоятельство «диктата меньшинства» – влияния пассионариев на развитие всего гражданского общества. Ввиду этого на постсоветском пространстве проявляется совершенно новый этнополитический феномен, который возможно назвать как «Мифологический радикализм». Это явление приобретает силу опасной тенденции современного мира, когда политические мифологии начинают подменять правовые регуляторы, выдвигая в качестве догмы правила социального поведения, обусловленные современным мифотворчеством. В результате не только в странах Европы, но и Азии за последние два-три десятилетия происходили «цветные революции», ставшие, в том числе, результатом мифологизации общественного сознания, конфликтной мобилизации ресурсов этничности и т. д.

7. В связи с этим констатируем, что формирование общего политического пространства представляет собой многомерную конструкторскую, дизайнерскую, художественно-технологическую, мифолого-реконструкционную, коммуникационно-сетевую деятельность, направленную в своем композиционном единстве на достижение превосходства в свободной конкуренции ценностей, идеалов и политических идей.

Список литературы:

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: 2004. С. 60.
2. Белов С.И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» // Вестник московского университета. Сер. 12. Политические науки, 2018. № 3. С. 41.
3. Волкова В.В. Дизайн рекламы. – М.: 1999. С. 23.
4. Гигаури Д.В. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития, 2015. № 15. С. 85.
5. Гигаури, Д.И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики: автореф. дис. ... канд. политич. наук. – Санкт-Петербург, 2016. С. 16.
6. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 38.
7. Князева М.И., Фадеева Н.И., Холкин И.Н. Информационное пространство социокультурной идентичности // URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (Дата обращения: 26.08.2020)
8. Мусихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность, 2015. № 5. С. 109.
9. Некрылова А.Ф. Этнический праздник в современных условиях // Фольклор и этнокультурная идентичность: Материалы IV Международной Школы молодых фольклористов / Сост. Н.Н. Глазунова. РИИИ. – СПб.: 2014. 184 с.
10. Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2011. № 6.
11. Савинов А.В. Идеи европейской этнополитики: реалии и перспективы // Идеи и идеалы, 2013. № 1 (15). С. 135-136.
12. Сахибгоряев В.Х., Котов С.В., Понеделков А.В. Имагинативная природа феноменологии «оранжевой революции» на Украине // Власть, 2016. № 10. С. 198-204.
13. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии, 2000. № 1 (8). С. 47-62.
14. Чубукова Е.И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта // URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta>

References

1. Assman J. Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. - M.: 2004. P. 60.
2. Belov S.I. Correlation of the concepts "political myth" and "historical myth" // Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political sciences, 2018. № 3. P. 41.
3. Volkova V.V. Advertising design. - M.: 1999. P. 23.
4. Gigaure D.V. Symbolic dimensions of identity politics // Theory and practice of social development, 2015. № 15. P. 85.
5. Gigaure, D.I. Political myth and ritual in the structure of modern symbolic politics: author. dis. ... Cand. politician sciences. - St. Petersburg, 2016. P. 16.
6. Zamyatin D.N. Culture and Space: Modeling Geographic Images. M.: Znak, 2006. P. 38.
7. Knyazeva M.I., Fadeeva N.I., Kholkin I.N. Information space of sociocultural identity // URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (26.08.2020)
8. Musikhin G.I. Political myth as a kind of political symbolization // Social sciences and modernity, 2015. № 5. P. 109.
9. Nekrylova A.F. Ethnic holiday in modern conditions // Folklore and ethnocultural identity: Materials of the IV International School of Young Folklorists / Comp. N.N. Glazunova. RIIII. - SPb.: 2014. P. 184.
10. Rozhdestvenskaya E., Semenova V. Social memory as an object of sociological study // Interaction. Interview. Interpretation, 2011. № 6.
11. Savinov A.V. Ideas of European Ethnopolitics: Realities and Prospects // Ideas and Ideals, 2013. № 1 (15). P. 135-136.
12. Sakhibgoryaev V.Kh., Kotov S.V., Ponedelkov A.V. The imaginative nature of the phenomenology of the "orange revolution" in Ukraine // Power, 2016. № 10. P. 198-204.
13. Hobsbawm E. Invention of traditions // Bulletin of Eurasia, 2000. № 1 (8). P. 47-62.
14. Chubukova E.I. The mythological concept of communication by R. Barthes // URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta>

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Московский государственный технический
университет имени Баумана

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Методологический инструментарий исследования государственно-конфессиональных отношений

На сегодняшний день конфессиональное пространство современной России многообразно и разнородно. Ежегодно возрастает количество религиозных организаций, зарегистрированных в государственном реестре Министерства юстиции Российской Федерации. Так, в 2010 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 23 494 религиозных организаций, в 2011 г. – 23 848, 2012 г. – 24 629, 2013 г. – 25 541, 2014 г. – 26 442, 2015 г. – 27 496, 2016 г. – 28 465, 2017 г. – 29 800, 2018 г. – 30 193, 2019 г. – 30 896, 2020 г. – 31 076¹. Т. е. за последние десять лет наблюдается стабильная тенденция к росту ежегодно регистрируемых религиозных организаций на территории Российской Федерации и это только легально существующие и зарегистрированные организации. В этой связи можно предположить, что количество не зарегистрированных религиозных организаций, ежегодно возникающих на территории страны, также имеет стабильную тенденцию к росту.

В 1993 году была принята Конституция Российской Федерации, оказавшая большое влияние на процесс формирования отношений между государством и религиозными объединениями. Статьи с 14 по 19 Основного закона провозглашали ряд принципиальных положений, касающихся государственно-конфессиональных отношений: светский характер государства, запрет обязательной религии, равенство религиозных объединений перед законом, равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, запрет любых форм ограничения по признакам религиозной принадлежности².

В 1997 году был принят Федеральный закон № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях»³, который конкретизировал основные

1 Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации с 2009 по 2019 год / по данным Государственного реестра Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://minjust.gov.ru> (дата обращения: 08.02.2021).

2 См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : по сост. на 22 мая 2021 г.: ст.ст. 14-19 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1993. № 27. С. 3890.

3 См.: О свободе совести и религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ : по сост. на 22 мая 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 34. С. 4029.

положения Конституции, а также стал основой для введения в другие отрасли права нормативных актов, регулирующих разные аспекты государственно-конфессиональных отношений.

В этот же период начинает формироваться ряд подразделений в государственном аппарате, курирующих политические процессы в отношениях между государством и религиозными объединениями.

В современной России широко распространилась практика заключения договоров и соглашений религиозных организаций с государственными органами как на федеральном, так и на региональном уровнях. Сотрудничество государственных органов и силовых структур с православными, мусульманскими и изредка протестантскими религиозными организациями оформляется путем заключения соглашений о сотрудничестве.

В то же время, социально-политическая реальность свидетельствует, что существующий механизм государственно-конфессиональных отношений в современной России требует своевременных дополнений, так как на сегодняшний день отсутствует единый нормативно-правовой документ, регулирующий данные взаимоотношения, в том числе, который являлся бы основополагающим и системным документом для взаимоотношений религиозных объединений с силовыми структурами. В этих условиях возникает необходимость в концептуальном осмыслении государственно-конфессиональных отношений в современной России, разработки и принятия единого системного нормативно-правового документа их регулирующих.

Кроме того, современное развитие государственно-конфессиональных отношений в принципиально новых общественно-политических условиях, требует применения своевременной методологии к их исследованию, которая носит междисциплинарный характер, объединяя сферы научных интересов истории, философии, теологии, социологии, юриспруденции, политологии и других гуманитарных дисциплин.

Исторический подход представляет собой совокупность методов, среди которых наиболее значимыми, для настоящего исследования, являются историко-генетический и историко-правовой.

Историко-генетический подход в исследовании эволюции государственно-конфессиональных отношений использовали В.А. Бондаренко, Г.П. Герейханов, А.В. Карташева, Г.М. Керимова, Л.И. Климович, Н.М. Никольский, М.Э. Поснова, Р.А. Силантьев, И.С. Свенцицкий, С.А. Токарев и др.

Применение вышеуказанного метода позволяет последовательно рас-

крыть свойства, функции и изменения государственно-конфессиональных отношений в процессе их исторического развития.

Историко-правовой метод в исследовании государственно-конфессиональных отношений в современной России способствует системному анализу исторических документов и законов, регулирующих взаимоотношения органов власти и религиозных объединений, позволяет автору получить знания о событиях, законодательных установлениях, юридической практике, существовавшей в разные периоды развития российской государственности, и на этой основе сделать соответствующие теоретические выводы в сфере государственно-конфессиональных отношений в современной России.

Историко-правовой метод при исследовании государственно-конфессиональных отношений в России достаточно широко использован в работах Л.А. Баширова, И.И. Бражника, Н.С. Гордиенко, В.В. Ключкова, В.А. Куроедова, А.А. Левиной, М.П. Мchedлова, Л.А. Тюриной, А.В. Пчелинцева, В.А. Федорова и др.

Применение историко-правового метода при исследовании государственно-конфессиональных отношений позволяет определить основные этапы развития отечественного законодательства в сфере государственно-конфессиональных отношений на основе обобщения историко-правового материала и правовых взглядов отечественных ученых.

Представляется оптимальным для исследования государственно-конфессиональных отношений в рамках социологической науки – институциональный метод, применение которого в исследовании государственно-конфессиональных отношений в современной России позволяет выделить виды социальных институтов, выступающих в качестве механизмов, упорядочивающих отношения государства и религиозных объединений.

Социологический подход в исследовании государственно-конфессиональных отношений широко представлен в трудах классиков социологии и философии: Р. Белла, М. Вебера, Т. Гоббса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, И. Канта, О. Конта, К. Маннгейма, Р. Мертона, Ж.Ж. Руссо, Г. Спенсера, С. Франка и др.

В исследовании государственно-конфессиональных отношений в рамках политической науки, особую роль играют системный подход, политико-правовой анализ, метод сравнительного правоведения и сравнительного государствоведения.

Опора на политологический инструментарий в исследовании государственно-конфессиональных отношений предполагает осуществление

их анализа на основе системного подхода, что позволяет подойти к изучению государственно-конфессиональных отношений в современной России как к составной части общего процесса формирования новой российской государственности, в контексте общественно-политических и правовых процессов.

Кроме того, системный подход используется для обоснования основных составных элементов понятия «государственно-конфессиональные отношения», к которым относятся: цель, задачи, предмет, принципы, субъекты, формы, уровни, сферы, эффективность, результат и обоснования положений, направленных на оптимизацию деятельности субъектов государственно-конфессиональных отношений в современной России.

Политический аспект использования системного подхода обуславливает применение его инструментария, где особое место отводится методу моделирования. На основе моделирования базируется большинство методов научного исследования современных политических явлений и процессов. Модель в науке выступает как аналог реальности, нечто, «способное заменить в определенном отношении изучаемый объект. Это не само явление, а его упрощенное изображение, используемое, в первую очередь, для комплексного изучения результатов возможных изменений»⁴. Применительно к области политологического знания в сфере государственно-конфессиональных отношений моделирование предполагает широкий набор конкретных методических средств, позволяющих проводить исследование не только самого объекта изучения, но и его общественно-политической среды.

Первостепенная задача государства и религиозных объединений на современном этапе развития заключается в построении оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений, учитывающей отечественный и зарубежный опыт.

Представляется, что при разработке оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений в современной России, как и в других странах мира, целесообразно использовать метод политико-правового анализа, с одной стороны, учитывающий политические особенности формирования и реализации государственно-конфессиональных отношений в конкретной стране, с другой стороны, выявляющий правовое регулирование данного политического явления⁵.

⁴ Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. – М., 1964. С. 212-215.

⁵ Метод политико-правового анализа представляет собой метод политических исследований, в котором правовая компонента метода состоит в анализе соответствия действий объекта исследования нормам Конституции, международных актов о правах и свободах человека и действующего законодательства,

Метод политико-правового анализа относится к качественным методам политологических исследований⁶. Он представляет собой использование в современных условиях нормативно-институционального метода, который вышел на передний план в развитии методологии политической науки в институциональный период (XIX – начало XX века)⁷.

Важнейшая особенность метода политико-правового анализа состоит в том, что в рамках этого метода реализация осуществляется с использованием критериев ценностных оценок результатов исследования⁸. Такими ценностными оценками в настоящем исследовании служат результаты анализа на соответствие государственно-конфессиональных отношений нормам международного права, устанавливающим права и свободы человека, и нормам Конституции конкретного государства.

Взаимосвязь политического и правового анализа в данном методе заключается в следующих положениях: во-первых, в самом общем виде право определяется как «совокупность юридических норм, выработанных и санкционированных государством, через которое оно реализует свои интересы и регулирует поведение людей»; во-вторых, «любая политика находится в основании процесса формирования права»; в-третьих, «какой бы относительной самостоятельностью не обладало право, оно служит определенной политике правового государства»⁹.

Методической и инструментальной основой метода политико-правового анализа служит содержательный контент-анализ нормативных актов, а также иных характеризующих его действия официальных документов, в котором единицей анализа служит правовая норма. Такой анализ включает правовую и политическую компоненты¹⁰.

Правовая компонента состоит в анализе содержания нормативных актов на соответствие зафиксированных в них решений и действий органов власти и их должностных лиц нормам Конституции, международных актов о правах и свободах человека и гражданина и действующего законодательства.

Политическая компонента состоит в анализе политической направленности зафиксированных в нормативных и иных официальных до-

а политическая – в выявлении политических целей, результатов и эффективности таких действий. См.: Нисневич Ю.А. Политико-правовой анализ как метод политических исследований // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4. № 1. С. 6–15.

6 Дегтярев А.А. О качественных и количественных методах политологических исследований. Основы политической науки. М., 1998. С. 33–34.

7 Боришполец К.П. Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2018. С. 34.

8 Чилкот Р.Х. Теория сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М.: Весь мир, 2001. С. 520–521.

9 Кокорин А.А. Политика: теория, методология, методика. М., 2019. С. 118.

10 Мангейм Д.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997. С. 24.

кументах решений органов власти и их должностных лиц, которые могут быть направлены либо на решение проблем в различных сферах жизнедеятельности общества и государства в интересах всех граждан и в целях общественного развития, либо в частных интересах отдельных граждан¹¹.

Совокупность нормативных актов и документов, подлежащих контент-анализу при проведении исследования методом политико-правового анализа, определяется теоретической гипотезой исследования. Эта совокупность должна обеспечивать необходимое для проверки гипотезы описание значимых в ее рамках аспектов действий объекта исследования¹².

Методической основой политико-правового анализа действий исследуемого объекта при его участии в конкретных общественно значимых процессах, событиях и ситуациях может служить методика анализа событийных данных – ивент-анализ, в которой также должны присутствовать правовая и политическая компоненты. Ивент-анализ – методика (в политической науке иначе называемая методом анализа событийных данных) основана на слежении за ходом и интенсивностью политических событий с целью определения основных тенденций эволюции обстановки в отдельных странах и на международной арене. Данная методика направлена на обработку информации, показывающей, кто говорит или делает, что говорит или делает, по отношению к кому и когда говорит или делает. Систематизация и обработка соответствующих данных осуществляется по следующим признакам: субъект-инициатор (кто), сюжет (что), объект (по отношению к кому), дата события (когда)¹³.

Применение вышеуказанного метода позволяет осуществлять сравнение различных событий в политической жизни общества с участием религиозных объединений, которые подсчитываются и описываются в терминах количества, численности их участников и протяженности во времени. Событийный анализ позволяет также оценивать новое качество (состояние) государственно-конфессиональных отношений как результата политического процесса в современных реалиях, что повышает точность в прогнозировании его развития.

В политической науке все больше возрастает роль метода сравнительного правоведения и сравнительного государствоведения (далее – сравнительного право- и государствоведения), который имеет своим объектом аналогичные или сходные институты двух или нескольких по-

11 Там же. С. 25.

12 Нисневич Ю.А. Современные методы политических исследований. Метод политико-правового анализа // Научный эксперт. 2010. № 12. С. 34-40.

13 Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 66-75.

литических и правовых систем. Родоначальником этого метода является Аристотель, который сравнивал конституции около полутора сотен греческих и варварских городов. По своей природе метод сравнительного право- и государствоведения является комплексным. Он имеет философскую природу, использует метод аналогии, включает в себя формально-логические, специально-юридические и другие приемы¹⁴.

Применение вышеуказанного метода позволяет провести сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательств, регулирующих государственно-конфессиональные отношения, выявить сильные и слабые стороны законодательств разных стран. На основе данного анализа автор делает выводы о возможности имплементации некоторых норм отдельных стран в российскую правовую систему с целью совершенствования отечественной системы правового воздействия на государственно-конфессиональные отношения.

Таким образом, анализ методологического инструментария исследования государственно-конфессиональных отношений позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, методология исследования государственно-конфессиональных отношений в современных реалиях предполагает интеграцию теоретических и методологических средств гуманитарных наук, то есть применение методологического инструментария не только политической науки, но и истории, философии, теологии, социологии, юриспруденции, что позволит всесторонне исследовать данную проблематику.

Во-вторых, основой методологического инструментария для исследования государственно-конфессиональных отношений в рамках политической науки являются – системный подход, исторический подход, политико-правовой анализ, метод сравнительного правоведения и сравнительного государствоведения, позволяющие вычленив их специфику и влияние на обеспечение государственной безопасности.

В-третьих, системный подход позволил сформулировать авторское понятие «государственно-конфессиональные отношения»¹⁵ и в качестве основного метода определить направления дальнейшего исследования, структурирования и оценку полученных выводов и результатов.

¹⁴ Там же. С. 94-100.

¹⁵ Под государственно-конфессиональными отношениями предлагается понимать исторически обусловленный процесс взаимоотношений органов государственной власти (включая органы местного самоуправления), с одной стороны, и религиозных объединений – с другой, регулируемый нормами права и каноническими правилами конфессий, обусловленных решением поставленных перед ними задач, осуществляемый в целях эффективного функционирования механизма государственной власти при проведении вероисповедной политики во всех сферах общественной жизни. См.: Михайлова А.В. Государственно-конфессиональные отношения: политологический анализ понятия // Этносоциум. 2020. № 4. С. 17-34.

Политический аспект использования системного подхода обуславливает применение его инструментария, где особое место отводится методу моделирования. На основе моделирования базируется большинство методов научного исследования современных политических явлений и процессов.

В-четвертых, комплексный подход, основанный на принципе интеграции теоретических и методологических средств гуманитарных наук, позволяет выявить главную особенность государственно-конфессиональных отношений в современной России, которая заключается в том, что данные отношения продолжают иметь договорный характер и зависеть от наличия соглашения между органом государственной власти (включая орган местного самоуправления) и религиозным объединением. Заключение соглашения между органом государственной власти и религиозным объединением напрямую зависит от личного субъективного отношения того или иного государственного служащего к конкретной конфессии.

Настоящее состояние государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации предполагает потенциальную возможность разработки и принятия «Концепции государственно-конфессиональных отношений в современной России», которая станет основополагающим и системным документом постоянного действия, регулирующим данные взаимоотношения, исключающие субъективизм.

Список литературы:

1. Боришполец К. П. Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2018. 274 с.
2. Герейханов Г.П. Государственно-исламские отношения в России, их влияние на пограничную безопасность (Социально-философский анализ). – Дис. ...докт. филос. наук. – М.: 2006. 457 с.
3. Дегтярев А. А. О качественных и количественных методах политологических исследований. Основы политической науки. – М.: 1998. 387 с.
4. Кокорин А.А. Политика: теория, методология, методика. – М.: 2019. 218 с.
5. Мангейм Д.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. – М.: 1997. 286 с.
6. Нисневич Ю.А. Современные методы политических исследований. Метод политико-правового анализа // Научный эксперт. 2010. № 12. 53 с.
7. Чилкот Р.Х. Теория сравнительной политологии. В поисках парадигмы. – М.: Весь мир, 2001. 521 с.
8. Шедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. – М.: 1964. 249 с.

References

1. Borishpolets K.P. Methods of political research. - M.: Aspect Press, 2018. 274 p.
2. Gereyghanov G.P. State-Islamic Relations in Russia, Their Impact on Border Security (Socio-Philosophical Analysis). - Dis. ... doct. Philos. sciences. - M.: 2006. 457 p.
3. Degtyarev A.A. On the qualitative and quantitative methods of political science research. Foundations of Political Science. - M.: 1998. 387 p.
4. Kokorin A.A. Politics: theory, methodology, technique. - M.: 2019. 218 p.
5. Mannheim D.B., Rich R.K. Political science. Research methods. - M.: 1997. 286 p.
6. Nisnevich Yu.A. Modern methods of political research. Method of political and legal analysis // Scientific expert. 2010. № 12. 53 p.
7. Chilkot R.Kh. The theory of comparative political science. In search of a paradigm. - M.: Ves mir, 2001. 521 p.
8. Shchedrovitsky G.P. Problems of system research methodology. - M.: 1964. 249 p.

Игроки политической модернизации современной России

Осуществление трансфера совокупности или отдельных элементов модернизации в политической сфере происходит при воздействии на систему отдельных институтов, институций и игроков. Если говорить о том, что в современной России сейчас происходит процесс политической модернизации, то мы должны принять во внимание тот факт, что ее осуществление должно происходить под воздействием конкретных институтов и игроков. Они, в свою очередь, прямо или косвенно разрабатывают и реализовывают модернизационный сценарий осуществления трансфера элементов политической системы.

В данной статье исследовательское понимание сосредоточивается на выявлении конкретных игроков, их функциональных особенностях, а также механизмах реализации модернизационного воздействия на политическую систему России со стороны вышеупомянутых субъектов и объектов политического действия.

Рассматривая современную российскую действительность, необходимо учитывать, что на политическую систему воздействуют не только ее прямые акторы в лице заинтересованных и ответственных органов государственной власти, политических партий. Мы имеем возможность выделить также государственные и бизнес-корпорации, представителей силовых структур, а также некоммерческие организации, гражданских активистов и др. Данные игроки в условиях российской политической системы оказывают прямое или косвенное влияние на сферу управления изменениями в экономике и политике.

В указанной статье перед нами стоит задача определить, кого и что мы будем считать институтами и игроками политической модернизации в российском государстве. Под игроками мы будем понимать акторов, то есть действующих лиц, непосредственно функционирующих в конкретном институте и институциональной среде и в их интересах, для того чтобы в результате их действий они сами, институт и институ-

циональная среда в целом находились в состоянии выигрыша, понесли наименьшее количество транзакционных издержек и могли сформировать собственную повестку для выработки и принятия конкретных политических решений.

В данном контексте имеем дело с модернизационным дискурсом, а поэтому институты и игроки должны соответствовать статусу модернизационности и определять стержневые основы, при которых модернизационность реально будет определяться конкретным действием по изменению системы. В противном случае, если игрок не способен формировать запрос на реализацию модернизационности и система не в состоянии будет «стать реальностью», игроки потеряют возможность «почувствовать запах кофе»¹. В данном контексте будет также справедливо упомянуть политического философа С. Жижека, который утверждал, что откаты в модернизационной повестке, которые пропагандируются некоторыми институциональными игроками могут восприниматься как проявление инфантилизма и ретроградство по отношению к собственному народу².

Соответственно, для нас институты и игроки есть взаимодополняемые элементы политической системы, которые имеют возможность воздействовать на трансформацию государственной политики в конкретной сфере жизнедеятельности. Именно о таких институтах и игроках пойдет речь далее.

Для российской политико-экономической системы, которая находится в процессе перманентных изменений, институты и игроки являются важными структурами политической системы, ибо их миссия заключается в том, чтобы устанавливать правила игры и следовать им, а также наказывать тех, кто отказывается их соблюдать.

Рассматривая игроков политической системы России, можем выделить несколько основных их функций:

1. Нормативная. Позволяет игрокам обладать формальными или неформальными способностями и желанием, полномочиями создавать собственные «правила игры», подчинять их требованиям других игроков или же подчиняться им самостоятельно в зависимости от места расположения конкретного института и игрока в иерархии политической и экономической системы. Выработка конкретных «правил игры» является системообразующей функцией институтов в связи с их желанием опре-

1 Kerr P., Foster E., Oaten A. & Begum N. Getting back in the DeLorean: modernisation vs antimodernisation in contemporary British politics. - Policy Studies. 2018. Vol. 39. №. 3. P. 307.

2 Žizек S. Against the Populist Temptation, Critical Inquiry. 2006. № 32 (3). P. 551-574.

делять конкретные нормы, которым должны следовать иные акторы политико-экономической системы. Структура побудительных действий со стороны акторов предполагает участие институционального фактора как в политической, так и экономической реальности³. Отсюда мы сталкиваемся с тем, что именно мотивационный характер определения конкретных норм формирует под собой институциональную основу развития сообществ и конкретных подсистем.

2. *Социализирующая.* Позволяет входить в политическую систему новым институтам и игрокам, удерживаться там, приспосабливаться к устоявшимся нормам для дальнейшей реализации нормативной функции. Благодаря ей возможно не только усвоение, но и перестройка «правил игры» под собственные притязания – отсюда возникает определенная синкретичность социализирующей и нормативной функции. Отчасти это можно считать верным, так как они являются взаимодополняющими и позволяют игрокам и институтам быть эффективными при системном видении своих целевых установок и планомерного движения к намеченным задачам. Социализация конкретного института или игрока позволяет определить его готовность к реализации собственных задач в системе, а также понять, насколько он конкурентоспособен по отношению к уже существующим и функционирующим институтам и игрокам.

3. *Утилитарная.* Формирование рационалистических устремлений по снижению транзакционных и иных постоянных и переменных издержек позволяет игрокам действовать в соответствии с представлениями о рациональных устремлениях. Это связано с необходимостью разграничения реально существующей действительности и ее восприятия со стороны других участников политических и экономических процессов⁴. Здесь важно четко определять субъективные и объективные характеристики тех процессов, которые подвластны игрокам и связанным с ними институтам. Это необходимо для того, чтобы рациональные устремления игроков по формированию и функционированию институтов не смогли быть лишены объективированного восприятия мира, в котором происходит их воздействие.

Проследить реализацию представленных функций игроками в рамках институциональной логики модернизационных изменений можно в таблице 1.

3 North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 337 p.

4 Simon H.A. Rational decision making in business organizations //The American economic review. 1979. Т. 69. №. 4. Р. 493-513.

Таблица 1.

Критерий	Нормативная	Социализирующая	Утилитарная
Цель	Формирование «правил игры»	Вхождение в политическую систему и усвоение существующих «правил игры»	Формирование объективированной реальности посредством снижения издержек
Средства	Принятие нормативно-правовых актов, обычаи делового оборота, договоренности между формальными и неформальными игроками, институциями, действия групп интересов, давления и др.	Легитимация новой организации, институции, группы интересов путем формального или неформального закрепления в системе государственных институций или неформальное действие группы лиц и др.	Исключение проявления оппортунизма со стороны заинтересованных сторон, максимизация полезности от совершаемых действий при заключении социальных контрактов и др.
Позитивные эффекты	Позволяет предложить системе и обществу в целом собственное видение реализации тех или иных модернизационных процессов, установить наиболее эффективные меры по реализации модернизационной стратегии.	Позволяет представить системе и обществу в целом новых игроков и институты, а также провести «стресс-тест» на их функциональность и выживание в рамках текущих «правил игры».	Позволяет уйти от ситуации некоторых турбуленций со стороны различных заинтересованных сторон, а также информационной асимметрии и исключает вероятность проявления клиентелизма в организации политических и бизнес-элит при принятии политических решений.
Негативные эффекты	Стремление к формализации «правил игры», а также повсеместному упорядочиванию различных аспектов социально-политического и экономического воздействия модернизационных изменений по средствам введения новых нормативных установок, иногда отличающихся от магистральной концепции модернизационных устремлений.	Неоправданное выживание тех игроков, институтов и институций, которые подвергаются дополнительному лоббированию со стороны групп интересов и давления при одновременной низкой эффективности работы самого игрока, института, институции. Существует опасность проявления клиентелизма.	Вытеснение с повестки дня субъективного и аффективного аспекта воздействия на политическую и экономическую системы, тогда как данные формы социального воздействия нельзя не признавать действенными.

В целом, как мы увидели, существует достаточно тесная взаимосвязь между игроками и институтами. Важно, что указанные функциональные особенности должны быть взаимодополняющими, а не взаимоисключающими или заменяемыми. Выпадение одного элемента из цепи грозит тем, что игрок, а вместе с ним и институт, и институция уже не смогут полноценно создавать позитивную повестку модернизационных изменений как в политической, так и экономической системах. Особенно серьезной и взаимной данная связь является, когда речь идет о реализации модернизационных стратегий в политическом и экономическом пространстве государства. Далее мы раскроем суть воздействия игроков и институтов на политическую модернизацию современной России.

Рассматривая современную модернизационную политическую повестку России, мы должны остановиться на тех акторах, которые имеют реальные, не только декларируемые формальными институтами возможности, позволяющие прямо или косвенно становиться непосредственными игроками. С этой целью мы обратимся к теории вето-игроков, чтобы понять, какие игроки для нас непосредственно важны и почему именно их мы можем выделить в качестве ключевых для определения модернизационной повестки в стране. Под вето-игроками мы будем понимать обладающих значительным влиянием актора и/или учреждение, имеющих возможность изменять конъюнктуру внутри институциональной среды при принятии конкретного решения. В логике Дж. Цебелиса, вето-игроки – это те акторы, которые в силу своего формального или неформального воздействия имеют возможность прямо или косвенно изменять статус-кво, то есть систему соглашательной политики в конкретной институциональной среде⁵. Если продолжить данное рассуждение, то для нас важным будет являться следующее понимание вето-игрока: актор, прямо или косвенно имеющий полномочия (формальные или неформальные) для воздействия на принятие политического решения, а также снижения транзакционных издержек или же их повышения в случае появления его личной заинтересованности, а также воздействия на свойство оппортунизма со стороны других игроков.

Цебелис склоняется к тому, что вето-игроки являются необходимой институциональной структурой политической системы, так как их существенное количество и реальное присутствие позволяет обеспечивать стабильность системы, избегая скачкообразных политических кризисов, продиктованных волей отдельных атомарных игроков и связанных с

⁵ Tsebelis G. Nested games: rational choice in a comparative perspective. – Berkeley: Univ. of California press, 1990. 288 p.

ними институций. При этом функциональные возможности вето-игроков обусловлены прямой зависимостью стабильности политики, где получение большей стабильности является наименьшим набором результатов, связанных с изменением статус-кво⁶.

Соответственно, выделяя игроков, которые непосредственно имеют возможность воздействовать на институты и определять повестку политической модернизации России, мы будем придерживаться следующих критериев:

- институционализация;
- реальный доступ к принятию политических решений, связанных с модернизацией, или воздействие на их принятие;
- легитимация игрока и его устремлений через социализацию в политической системе;
- стремление к снижению издержек принятия политических решений, ориентированных на модернизационный курс.

Для начала выделим институционализированных игроков политической системы, которые соответствуют указанным критериям: Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации. Данные институциональные игроки являются конституированными в соответствии с нормами Конституции РФ, которые устанавливают полномочия каждого из указанных властных органов (ст. 80-93, гл. 4 Президент Российской Федерации, ст. 94-109, гл. 5 Федеральное Собрание, ст. 110-117, гл. 6 Правительство Российской Федерации⁷).

Помимо институционализированных Конституцией РФ игроков можно предположить, что существуют еще некоторые связанные с ними элементы, являющиеся совещательными и автономными структурами, которые в логике уже упомянутого ранее Н. Петрова можно называть «субститутами институтов»:

- Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам⁸;
- Центр стратегических разработок⁹;

6 Помигуев И.А. Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель? // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 171-183.

7 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 12.04.2021).

8 Указ Президента Российской Федерации от 19.07.2018 г. № 444 «Об упорядочении деятельности совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1106092809046329083756223177&cacheid=42C1B5262B5F1F438C1D5E5911B7281F&mode=splus&base=LAW&n=344831&rnd=0.831544518347255#80sx8luv33> (Дата обращения: 12.04.2021).

9 Центр стратегических разработок [Электронный ресурс] // URL: <https://www.csr.ru/ru/> (Дата обращения: 12.04.2021).

– Рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации (единовременный игрок в политической системе)¹⁰;

Далее нам предстоит понять, являются ли указанные выше игроки действительно акторами, которые имеют реальную возможность воздействовать на принятие политических решений, связанных с модернизационными изменениями в современной России. То есть речь идет о реализации представленных нами функций по обеспечению создания и функционирования института политической модернизации в современной России.

Если схематично посмотреть на структуру игроков, которые имеют реальную и техническую возможность воздействовать на принятие политических решений, то можно понять, какой существует потенциал для реализации модернизационной повестки (Рисунок 1).

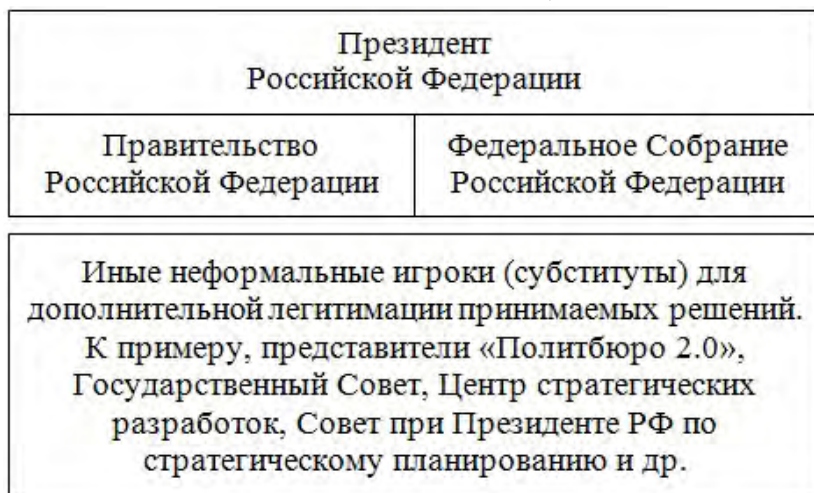

Рисунок 1. Схема действия игроков политической модернизации современной России.

В общем виде игроки могут обладать широким кругом полномочий, позволяющих ему формировать модернизационную повестку для государства.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что игроки политической модернизации в России являются значимыми для определения повестки изменений, которые могут происходить в стране. Однако они должны

¹⁰ Распоряжение Президента Российской Федерации от 15.01.2020 № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=439922#014740404801533669> (Дата обращения: 12.04.2021).

придерживаться своих институциональных функций, которые будут позволять им осуществлять собственные полномочия прямо или косвенно.

При этом мы понимаем, что игроки политической модернизации имеют возможность перемещаться как в горизонтальном, так и вертикальном положении, меняя собственные статусы, нормативную и институциональную определенность в зависимости от текущих транзакционных издержек.

Соответственно, мы склонны предполагать, что игроки политической модернизации в современной России должны представлять собой институциональный комплекс, способствующий планомерному и поступательному развитию системы, в том числе, ориентированной на снижение клиентелизма и повышение значимости утилитарного подхода к определению целевых установок общественных трансформаций.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 12.04.2021).
2. Указ Президента Российской Федерации от 19.07.2018 г. № 444 «Об упорядочении деятельности совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1106092809046329083756223177&cacheid=42C1B5262B5F1F438C1D5E5911B7281F&mode=splus&base=LAW&n=344831&rnd=0.831544518347255#80sx8luv33> (Дата обращения: 12.04.2021).
3. Распоряжение Президента Российской Федерации от 15.01.2020 № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=439922#014740404801533669> (Дата обращения: 12.04.2021).
4. Петров Н. Субституты институтов // Отечественные записки. 2007. №. 6.
5. Помигуев И. А. Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель? // Полис. Политические исследования, 2016. № 2. С. 171-183.
6. Центр стратегических разработок // URL: <https://www.csr.ru/ru> (Дата обращения: 12.04.2021).
7. Kerr P., Foster E., Oaten A. & Begum N. Getting back in the DeLorean: modernisation vs antimodernisation in contemporary British politics. - Policy Studies. 2018. Vol. 39. № 3. P. 301-310.
8. Tsebelis G. Nested games: rational choice in a comparative perspective. - Berkeley: Univ. of California press, 1990. 288 p.
9. Zizek S. Against the Populist Temptation, Critical Inquiry. 2006. № 32 (3). P. 551-574.
10. Земцов Б., Шубин А. Метаморфозы российской модернизации // Свободная мысль 2011 № 2 (1621). С. 49-56.
11. Суздалева Т.Р. Догоняющая модернизация: отечественный и зарубежный опыт В сборнике: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. РАН. ИНИОН. Москва, 2012. С. 151-155.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (12.04.2021).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 19.07.2018 No. 444 "On streamlining the activities of advisory and advisory bodies under the President of the Russian Federation" // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1106092809046329083756223177&cacheid=42C1B5262B5F1F438C1D5E5911B7281F&mode=splus&base=LAW&n=344831&rnd=0.831544518347255#80sx8luv33> (12.04.2021).
3. Order of the President of the Russian Federation of January 15, 2020 No. 5-rp "On the working group for the preparation of proposals for amending the Constitution of the Russian Federation" // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=439922#014740404801533669> (04.12.2021).
4. Petrov N. Substitutes of institutions // Notes of the Fatherland. 2007. № 6.
5. Pomiguyev I.A. Council of the State Duma: a real veto player or a technical executor? // Policy. Political Studies, 2016. № 2. P. 171-183.
6. Center for Strategic Research // URL: <https://www.csr.ru/ru> (12.04.2021).
7. Kerr P., Foster E., Oaten A. & Begum N. Getting back in the DeLorean: modernisation vs antimodernisation in contemporary British politics. - Policy Studies. 2018. Vol. 39. № 3. P. 301-310.
8. Tsebelis G. Nested games: rational choice in a comparative perspective. - Berkeley: Univ. of California press, 1990. 288 p.
9. Zizek S. Against the Populist Temptation, Critical Inquiry. 2006. № 32 (3). P. 551-574.
10. Zemstov B., Shubin A. Metamorphoses of Russian modernization // Free Thought 2011 № 2 (1621). P. 49-56.
11. Suzdaleva T.R. Catching up modernization: domestic and foreign experience In the collection: Russia: trends and development prospects. Yearbook. RAS. INION. Moscow, 2012. P. 151-155.

Будзилевич В.В.

*Бакалавр факультета Мировой экономики
Государственного Университета Управления.
Менеджер проектов в ООО «Эйч Ар Медиа».*

Стратегическое управление в условиях цифровой экономики

На современном этапе развития экономики и общества, процессы цифровизации носят глобальный и повсеместный характер. Высокую важность приобретает необходимость стратегического управления с использованием возможностей цифровизации на различных уровнях, для обеспечения безопасности и повышения экономической эффективности всех участников. В ответ на сложившиеся тенденции разрабатываются государственные стратегические программы и трансформируются стратегии отдельных компании. Новые способы аналитики, исследования паттернов поведения потребителей, возможности разработки индивидуальных коммерческих предложений, новый уровень коммуникации с потребителями, отслеживание товара на всех этапах его жизненного цикла и ускорение запуска новых продуктов – приводит к необходимости быстрой адаптации и изменений в текущих стратегиях. Цель данной статьи – выявить особенности стратегического управления под влиянием процессов цифровизации. Для достижения цели были поставлены и решены следующие задачи: проанализировано множество подходов к определению понятия «стратегическое управление» и «цифровизация»; выявлены особенности влияния цифровизации на разных этапах стратегического управления; дано заключение о значимости применения цифровых технологий на разных этапах производственного процесса. Методами исследования являются анализ и синтез теоретических материалов в изучении подходов к определению стратегического управления и цифровизации. Данные исследования НАФИ [4], подтверждающие рост актуальности цифровизации бизнеса в современных условиях. Аналитическое исследование влияния цифровизации на этапах стратегического управления. Новизна статьи определяется высокой степенью значимости современных цифровых инструментов на разных этапах стратегического управления.

К определению понятия «стратегическое управление» есть множество подходов. Они базируются на следующих постулатах:

- ориентация на факторы внешней среды;
- аккумуляция необходимых средств для достижения долгосрочных целей;
- формирование определенной последовательности необходимых действий для достижения долгосрочных целей [8]. Важным принципом стратегического управления является посторенние гибкой системы, быстро адаптирующейся и реагирующей на изменения среды, что позволяет ей добиваться сильных конкурентных преимуществ [2]. Также в основе стратегического управления лежит стратегический выбор, согласно которому сопоставляются собственные ресурсы и возможности, либо угрозы внешней среды. Стратегический выбор также применяется при разработке последовательности действий для реализации долгосрочных целей компании. Возникло стратегическое управление в виду следующих факторов [5]:

- появление новых задач управления во второй половине XX в.;
- усложнение уже существующих задач;
- возросшая роль высшего управленческого звена;
- нестабильность и непредсказуемость внешней среды.

Значимость стратегического управления на современном этапе развития возрастает, усиливаясь развитием цифровых процессов во всех сферах, данные тенденции характерны и для российской экономики. Индекс цифровизации бизнеса по данным на сентябрь 2020 года составил 50 п.п. (по шкале от 0 до 100 баллов), и за 6 месяцев вырос до 51 п.п. [4].

Проблематика исследования феномена «цифровая экономика» заключается в разности определений понятия. Некоторые ученые берут за основу общие технологии и связанные с ними изменения в экономике, другие делают акцент на конкретных видах технологий или сфер, которые они затрагивают [9]. Но обобщив существующие подходы можно прийти к выводу, что в широком смысле понятие «цифровизация» включает в себя создание, распространение и использование цифровых технологий для улучшения качества жизни общества и/или в коммерческих интересах.

В России также отсутствует единый подход к определению понятий «цифровизация» и «цифровая экономика». Однако значимость данных процессов для страны подтверждается разработкой «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017-2030 годы» и мерами по

формированию экономики нового технологического поколения [3]. Согласно программе «Цифровая экономика РФ», выделяют 9 «сквозных» цифровых технологий: большие данные, квантовые технологии, компоненты робототехники и сенсорики, нейротехнологии и искусственный интеллект, новые производственные технологии, промышленный Интернет, системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей [6, 7]. Значимость «сквозных» цифровых технологий заключается в их востребованности и применимости во всех секторах экономики, они изменяют существующие бизнес-процессы и бизнес-модели, а также стимулируют появления новых рынков.

Выявив существенные признаки данных понятий, можно прийти к выводу, что *стратегическое управление в цифровой экономике* – это управление системой, с быстрым реагированием на факторы внешней среды и формирование стратегических альтернатив на основе цифровых технологий, позволяющее ставить и достигать более точечных, но масштабных целей и повышать экономическую эффективность систем.

Стратегическое управление в условиях цифровизации приобретает на данный момент все большую актуальность, так как компании сталкиваются с быстроизменяющимися системами и тенденциями [1]. Важно также отметить, что усиливается разрыв между компаниями, внедряющими цифровые процессы в свою операционную и стратегическую деятельность и компаниями, которые предпочитают традиционные бизнес-модели. Цифровые технологии позволяют выстраивать бизнес-модели с большей степенью ориентации на клиента, так как более глубоко исследуются истинные потребности потребителей, усовершенствуется клиентский сервис, что позволяет компаниям сформировать уникальное, ценностное торговое предложение и занять ведущее место на рынках присутствия. Собираемые данные об опыте использования продуктов и потребностях клиентов формируют нематериальные активы компаний. Также в виду глобальной тенденции сокращения жизненного цикла продуктов и технологий, бизнес-единицы сталкиваются с необходимостью разработки и выпуска инновационных и новых продуктов, но благодаря возможностям цифровизации скорость вывода нового продукта на рынок существенно возрастает [9]. Особенности влияния цифровизации и используемые инструменты на разных этапах можно представить в следующем виде:

Этап 1. Маркетинговые исследования факторов внешней среды. При-

меры цифровых технологий: технологии больших данных, применение искусственного интеллекта, сервисы онлайн-аналитики, Интернет вещей, блокчейн. *Влияние на эффективность стратегического управления:* за счет внедрения цифровых технологий в проведение маркетинговых исследований, компании получают доступ к более детальной, точной и специфичной информации о своих клиентах и тенденциях на рынках. Открываются возможности по созданию индивидуальных и персонализированных предложений услуг клиентам.

Этап 2. Оценка текущего состояния и ресурсной базы. *Примеры цифровых технологий:* облачное хранилище, технологии больших данных, цифровые платформы, искусственный интеллект, системы распределенного реестра. *Влияние на эффективность стратегического управления:* во-первых, цифровые технологии усиливают интеллектуальный капитал компании, который также рассматривается как актив. Во-вторых, компании могут более эффективно распоряжаться текущими ресурсами, за счет внедрения более эффективных инструментов аналитики и моделирования бизнес-процессов. В-третьих, цифровые технологии позволяют более точно и детализировано оценить текущее состояние компании по разным переменным. Выявляются узкие места в текущих бизнес-моделях.

Этап 3. Подготовка стратегических альтернатив. *Примеры цифровых технологий:* цифровые платформы, искусственный интеллект, машинное обучение. *Влияние на эффективность стратегического управления:* при подготовке стратегических альтернатив управленцы могут опираться на более широкий пласт информации, полученный и обработанный за счет внедрения цифровых технологий, с учетом долгосрочных целей компании.

Этап 4. Выбор стратегии. *Примеры цифровых технологий:* цифровые платформы, искусственный интеллект, машинное обучение, исследования в режиме реального времени, технологии цифрового моделирования. *Влияние на эффективность стратегического управления:* выбор стратегии осуществляет непосредственно руководитель, однако цифровые технологии позволяют оперативно провести тест гипотез и смоделировать ситуации, чтобы убедиться в эффективности выбранного вектора развития.

Этап 5. Формирование плана последовательных задач для достижения целей. *Примеры цифровых технологий:* цифровые платформы, технологии беспроводной связи, промышленный Интернет. *Влияние на эффек-*

тивность стратегического управления: преимуществом применения цифровых технологий на данном этапе выступает возможность систематизации и интеграции отдельных бизнес-процессов в единую систему и отслеживания динамики влияния отдельно взятой задачи на систему стратегического управления.

Этап 6. Реализация стратегии. *Примеры цифровых технологий:* промышленный Интернет, системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи, цифровые платформы, цифровые технологии в производственных процессах. *Влияние на эффективность стратегического управления:* в процессе реализации стратегии формируется внутренняя база данных, отражающая эффективность действий.

Этап 7. Контроль и корректировки. *Примеры цифровых технологий:* цифровые платформы, искусственный интеллект, машинное обучение, технологии больших данных. *Влияние на эффективность стратегического управления:* цифровые технологии позволяют оперативно отслеживать изменения и их эффективность, а также вносить корректировки в узких местах процессов.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что цифровые инструменты, используемые в процессе стратегического управления, отвечают его основным задачам и позволяют:

- более эффективно оценить и распределить явные и неявные ресурсы компании;
- проводить более информативные исследования внешней среды, с меньшими финансовыми и временными затратами;
- составлять более точные прогнозы на длительный период по специфичным параметрам.
- систематизировать и контролировать последовательность задач для достижения стратегических целей;
- и, как следствие, выстраивать бизнес-модели с гибкой системой реагирования на возможности и угрозы внешней среды.

Перспективы повсеместного внедрения процесса цифровизации в российскую экономику можно рассмотреть с разных векторов: совершенствование текущих бизнес-процессов на всех уровнях, создание собственных технических подразделений по развитию и внедрению цифровых технологий, либо с позиции новых рынков, на которых представлены компании, специализирующиеся исключительно на создании цифровых продуктов и решений для бизнеса и государственной сферы.

Стратегии по управлению в эпоху цифровизации применяются как на

глобальном государственном уровне, так и на отраслевом и локальном (на уровне компании). Для государства важно создавать условия по достижению поставленных целей, обеспечивая интересы граждан, совершенствуя возможности предоставления государственных услуг дистанционно и систематизировано, максимально упрощая данный процесс для потребителя. Цифровые технологии также позволяют государству повышать уровень безопасности – что является одной из основных стратегических функций. Стимулирование развития новых рынков и отраслей в технологической сфере также позволит добиться экономической эффективности и занять ведущее положение на международных рынках, представляя инновационные решения в сфере цифровых технологий [10]. Перед государством стоит важная задача преодолеть диспропорции на рынке труда, так, с появлением новых технологий, часть рабочих процессов автоматизируется и спрос на специалистов падает, однако при этом наблюдается нехватка специалистов по разработке и обслуживанию технологических процессов. На уровне компаний цифровизация должна стать неотъемлемой частью общей стратегии развития, однако в виду специфики деятельности отдельных компаний степень её внедрений на разных уровнях формирования стратегических альтернатив и принятия решений может отличаться.

Экономическая среда быстро изменяется и трансформируется под действием технологий, в частности, процесса цифровизации. Для успешного развития компаний и экономики в целом, в современных условиях необходима трансформация стратегического управления с учетом процесса цифровизации и новых возможностей и угроз, сопряжённых с ним. Цифровые технологии охватывают все сферы общественной жизни, и для повышения конкурентоспособности и удержания позиций на рынке компании вынуждены прибегать к стратегическому управлению в цифровой экономике и разрабатывать стратегии на основе возможностей, открывающихся посредством использования цифровых технологий, позволяющих формировать более выгодные предложения и быстро адаптироваться к изменению потребительского спроса и внешней среды в целом, совершенствовать коммуникационные процессы и аналитику для разработки стратегических альтернатив.

Список литературы:

1. Бармута К.А. Стратегический менеджмент в контексте построения цифровой экономики: вызовы и проблемы адаптации // Экономика устойчивого развития. 2020. № 4 (44). С. 32-36.
2. Виханский О.С. Стратегическое управление. - М.: Экономист, 2015. 284 с.

3. Гримашевич О.Н. Стратегическое управление компаниями в условиях цифровой экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2018. № 5. С. 9-11.
4. «Курс на онлайн: темпы цифровизации бизнеса за последние полгода увеличились» // URL: <https://nafi.ru/analytics/kurs-na-onlayn-tempy-tsifrovizatsii-biznesa-za-poslednie-polgoda-uvlechilis/> (дата обращения: 15.05.2021).
5. Маврина И.Н. М12 Стратегический менеджмент : учебное пособие / И.Н. Маврина. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. 132 с.
6. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>.
7. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Сайт Правительства Российской Федерации, 31 июля 2017 // URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4b vR7M0.pdf> (дата обращения: 13.05.2021).
8. Стратегический менеджмент : учебное пособие / И. Н. Маврина. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. 132 с.
9. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. ; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
10. The Global Competitiveness Report 2020 [Электронный ресурс] К. Schwab (ed.). P. 484-485. // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

References

1. Barmut K.A. Strategic Management in the Context of Building a Digital Economy: Challenges and Problems of Adaptation // Economics of Sustainable Development. 2020. № 4 (44). P. 32-36.
2. Vikhansky O.S. Strategic management), Moscow: Economist, 2015. 284 p.
3. Grimashevich ON Strategic management of companies in the digital economy // Bulletin of the Saratov State Social and Economic University, 2018. № 5, P. 9-11.
4. “Course towards online: the pace of business digitalization has increased over the past six months” // URL: <https://nafi.ru/analytics/kurs-na-onlayn-tempy-tsifrovizatsii-biznesa-za-poslednie-polgoda-uvlechilis/> (15.05.2021).
5. Mavrina I.N. M12 Strategic management: textbook / I.N. Mavrina. - Yekaterinburg: UrFU, 2014. 132 p.
6. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030” // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>.
7. Program “Digital Economy of the Russian Federation” // Website of the Government of the Russian Federation, July 31, 2017 // URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4b vR7M0.pdf> (13.05.2021)
8. Strategic management: textbook / IN Mavrina. - Yekaterinburg: UrFU, 2014. 132 p.
9. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: reports. to XX April. int. scientific. conf. on the problems of economic and social development, Moscow, April 9–12. 2019 / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg and others; scientific. ed. L.M. Gokhberg; Nat. issled. University Higher School of Economics. - M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2019. 82 p.
10. The Global Competitiveness Report 2020 K. Schwab (ed.). P. 484-485. // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf (05.15.2021).

*Соискатель, кафедра государственного управления
и национальной безопасности, факультет национальной безопасности,
Институт права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве

Статья посвящена проблеме использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве в рамках гибридного противоборства между США и Российской Федерацией. Целью статьи является выявление специфики использования инструментария гибридного воздействия в зоне геополитического влияния России. Для разработки проблемы были использованы системный и геополитические подходы политической науки, сравнительный анализ, анализ документов.

Алгоритм реализации сценария «цветных революций»

Геополитическая логика гибридной войны США против России наиболее наглядно представлена действиями Вашингтона на постсоветском пространстве, традиционно входившем в зону влияния России. События, связанные со сменой режимов в ряде постсоветских государств на западном, кавказском и азиатском направлениях, демонстрируют устремления США полностью нейтрализовать влияние России в бывших советских республиках. Именно эти события получили в отечественной литературе название «цветные революции»¹. Суть этого явления, являющегося фактически операциями тактического уровня геополитической стратегии США и одной из наиболее востребованных технологий гибридной войны Запада против России, заключается в смене правящих режимов на под-

¹ Примечание: в научной литературе к числу «цветных революций» обычно относят следующие: «Бульдозерная революция» в Югославии, 2000 г.; «Революция роз» в Грузии, 2003 г.; «Оранжевая революция» на Украине, 2004 г.; «Революция тюльпанов» в Киргизии, 2005 г.; «Бесцветная революция» в Молдове, 2009 г.; «Революция достоинства», более известная как «Евромайдан», на Украине, 2013-2014 гг.; «Революция лотоса» в Египте и переворот в Тунисе, происшедшие в контексте начавшейся в 2011г. Арабской весны. Некоторые исследователи считают «цветной» «Либеральную революцию» в России в 1990-1991гг. Также были неудачные (в той или иной мере) попытки подобных революций в Беларуси (2006г.), Армении (2008г.), России (так называемая «Болотная революция» в 2011-2013гг.) и Китае («Жасминовая революция» в 2011г.).

контрольные Западу, способные своими действиями завершить раздробление постсоветского пространства, разорвав все связи с интеграционным ядром – Россией. На этом уровне также возможны разные варианты реализации сценария смены власти – от мягкого («бархатного»), когда передача власти происходит легитимно, – до жесткого, вплоть до использования военной силы, в случае, если мягкие сценарии не срабатывают.

Алгоритм реализации сценария «цветных революций» достаточно хорошо проанализирован в отечественной литературе – начиная с анализа уже ставшей хрестоматийной методической работы Джина Шарпа² до разборов и описания реальных событий очередной «цветной революции» в конкретном постсоветском государстве или странах Востока³. В рамках подготовительного этапа развязывается информационная война против официальных властей, проводится работа с потенциальными и реальными оппозиционными группами (политическая оппозиция, молодежь, региональные элиты и проч.) с целью внедрения демократической повестки и идеи о необходимости бороться за демократию (т.е. против «недемократичного правящего режима»). На этом этапе страна насыщается всевозможными агентами влияния (например, НПО), деятельность которых координируется, как правило, из-за границы.

На следующем этапе в стране создаются условия экономических и социальных трудностей, кризисов, которые в совокупности с нагнетанием с помощью информационно-коммуникационных технологий и кибер-средств провоцируют социальную напряженность и недовольство, самопродуцирующиеся волны политического протеста.

Далее создается искусственная необходимость проведения «справедливых», «честных» и «свободных» выборов и путем использования современных методов манипулирования электоратом к власти приводятся люди, удовлетворяющие требованиям Запада. В случае, если сценарий «демократичных» выборов дает сбой, запускается более жесткий сценарий, в рамках которого искусственно активизируются радикальные и/или террористические группировки. Последние при поддержке и финансировании государства-инициатора дестабилизируют обстановку в стране и пытаются взять власть в свои руки силой/угрозой применения силы. Действия такой «умеренной оппозиции» сопровождаются информационной кампанией по дальнейшей дискредитации официальных властей, создания негативного имиджа страны в глазах мировой общественности.

2 Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской М.: Новое издательство, 2005.

3 Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 4. С. 27-32.

В случае, если внутренняя оппозиция при поддержке Запада извне не справляется с поставленной задачей (официальные власти, как правило, пытаются противодействовать такой вооруженной оппозиции традиционными военно-политическими методами), государство-инициатор организует инцидент, медийное освещение которого окончательно формирует преступный образ властей страны-мишени, после чего проводится комплексная атака на критическую с точки зрения безопасности инфраструктуру страны с помощью кибер-средств и других современных технологических средств, кампания по деморализации элит и личного состава страны-мишени. Далее под предлогом «защиты населения от преступного правительства» вводится военный контингент в формате коалиционных сил, за чем следует установление приемлемого для Запада порядка и режима, «демократичные» выборы, формирование лояльного правящего режима. Таким образом, государство полностью переводится под геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства. Последствия «цветных революций» для стран-мишеней и их ближайших соседей очевидно негативные – от социально-экономических проблем и дестабилизации приграничных регионов до организации нелегальных трафиков (наркотические средства, оружие и проч.) и вооруженные конфликты, крайне тяжело поддающиеся урегулированию.

Тем не менее, как указывают специалисты, «следует признать, что сетевые войны, используемые США, дают великолепный эффект»⁴. Свидетельством чему являются провал пророссийских сил на Украине (2004, 2014 гг.), в Молдове (2009 г.) и др. постсоветских странах, переживших «цветные революции». Очевидно также и то, что США не намерены останавливаться на достигнутом. В докладе RAND Corporation 2019 г. «Перенапряжение России: конкуренция с выгодных позиций» (Extending Russia Competing from Advantageous Ground)⁵ военному руководству США рекомендуется в гибридной войне с Россией реализовать на постсоветском пространстве следующие меры: предоставление летального вооружения Украине; продвижение демократии и либерализация в Белоруссии; разбалансировка Южного Кавказа; сокращение российского влияния на Центральную Азию; переворот в Приднестровье и вывод российского военного контингента, включая миротворцев, из региона. Это все, наряду с размещением вооружений в Европе, усилением поддержки

4 Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Гибридная война запада и обеспечение ресурсного противодействия сетевому сценарию для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 372.

5 Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation [Официальный сайт]. // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.04.2021).

сирийских боевиков, мерами, связанными с переброской тактического ядерного оружия ближе к границам России, перебазированием флотов и проч., по замыслу авторов доклада, должно иметь синергетический эффект и привести к надрыву России и резкому сокращению ее влияния, перманентному кризису.

Алгоритм выбора страны-жертвы

Как указывалось выше, «цветные революции» являются тактическим уровнем реализации геостратегии США. Выбор такой технологии распространения своего геополитического влияния обусловлен геополитическими и геоэкономическими факторами и всеми теми возможностями, которые дала глобализация «по американским лекалам». Соответственно и выбор страны-жертвы необходимо рассматривать с точки зрения геополитики и геоэкономики. Начать необходимо с констатации очевидного факта, что после крушения биполярной системы противоречия между Россией и США остались – в рамках той логики, в которых они развивались после выхода США на авансцену мировой политики в начале XX в. Более того, после непродолжительного периода без явной конфронтации в 1990-х гг. (как известно, Россия была не в состоянии даже артикулировать свои внешнеполитические интересы), геополитические и геоэкономические противоречия между Западом и Россией получили новый размах. Теперь на мировой арене присутствовала и еще одна сверхдержава – Китай, находящийся в схожем по ряду параметров режиме противостояния с Западом. Однако, в отличие от холодной войны второй половины XX в., новая холодная война ведется с использованием методов и технологий гибридного противоборства, что обусловило соответствующие изменения в геополитической тактике. Так, «цветные революции» осуществляются не в отношении страны-противника, а в отношении находящейся в зоне ее геополитического влияния стране-мишени. После успешной реализации сценария «цветной революции», такое государство выходит из сферы влияния страны-противника, тем самым ослабляя его политические, экономические, социокультурные позиции в конкретном регионе. Все «цветные революции» на постсоветском пространстве были призваны решить именно эту тактическую задачу (стратегическая задача – уничтожение российской государственности). Успешное решение этой задачи в цивилизационном, политическом, экономическом и социокультурном смысле «оторвали» эти бывшие братские советские республики от России, ослабив ее национальную безопасность, создав новые риски международной безопасности. Соответственно, промежу-

точной целью «цветных революций» является формирование региональных «зон нестабильности» вокруг государства-противника, а в случае ЕС и Турции – и вокруг государств-союзников, в соответствии с логикой гибридной войны. Причем, понятие «региональный» становится весьма условным, учитывая трансграничный характер современных угроз безопасности. Так, Арабская весна, спровоцированная «цветными революциями» в Египте и Тунисе, привела к дестабилизации Большого Ближнего Востока. Это привело к гражданской войне в Ливии и Сирии. Появление и активность ИГ (ИГИЛ — **ЗАПРЕЩЕННАЯ В РОССИИ ОРГАНИЗАЦИЯ** — ПРИМ. АВТОРА) стало существенным фактором влияющим на безопасность Российской Федерации, что, в свою очередь, обусловило необходимость реализации военно-политических усилий России, направленных на уничтожение ИГ и стабилизацию Сирии. Европа получила колоссальную проблему беженцев и мигрантов из региона, Китай – нарастающую проблему экстремизма в своих северо-западных регионах. Автоматически обострился Ближневосточный конфликт, проблема «иранского ядерного досье», курдский вопрос и другие застарелые проблемы региона, последствия которых крайне сложно спрогнозировать. Однако, если рассматривать указанные события с точки зрения американской внешнеполитической логики, – эти операции тактического уровня можно считать более чем успешными.

Факторы, способствующие реализации гибридного воздействия

Постепенно, по мере наработки опыта реализации сценариев «цветных революций» формируется перечень факторов, играющих важную роль при выборе механизмов гибридного воздействия на страну-жертву – социальная нестабильность общества, коррумпированность элит, наличие любого типа оппозиции, информационная открытость и прочее. Наличие того или иного фактора, или их комбинации учитывается при разработке сценария смены власти. И если ранее для дестабилизации ситуации в стране-жертве достаточно было информации и данных разведывательных и дипломатических служб, то сегодня США активно используют технологии работы с bigdata – огромными массивами данных об обществе страны, в которой планируется смена режима. «Особое внимание уделяется политическому, социально-экономическому, положению, изучению психологической и ценностной системы населения»⁶. Сочетание подходов к изучению специфики страны (характеристики правящего режима, оппозиции, общества, критической инфраструктуры, статуса

6 Тертеров Г. «Цветные революции» // 21-й век. 2016. № 3 (40). С. 19.

на международной арене, конфликтах и проч.) позволяют осуществить эффективную организацию и канализацию протестных настроений с использованием методик социальной мобилизации, мифотворчества, работы с медиа, негосударственным сектором и т.д. Особое внимание уделяется конфликтам, т.к. в любой конфликтной ситуации проще осуществлять манипулятивные стратегии. Так, запуск сценариев «цветных революций», как правило, совпадает с парламентскими или президентскими выборами в стране, когда естественное политическое противостояние искусственно переводится в плоскость проблемы нарушения прав человека, недемократичности выборных процедур, фальсификаций результатов и прочего. Системность и комплексность действий внутри страны-жертвы и за ее пределами – в международном информационном пространстве — позволяют добиться нужного для страны-инициатора эффекта вплоть до возможности открытого внешнего вмешательства во внутреннюю политику страны-жертвы. Более того, с каждой новой «цветной революцией» ее организаторы и вдохновители всех уровней получают новый опыт, который встраивается в уже отработанный алгоритм и в последующем применяется в схожих условиях, вплоть до использования искусственного интеллекта и системы поддержки принятия решений.

Одним из факторов является формируемый и внедряемый извне с начала 1990-х годов запрос постсоветских обществ на развитие гражданского сектора. Отсюда и открытость и общества, и государства широкому спектру условно гражданских инициатив и институций в самых разнообразных сферах – от проблем окружающей среды до амнистирования незаконно осужденных. Это активно используется страной-инициатором гибридного противоборства. В рамках реализации «цветных революций» активно стали привлекаться негосударственные акторы – от неправительственных организаций до вооруженных бандформирований, якобы защищающих население от преступной власти. И чем более ресурсным является такая негосударственная структура – независимо от степени ее легитимности – тем больше шансов у нее оказаться в ядре протестного движения.

Примечательно, что попытки «цветных революций» осуществляются и непосредственно в стране-противнике при том, что неудачный исход таких попыток предопределен устойчивостью власти (Россия, Китай). Однако государство-инициатор руководствуется другой целью, а именно – создание негативного образа страны в международном информационном пространстве, что неизбежно отрицательно влияет на статус и положение страны-противника, его рейтинги и авторитет. Как правило,

следствием становятся санкции, ухудшение экономических показателей, страдает внешняя торговля, международные связи, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на внутренней политической и социально-экономической обстановке в стране. Не добавляет стабильности и подогреваемые извне протестные настроения, которые к этому моменту уже успевают «прорасти» на территории страны-противника, формируется полулегальная идеология почитания «жертв кровавого режима» и проч.

Население государств, переживших события «цветных революций», получают социальную нестабильность вкупе с непрекращающейся борьбой за власть между местными «прозападными» группами интересов. Примечательно, что новые «прозападные» режимы часто стремятся закрепиться у власти путем окончательного подавления воли пророссийски ориентированных групп, особенно, если они обособлены территориально – компактно проживают в «периферийном» регионе (как правило, там всегда существовал латентный или открытый типичный «периферийный» конфликт). Так, Грузия спровоцировала вооруженный конфликт в Южной Осетии и, в результате, потеряла и Южную Осетию и Абхазию. Украина лишилась Крыма и в ее юридических границах появились две непризнанные республики – Луганская и Донецкая – с перспективой полной сепарации. Нынешние действия прозападных властей в Кишиневе также вполне могут привести к тому, что непризнанное Приднестровье может покинуть юридические границы Молдовы.

Традиционно считается, что жертвой применения технологий «цветных революций», становится «государство, имеющее большой потенциал социально-экономического развития, но при этом находящееся на сложном этапе своего развития, связанном с несовершенством системы государственного управления, наличием социальных и экономических проблем»⁷. И в качестве примера приводят политические режимы арабских стран, пострадавших во время Арабской весны 2010-2011 гг., постсоветские государства. Однако это не так. Результаты геополитического анализа показывают, что выбор государства-жертвы обусловлен исключительно его геополитическим положением и значимостью для решения тактических задач в ходе реализации геостратегии страны-инициатора гибридной войны. В данном случае США и их партнерам на Западе было необходимо сжать сферу геополитического влияния России, создать контуры нестабильности в российском пограничье, оформить перспективу соприкосновения российских границ с зонами ответственности НАТО

⁷ Орлова С.В. Механизмы противодействия технологиям дестабилизации политического режима в современной России на примере арабской весны // *Власть*. 2019. № 6. С. 318.

и создать плацдармы для дальнейших деструктивных действий, направленных на десоверенизацию России, по периметру ее территории.

Наблюдая и анализируя происходящее в странах ближнего зарубежья, ставших жертвами реализации сценариев «цветных революций», Россия начала уделять внимание проблеме разработки превентивных мер противодействия гибридному воздействию на российскую государственность через общественные структуры и системы. В целом все превентивные меры могут быть сведены к четырем основным группам: нормативно-правовые, административные, информационно-идеологические и экономические. И эти меры носят скорее профилактический характер⁸. Толчком к началу деятельности в этом направлении стали события весны 2012 г. на Болотной площади в Москве. Были внесены изменения в закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (за частью НКО был закреплён статус иностранного агента). В 2015 г., был принят закон о нежелательных иностранных и международных организациях – согласно этому закону вводились ограничения или запрет на деятельность некоторых НКО «в связи с угрозой основам конституционного строя России, ее обороноспособности или безопасности»⁹. Позже, в 2017 г. Генеральная прокуратура России признала нежелательной деятельность на территории России ряда зарубежных НПО («Открытая Россия» и др.).

Меры административного характера, предпринимаемые российскими властями, в целом отличаются большей оперативностью. Они дают возможность нейтрализовать ряд усилий организаторов «цветных революций» на подготовительном этапе. В частности, властям удастся нейтрализовать ту часть оппозиционеров, которые примыкают к активу «революционеров» в активной фазе протестов, созданием всевозможных препятствий для деятельности оппозиции на организационном и техническом уровнях.

Информационно-идеологические меры направлены на организацию контроля информационно-коммуникационного пространства с целью профилактики распространения деструктивного для государственности контента и создания сил и средств нейтрализации ресурса оппозиции, запрограммированной на дестабилизацию политической обстановки и смещение власти (посредством инициатив патриотической направленности в общественном и политическом поле и их административной, информационной и материальной поддержки). В 2013 г. был принят Фе-

8 Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 4. С. 28. (27-32).

9 Там же. С. 29.

Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», нормы которого направлены на профилактику и противодействие экстремизму.

Экономические меры направлены на подрыв материально-ресурсной подпитки актива оппозиции на территории России (блокировка деятельности внутренних экономических субъектов и активности иностранных экономических структур, поддерживающих оппозиционную активность и проч.).

Спустя почти десять лет после начала реализации этих мер, можно констатировать, что усилия российских властей на всех указанных направлениях имеют неоднозначный эффект. Дело не только в том, что эти меры дополнительно радикализируют часть внутренней оппозиции, но и провоцируют Запад к более жесткой политике в отношении России, выражающейся в санкциях, официальной критике, обострении информационного противостояния. Применяемый набор мер, будучи профилактическими, на самом деле является попыткой решить проблему на оперативном уровне, в то время как она требует решений стратегического уровня.

Примечательно, что в ключевых стратегических документах России, таких как Военная доктрина¹⁰, Доктрина информационной безопасности¹¹, Концепция внешней политики¹², Стратегия национальной безопасности¹³ нет упоминания проблематики гибридной войны и реализации технологий гибридного противодействия против России. Лишь в разделе IV «Оборона страны» Стратегии национальной безопасности упоминается тенденция изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов¹⁴.

Таким образом, анализ опыта использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве позволяет рассматривать постсоветское пространство как театр военных действий в рамках гибридной войны против России, констатировать возникновение угроз международной безопасности (через дестабилизацию приграничных

10 Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации». 25 декабря 2014 года. Пр-2976. Российская газета. 30 декабря 2014 г. № 6570.

11 Указ Президента Российской Федерации. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 5 декабря 2016 г. № 646. Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 50 ст. 7074.

12 Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 30 ноября 2016 г. № 640. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 49 ст. 6886.

13 Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

14 Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

регионов других стран, появление новых маршрутов нелегальных трафиков и проч.) и, соответственно – угроз национальной безопасности и стран-жертв, и смежных государств. Это является следствием недостаточной теоретической проработки проблемы и недостаточного отражения в стратегических документах России проблематики и предлагаемых мер противодействия. Результаты анализа позволяют констатировать недостаточность мер, отсутствие системы и действенных механизмов противодействия гибридным угрозам, слабую научную и экспертную поддержку процессов разработки соответствующей политики, а также необходимость выработки принципиально новых эффективных механизмов предупреждения и нейтрализации гибридных угроз.

Список литературы:

1. Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Гибридная война запада и обеспечение ресурсного противодействия сетевому сценарию для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 369-383.
2. Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 4. С. 27-32.
3. Орлова С.В. Механизмы противодействия технологиям дестабилизации политического режима в современной России на примере арабской весны // Власть. 2019. № 6. С. 317-320.
4. Тертеров Г. «Цветные революции» // 21-й век. 2016. № 3 (40). С. 16-26.
5. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации. 25 декабря 2014 года. Пр-2976. Российская газета. 30 декабря 2014 г. № 6570.
6. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 30 ноября 2016 г. № 640. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 49 ст. 6886.
7. Указ Президента Российской Федерации. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 5 декабря 2016 г. № 646. Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 50 ст. 7074.
8. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
9. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
10. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской М.: Новое издательство, 2005.
11. Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.04.2021).

References

1. Gladyshevsky V.L., Gorgola E.V. Hybrid War of the West and Providing Resource Counteraction to the Network Scenario for Russia // National Interests: Priorities and Security. 2017. Vol. 13. Issue. 2. P. 369-383.
2. Orlova S.V. Mechanisms for countering risks and threats to destabilization of civil society // Humanities. Financial University Bulletin. 2017. № 4. S. 27-32.
3. Orlova S.V. Mechanisms of countering the technologies of destabilizing the political regime in modern Russia on the example of the Arab spring // Power. 2019. № 6. S. 317-320.
4. Terterov G. "Color revolutions" // 21st century. 2016. № 3 (40). P. 16-26.
5. Decree of the President of the Russian Federation "On the approval of the Military doctrine of the Russian Federation. December 25, 2014. Project 2976. Russian newspaper. December 30, 2014. № 6570.
6. Decree of the President of the Russian Federation "On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation." November 30, 2016 № 640. Collected Legislation of the Russian Federation dated December 5, 2016 № 49 Art. 6886.
7. Decree of the President of the Russian Federation. "On the approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation." December 5, 2016 № 646. Collected Legislation of the Russian Federation dated December 12, 2016 № 50 Art. 7074.
8. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SZ RF. 2016. № 1 (part II). Art. 212.
9. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015, № 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SZ RF. 2016. № 1 (part II). Art. 212.
10. Sharp D. From dictatorship to democracy: Strategy and tactics of liberation / Per. from English N. Kozlovskoy M.: New publishing house, 2005.
11. Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (18.04.2021)

«Места памяти» и символическая основа парламентаризма

Российский парламентаризм является той политической структурой, о которой на сегодняшний день спорят, дискутируют и говорят. Основа дискурса относительно парламентских отношений строится на концептах неопределенности структуры и серьезнейшей зависимости от иных систем, имеющих воздействие на легислатуру. Сама по себе символическая основа исследования парламентских отношений вкуче отечественных и зарубежных политических процессов интегрирует настроения различного, в том числе, и поляризованного толка. Такая парадигма относится к умеренной конструктивной оппозиции и левого или правого «очернения» парламентской системы. В данной статье перед нами стоит задача рассмотреть парламентскую систему в исследовательском лоне различных политических теорий. Соответственно, основная проблема, которую предстоит решить в ходе рассуждения кроется в интегрированном осмыслении легислатуры в научных концепциях постклассической и неклассической политической мысли.

Рассмотрение парламентаризма в контексте политической теории и философии основывается в системном анализе отдельных аспектов функционального проявления структур парламента. Российская же система отличается от государств сложившейся демократии тем, что она испытывает на себе постоянные трансформации. Они, к сожалению, не всегда способны адекватно реагировать на существующие в обществе вызовы современности, а поэтому может складываться впечатление, что российская политическая система не функциональна.

Парламентская система может быть раскрыта в системном формате как полифоническая основа органического института в формате представительной и законодательной власти. По сути, мы знаем, что легислатура является институтом, который наделен правом законодательства от лица народа, то есть от тех, чьи интересы представляются «избранника-

ми»¹. Такое понимание парламента является наиболее употребляемым и популярным среди ученых-обществоведов, интересующихся проблематикой институтов законодательной власти. Мы же попробуем отойти от стандартизированного исследовательского формата, и интерпретируем парламентскую систему в русле символического определения парламента в российской политической системе.

Для начала мы сформируем целостное представление о символе парламентаризма в контексте дискурсионного подхода, выработанного Ш. Муфф и Э. Лакло (Sh. Mouffe, E. Laclau). Они определили, каким образом дискурс может влиять на социально-политическую действительность. В частности, в одной из основополагающих работ выделено, что современная демократия должна определяться как «полифония» голосов, которая должна формировать особую дискурсивную идентичность². Соглашаясь с современными мыслителями, мы можем обозначить, что таковую «полифонию» голосов, прежде всего, имеет возможность обеспечивать легислатура.

Формируя представления о новой системе выстраивания управленческих взаимоотношений в политической сфере, можно также сконцентрировать внимание на тех моделях, которым должны следовать парламентарии, пытаясь оказаться в системе политической конкуренции. Так, Шанталь Муфф продолжает свое рассуждение и отмечает, что «современная демократическая политика требует, чтобы «другие» воспринимались не как враги, которые должны быть уничтожены, а как соперники, против идей которых можно бороться, даже отчаянно, но чье право защищать эти идеи никогда не будет поставлено под вопрос. Другими словами, важно чтобы данный конфликт принимал не форму антагонизма (схватки между врагами), а форму агонизма (борьбы соперников)»³. Из этого, можем определить, что сегодняшняя демократическая система должна принимать участников политического рынка как игроков («соперников»), которые борются за более выгодные позиции по реализации собственных проектов и личного продвижения по политической линии.

Констатируем, что российская политическая система отходит от принципа формирования своего кадрового потенциала как института «политических временщиков», функционирование которого, в свое

1 Романов Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность. М.: МИРОС, 2002. 54 с.

2 Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London. 1992.

3 Муфф Ш. Демократия в многополярном мире // Прогнозис. 2010. № 1. 61 с.

время, очень точно выделил В. Гайдук. Он определил функционирование системы политических временщиков, как то, что «в системе государственного управления на лицо формирование механизмов «подстраховки», вызванное формированием института «временщиков». «Если ты не сделаешь – как надо, или как хочется мне, ты потеряешь свое место» – данный принцип как бы насквозь пронизывает современные управленческие кадры»⁴.

Формат неклассического определения парламентских отношений предстает перед нами в качестве системы, ориентированной на конкурентное сдерживание позиций «иных» на основе репрезентации дискурсионного ряда обстоятельств при принятии политических решений. Такая интерпретация позволяет нам говорить о сдержанном проявлении конкурентной борьбы между парламентариями внутри самого института.

Сама о себе система парламентских отношений в российской политической действительности, по сути, была утеряна в ходе строительства социалистического общества (период существования СССР). Современная же Российская Федерация пытается ориентироваться на то, чтобы формировать дискурсионный ряд событий внутри органов законодательной власти как на федеральном, так и региональном уровнях на основе выделения обобщенных принципов развития:

- демократизм;
- открытые тенденции содействия;
- интеграция межпартийного подхода к решению глобальных вопросов развития;
- системное видение проблемного поля в решении политических вопросов.

Переходя к основной части нашей статьи, отметим, что французский историк, философ Пьер Нора в своей работе «Проблематика мест памяти» затрагивает жизненно важную проблему: кристаллизация памяти и поиска своего убежища в соответствии с выделением особого момента истории⁵. Так, по нашему мнению, парламентские отношения стоит рассмотреть в ключе поиска символического определения тех или иных «мест памяти». Особенность данного подхода для нас представляется важной, так как позволяет сформировать ценностное видение ориентиров развития парламентских отношений в определенном регионе.

⁴ Гайдук В.В. Индекс временности власти и его роль в этнополитической стабильности российских регионов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 4 (19). 74 с.

⁵ Пьер Нора. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М.: Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17-50.

Чем же для нас могут являться обозначенные «места памяти»? Парламент для нас может быть выражен в системе определенных взглядов, транслирующих ориентиры на символы развития практики принятия политических решений в государстве. В это связи интерсубъективность политических институтов, на которые оказывает влияние легислатуры осуществляется в контексте когнитивности осознаваемых рациональных процессов. Н. Флигстин так обосновывал общую направленность неоинституционализма по отношению к основным игрокам политического рынка: политическим лидерам, предпринимателям, чиновникам, что институт представляется как сумма условий, обеспечивающих возможность социально-политического взаимодействия с учетом реализации различных стратегий рационализации поведения⁶.

Рассмотрение феномена развития парламентских отношений в российской политической системе является показательным, так как становление демократической модели общественного развития полностью совпало с развитием нового капитализма в федеративном государстве. При этом российская социально-политическая действительность не смогла уйти от «олигархической иглы», и серьезно утонула на целое десятилетие в патерналистском воздействии бизнеса на политику. В связи с этим произошел настоящий когнитивный диссонанс между экономической и политической подсистемами общества. Группы интересов серьезно сосредоточились вокруг политической конъюнктуры Российской Федерации, а также в отдельности ее субъектов, которые в большей степени жаждали суверенитета, автономности в принятии политических решений.

Так называемая «улыбка Чеширского кота» демократических тенденций, становления гражданского общества и современного парламента, и как его составной части честного и «прозрачного» бизнес сектора в 1990-е годы полностью оправдала свое предназначение. Отголоски гражданского общества мы могли наблюдать, но целостной картины не существовало в принципе. Хотя, как отмечает российский ученый, занимающийся проблемами философского осмысления становления гражданского общества, Б.Г. Капустин, невозможно сегодня, чтобы отдельные части гражданского общества стали независимыми и превалирующими над другими⁷.

6 Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / пер. с англ. А.А. Куракина; под науч. ред. В.В. Радаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с.

7 Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 424 с.

Как мы видим, методологические обоснования исследования институционального и неклассического подходов в контексте парламентского воздействия являются серьезным подспорьем для проведения качественного анализа представленной проблемы. Приведем для примера работы С. Льюкса «Власть: радикальный аспект»⁸, а также П. Бахраха и М. Бараца «Два лица власти»⁹, где представленные авторы анализировали, кто побеждает в борьбе за первенство в принятии политических решений в США. Вторая когорта исследователей определила, что во многом негосударственная и лоббистская система активно включается в политический процесс, когда необходимо лоббировать непринятие решения, то есть это решение, результатом которого является подавление латентных или явных вызовов, обращенных к конкретным группам.

С. Льюкс поддерживает названных ученых и утверждает, что при принятии/непринятии решения представитель парламентской группы руководствуется проблемами, порождающими наблюдаемый конфликт интересов в различных сферах жизнедеятельности граждан. Это же вызывает серьезный общественный резонанс, что серьезно влияет на отдаваемые предпочтения акторов какому-то определенному политическому курсу.

В целом, исследовав базовые методологические основания исследования по поставленной проблеме, мы приходим к выводу о том, что наиболее предпочтительными являются теории неоинституционализма, а также рационального выбора. К этому мы добавляем то, что политико-экономические особенности воздействия парламентариев на политическую систему будут велики при условии, что демократический режим находится в процессе своего становления, трансформации. Для российской политической среды это является по-настоящему актуальным, так как демократические тенденции только начинают укореняться, поэтому наши исследовательские задачи вполне объяснимы и имеют все возможные шансы для реализации в наиболее перспективном ключе.

В качестве одно из наиболее важных и системных «мест памяти» парламентских отношений стоит выделить движение к общему благу и идеологизацию социального развития. Обращаясь к Ю. Хабермасу, нельзя не согласиться с ним в том, что для государства важно создавать институты представительной демократии, а также работоспособного гражданского общества. Так, по мнению политического философа современности, данный аспект позволяет говорить о качественном

8 Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А.И. Кырлежева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 240 с.

9 Ледаев В.Г. Формы власти: типологический анализ // Полис. — 2000. Т. 2. С. 48.

дискурсе делиберативной демократии¹⁰. К тому же, сам по себе политический дискурс является коммуникативной практической идеей, мыслей авторов политического действия. В рамках него происходит не просто обращение к конкретной или абстрактной действительности, а запрос на реализацию собственных и общественных предпочтений, возникающих у акторов политики. При этом они могут быть далеки от идеальных форм и воззрений, к примеру, об общем благе, как у Платона, Аристотеля, Мора Кампанеллы, А. де Сен-Симона, Ш. Фурье и др. То есть, по нашему мнению, общее благо не должно содержать элементов утопизма, и тем более, ретроутопизма, так как это явный путь к тому, чтобы общество двигалось в неверном направлении.

Современный парламентский дискурс, по нашему мнению, должен ориентироваться не столько на идеализированные состояния, которые описываются указанными выше авторами, а реалистичные устремлениями как государства, так и гражданского общества. Только в таком случае будет возможно говорить не просто об определенном символическом понимании «мест памяти», а о качественном восприятии политической системы в целом. Это связано с тем, что сегодня мы должны отходить от устоявшейся практики следования за якобинскими и марксистскими лозунгами о свободе, равенстве, братстве и всеобщей справедливости и др.

Почему это все так важно? Просто-напросто мы говорим о том, что современный парламентский запрос – это новый виток общественно-политических отношений, где должен существовать практический запрос на позитивные изменения граждан. Однако, увы, мы знаем, что политические лозунги и обещания имеют свойство растворяться в небытие, поэтому, по сути, ни одному современному демократическому государству не удастся избавиться от якобинского коммуникационного «террора», его утопических взглядов¹¹.

При этом мы должны осознавать то, что несмотря на различные идеализированные цели и манифесты, основное «место памяти» парламентской системы должно быть реалистичным. В противном случае может возникнуть тенденция декоративных изменений. Отсюда мы понимаем, что повестка политических трансформаций должна находиться не только внутри ореола общего блага, но и иметь под собой реалистичные проблемные основания.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что системное виде-

10 Habermas, J., *Between Facts and Norms*, tr. W. Rehg. Cambridge, ma: The mit Press, 1996. P. 275.

11 Eisenstadt S.N. *The Paradox of Democratic Regimes: Fragility and Transformability*. – *Sociological Theory*, 1998. Vol. 16, №3.

ние процесса символического определения «мест памяти» относительно легислатуры можно рассматривать в двумерной модели «изнутри и снаружи». Так, Н. Луман определял, что трансформация идеи власти в конкретные действия и отношения происходит в процессе поиска и обнаружения истинного знания или же попытки его определить¹². Здесь можно увидеть идеализированную трактовку системного видения того, что в рамках парламентских отношений существуют злоупотребления символами власти и управления. Соответственно, в таком случае необходимо различать, что будет являться истинным знанием и трансформацией коммуникационных практик по смене «мест памяти». Соответственно, мы ведем речь о том, что происходит поиск структуры политического значения в знании, которое формируется под воздействием «влияние знания на власть и власти на знание».

Символические основы рассмотрения парламентских отношений мы можем рассмотреть в качестве того, что систематизация знания происходит вследствие трансформаций, связанных с поиском истинности развития политических отношений. Так, Луман сообщает, что сообщества находятся в состоянии интегрировать усилия по онтологическому предвидению событий и их интерпретации. Аналитический потенциал прошлого, при этом, восходит к буржуазному обществу XVIII-XIX веков¹³.

Подытоживая наш аналитический материал, представленный в данной статье, отразим в обобщенном виде выводы, касающиеся основной темы.

Первое, символическая основа политической реальности, ориентированная на построение позитивных отношений внутренних и внешних конъюнктур внутри легислатур строится вкуче структур, систематизирующих представления о парламенте как особом месте принятия политических решений. Обозначенная тенденция фокусируется на интермодальном проектном видении процесса символизации парламентской структуры.

Второе, институциональный подход как разительное отличие от постклассического понимания политической теории и практики формирует конкретно-рациональную повестку дня для легислатур, вторая теоретическая конструкция концентрируется на ценностно-ориентированном видении процесса интерпретации семантической, а также фактологической основы парламентских отношений.

¹² Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001. С. 156.

¹³ Луман Н. Указ соч. С. 101.

Третье, «местами памяти» внутри парламентской структуры для нас являются те конструкции, которые способны создавать собственные темпоральные структуры в соответствии с установленными ими модусами развития и трансформации общественных отношений.

«Места памяти» как особая структурная композиция, определяющая интегративные основы политики, ориентирующейся на системные структуры исторической преемственности, позволяют сформировать собственную ценностную ориентацию для легислатур. Последние, в свою очередь, стремятся к тому, чтобы максимально дистанцировать от себя мифологичность сознания граждан в представлениях о принятии политических решений и выработать рациональную основу воздействия на социальную систему.

Символическая основа парламента как особого института властных отношений кроется в системном понимании его функций, а также особенностей протекания процессов, которые он иницирует и принимает на себя, то есть одновременно мы анализируем легислатуру как объект и субъект политического действия. Такой двойственный подход обеспечивает, в наибольшей степени, целостное и качественное исследовательское понимание позиции парламента в системе политических институтов.

Однозначно нельзя говорить о том, что «места памяти» и символическая основа парламентаризма отражают лишь одномерный формат влияния на политическую основу принятия решений. Отнюдь, подход, описываемый нами в данной статье, позволяет взглянуть по-иному на парламентские отношения и власть в целом. Мы считаем, что постклассическая основа политической теории подходит для анализа традиционных институтов ничуть не хуже, чем нормативистские подходы.

Список литературы:

1. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / пер. с англ. А.А. Куракина; под науч. ред. В.В. Радаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с.
2. Власть: Радикальный взгляд [Текст] / пер. с англ. А.И. Кырлежева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
3. Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Экономика и публичная политика России: что год тридцатый нам готовит? К вопросу о Стратегии // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2016. № 3 (32). С. 79-87.
4. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Издательский дом. Территория будущего, 2010. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 424 с.
5. Ледаев В.Г. Формы власти: типологический анализ // Полис. 2000. № 2.
6. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Практис, 2001.
7. Мюфф Ш. Демократия в многополярном мире // Прогнозис. 2010. № 1.
8. Пьер Нора. Проблема места памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
9. Романов Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность. М.: МИРОС, 2002.
10. Eisenstadt S.N. The Paradox of Democratic Regimes: Fragility and Transformability. – Sociological Theory, 1998. Vol. 16. № 3.
11. Habermas, J., Between Facts and Norms, tr. W. Rehg. Cambridge, ma: The mit Press, 1996.

12. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London. 1992.
13. Авдеев Б.А., Рябова Е.И. Территории роста: рынок региональных экономических форумов России // Власть истории – История власти. 2019. Том 5. Часть 4. № 18. С. 358-367.
14. Рябова Е.Л., Терновоя Л.О. «Большие обещания уменьшают доверие»: мысли о роли доверия в истории // Власть истории – История власти. 2019. Том 5. Часть 4. № 18. С. 318-327.
15. Изотова А.С. Формирование межкультурной личности в процессе изучения английского языка в техническом вузе // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 2. № 43. С. 182-184.
16. Маркина Н.А. Экспертное сообщество в сфере искусства в обществе знаний: к постановке проблемы // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 2. № 43. С. 201-204.
17. Данакин Н.С., Замараева М.В. Концептуализация понятия «социальная компетентность» // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 2. № 43. С. 241-245.
18. Бекирова Ф.С. Осуществление судебного конституционного контроля в современных условиях // Альманах Казачество. 2020. № 44. С. 35-39.
19. Дармилова Э.Н., Сидakov А.М., Урчукова С.Р. Информационно-коммуникационные технологии в современных условиях предоставления электронных государственных услуг (региональный аспект) // Альманах Казачество. 2020. № 44. С. 40-44.

References

1. The architecture of markets: the economic sociology of capitalist societies of the XXI century [Text] / per. from English A.A. Kurakin; under scientific. ed. V.V. Radaeva; Nat. issued. University Higher School of Economics. - M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2013. 392 p.
2. Power: A Radical View [Text] / trans. from English A.I. Kyrlezheva; State un-t - Higher School of Economics. - M.: Publishing house. house of the state. University - Higher School of Economics, 2010. 240 p.
3. Gaiduk V.V., Lukyantsev A.S. Economy and public policy of Russia: what does the thirtieth year have in store for us? On the question of the Strategy // Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies. 2016. № 3 (32). P. 79-87.
4. Criticism of Political Philosophy: Selected Essays. M.: Publishing house. Territory of the Future, 2010. (Series "Alexander Pogorelsky's University Library"). 424 p.
5. Ledyayev V.G. Forms of power: typological analysis // Polis. 2000. № 2.
6. Luhmann N. Power / Per. with him. A.Yu. Antonovsky. - M.: Praxis, 2001.
7. Muff S. Democracy in a multipolar world // Forecast. 2010. № 1.
8. Pierre Nora. The problem of places of memory. France-memory / P. Nora, M. Aussouf, J. de Puimège, M. Vinok. - SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 1999. P. 17-50.
9. Romanov R.M. Parliamentarism: theory, history and modernity. M.: MIROS, 2002.
10. Eisenstadt S.N. The Paradox of Democratic Regimes: Fragility and Transformability. – Sociological Theory, 1998. Vol. 16. № 3.
11. Habermas, J., Between Facts and Norms, tr. W. Rehg. Cambridge, ma: The mit Press, 1996.
12. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London. 1992.
13. Avdeev B.A., Ryabova E.I. Territories of growth: the market of regional economic forums in Russia // The Power Of History – The History Of Power. 2019. Volume 5. Issue 3. № 17. P. 358-367.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Big promises reduce trust": thoughts about the role of trust in history // The Power Of History – The History Of Power. 2019. Volume 5. Issue 4. № 18. P. 318-327.
15. Izotova A.S. The formation of an intercultural personality in the process of learning English at a technical university // Mission confessions. 2019. Volume 9. Issue 2. № 43. P. 182-184.
16. Markina N.A. The expert community in the field of art in a knowledge society: to the problem statement // Mission confessions. 2019. Volume 9. Issue 2. № 43. P. 201-204.
17. Danakin N.S., Karamazov M.V. Conceptualization of the concept of "social competence" // Mission confessions. 2019. Volume 9. Issue 2. № 43. P. 241-245.
18. Bekirova F.S. Implementation of judicial constitutional control in modern conditions // Almanac Cossacks. 2020. № 39. P. 35-39.
19. Darmilova E.N., Sidakov A.M., Urchukova S.R. Information and communication technologies in modern terms of provision of electronic public services (regional aspect) // Almanac Cossacks. 2020. № 39. P. 40-44.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дальневосточный федеральный университет

Булах Е.В.

*Кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии
Восточного Института Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет».*

Зайченко А.Б.

*Магистрант, кафедра политологии
Восточного Института Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет».*

Методология исследования территориальных основ самоуправления, принципы и проблемы в практике установления границ ТОС

Предположения о том, что община теряет свой политический суверенитет при появлении государства, высказанные Б.Н. Чичериным, начинают становиться политической реальностью. В данном случае речь идет не только о факте возникновения государства, но и в случае взятия государством на себя социально-политических обязательств на территориях муниципалитетов. Он отмечал, что частный союз, становится самостоятельным только вследствие отсутствия в обществе государственных начал¹. Со сменой политической парадигмы, с переходом от недемократических к демократическим режимам, влияние государства во всех сферах общественной жизни становятся очевидным. Теория, основанная на идеи естественного права и признания общины как естественно сложившегося организма, независимого от государства, требует переосмысления, но с сохранением за общиной функционала по вовлечению граждан в управление и воспитание его участников в духе гражданской активности.

За последние несколько лет в российском обществе остро вырос запрос на массовое и организованное участие граждан в социально-политической жизни страны. Возможность включиться в процесс совместного участия можно через инструменты интернет-голосования на официальном сайте Госуслуги или через участие граждан в общественно-полити-

1 Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М.: 1894. С. 118.

ческих общественных объединениях. Не последнюю роль в этом играют товарищества собственников жилья (ТСЖ) и Советы многоквартирных домов (МКД). Перечисленные организационные формы гражданского участия имеют как определенные преимущества, так и очевидные недостатки. Одним из которых является отсутствие единого объединяющего фактора. Общественно-политические образования представляют собой группы по единству взглядов и зависимые от лидера(ов), ТСЖ и МКД объединяют только собственников, формы интернет-голосований объединяют виртуально и только одновременно, на момент поддержки конкретного инициативного проекта.

Возможно, что единым мотивом, объединяющим граждан на протяжении всей истории, являлось и является стремление к формированию и поддержанию комфортной среды своего проживания. Различные теории местного самоуправления, несмотря на все свои отличительные характеристики, строятся на раскрытии принципов участия граждан в решении местных вопросов и прежде всего хозяйственных. Общественно-хозяйственная теория О. Ресслера и Р. Моля подчёркивает негосударственную, преимущественно хозяйственную общину. Разработчиками хозяйственной теории в России профессор В.Н. Лешков, князь А.И. Васильчиков. В.Н. Лешков основывались на идеях о единстве земских интересов. А.И. Васильчиков писал, что это такой порядок внутреннего управления, при коем местные дела и должности замещаются местными жителями - земскими обывателями². Самоуправление есть государственное управление – вот откровенный вывод школы германских юристов, отмечал Михайлов Г.С.³ Западные и Российские сторонники, государственного представления о самоуправлении, такие как Л. Штейном и Р. Гнейстом Г. Еллинек, Ф. Гудноу, В.Н. Безобразов, А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, М.И. Свешников, Б.Э. Нольде, А.Г. Михайловский, Б.Н. Чичерин и др. согласны с тем, что самоуправление должно стать формой организации государственного хозяйственного управления на местах. Это определено природой процесса наделения полномочиями на местах, она имеет государственное начало. Полномочия по решению хозяйственных вопросов местного значения закреплены юридически на основании политической воли.

Нахождение первичных отличительных признаков в принципах организации осуществления местного самоуправления трансформировались в два основных направления в рамках одной общей государствен-

2 Васильчиков А.И. О самоуправлении. СПб.: 1869. С. 211.

3 Михайлов Г.С. Местное советское управление. М.: 1927. С. 14.

ной концепции: политической Р. Гнейста и юридической Л. Штейна. Двойственный характер местного самоуправления в современном государстве нашел свое отражение в теории дуализма, которой придерживались Н. Кауфман, Е. Банфилд, Д. Вилсон, Р. Джексон, М.А. Краснов, К.Ф. Шеремет, С.А. Авакьян, Г.В. Барабашев, Теория дуализма по своей сути является симбиозом общественной и государственной теории дополняют О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев, не разделяя политические и правовые признаки⁴. Анализ конституционных основ местного самоуправления в Российской Федерации и Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», позволяют прийти к выводу о том, что именно в рамках дуалистического подхода сегодня идёт развитие муниципальной реформы⁵.

Община, осуществляя хозяйственную деятельность по решению вопросов местного значения, самостоятельно определяет границы территории своего участия, опираясь на характер решаемых задач. Община предлагает государству признать границы своего функционирования, а по возможности закрепить правовым актом. Происходит это вне зависимости от представлений о природе местного самоуправления. Определяющим являются два фактора: общность территории проживания и единая актуальность решаемых задач для.

Действительно, общины являются самыми стабильными социальным объединениями. Единство коммунально-бытовых проблем полным образом демонстрирует наличие «чего-то общего». Домовые инженерные сети и коммуникации до места подключения не единственная коллективная точка притяжения. В зону интереса общины могут входить места общественного пользования, включающие придомовую территорию, скверы и парки, детские и спортивные площадки, места парковок и выгула собак, территории под объектами и сооружениями социального назначения⁶. Городские проблемы общежития видоизменили традиционную общину в соседскую или городское местное сообщество. Ее наличие в современных городах и иных населенных пунктах реально, иначе мы бы не наблюдали многочисленные акты гражданского возмущения на локальных территориях. Повод разный: точечная застройка, стихийные автостоянки, нецелевое или варварское использование детских, спортивных и иных придомовых площадок. Единство коммунально-бытовых

4 Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право РФ. М.: 2004. С. 55.

5 Шустов В.Г. Теории местного самоуправления - политологический контекст // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 2 (118). С. 244-250.

6 Булах Е.В., Князева А.Р., Цой В.Г. Соседская община через призму Чикагской школы: практика ТОС в развитии городских территорий // Известия Восточного института. 2020. № 2. С. 46-56.

проблематик заставляет граждан взаимодействовать. Все они являются жителями на части территории муниципального образования, а значит имеют общий мотив на самоорганизацию по месту своего проживания с целью непосредственного решения задач местного значения в рамках собственных инициатив. Данная универсальная организационная форма граждан в российском законодательстве отмечена как территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС).

Под территориальным общественным самоуправлением (ТОС) федеральный законодатель понимает одну из непосредственных форм осуществления гражданами местного самоуправления на части территории муниципального образования путем их участия в самоорганизации по месту жительства для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по решению вопросов местного значения на части территории муниципального образования. Территориальное общественное самоуправление осуществляется непосредственно населением посредством проведения собраний и конференций граждан, а также посредством создания органов территориального общественного самоуправления⁷, таким фиксирует порядок осуществления ТОС статья 27 «Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Формулировка главы 7 данного закона, в состав которой входит статья 27, относит обозначенную форму самоорганизации к элементу единой системы публичной власти Российской Федерации.

Статус ТОС, зафиксированный федералами, является предметом свободного понимания на местном уровне. Конфликты по поводу распределения полномочий по решению вопросов местного значения на части территории муниципалитета стали обычным делом. Организационно-правовая категория «часть территории муниципального образования», в границах которой жители предполагают непосредственно осуществлять самоорганизацию и последующую деятельность по участию в решении местных вопросов, становится одной из ключевых в местных муниципальных практиках. Как приобрести полномочия и установить границу на части территории муниципалитета, в которой их реализовывать. Каков порядок установления границ и статус правового акта, дальнейшие последствия данного политического действия. Все это перечень проблем, которые сегодня требуют пристального внимания исследовате-

⁷ КонсультантПлюс: [Электронный ресурс]. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/8dca12e4c57dcd9672a34eadf15e13b4455e1519/

лей, а предлагаемые ими варианты решений, анализа и выводов на предмет соответствия общественным ожиданиям и возможности практического применения.

Для моделирования возможного содержания процедуры установления границ под осуществление гражданами местного самоуправления в форме ТОС, необходимо дать оценку основным представлениям о природе данной непосредственной формы осуществления местного самоуправления. Опасения Л. Велехова, высказанные век тому, о неопределенности «местного самоуправления» в мировой науке сохраняют свою актуальность⁸. По мнению отдельных российских исследователей, ТОС в системе местного самоуправления имеет неоднозначную природу, хотя конституционно, пунктом 2 ст.130 закреплен как непосредственная форма прямого волеизъявления. Данный пункт раскрыт статьями 27 и 33 в ФЗ-131. Общественная точка зрения, где по мнению д.ю.н. профессора РАНХиГС Шугриной Е.С. – ТОС, это общественные формирования в системе гражданского общества, цель которых, не более чем взаимодействие с органами местного самоуправления. Данное представление не имеет ничего общего с Общественно-хозяйственной теорией. Территориальное общественное самоуправление в рамках данной концепции рассматривается как элемент гражданского общества, хотя и обладающий особым статусом и имеющий четкую территориальную привязку; органы территориального общественного самоуправления рассматриваются как некоммерческие организации⁹. О каком особом статусе идет речь, какие источники права предлагают регламент наделения этим статусом, информации у сторонников данного взгляда нет. Большей своей частью регламент участия граждан в непосредственном осуществлении местного самоуправления в форме ТОС определен федеральным актом. ФЗ-131 полноценно раскрывает порядок публично-правовых отношений между жителями части муниципалитета и органами местной власти, признавая жителей источником местной власти. Единственное упоминание о ТОС как о практике гражданско-правовых отношений соотносится к описанной в статье 52 ГК РФ процедуре регистрации ТОС в качестве некоммерческого юридического лица. Надо отметить, что подобная регистрация не является обязательной для ТОС, а в практике осуществления данной непосредственной формы наблюдается крайне редко. Так по данным Минюста России, к концу 2020 года на террито-

8 Велехов Л.А. Основы городского хозяйства. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 234-235.

9 Шугрина Е.С., Иванова К.А. О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС). Спецдоклад. - М: Изд-во «Проспект», 2018. 160 с.

риях более 5,6 тыс. муниципальных образований, представляющих 76 субъектов Российской Федерации, созданы 32-33 тыс. территориальных общественных самоуправлений, уставы которых зарегистрированы в органах местного самоуправления, из них около 1,5 тыс. зарегистрированы также в качестве некоммерческих организаций¹⁰. Трудно найти у сторонников общественной концепции понимания того, как в рамках Гражданского кодекса РФ отрегулировать территориальную привязку участников ТОС. В своих работах Шугрина Е.С. сама отвечает на этот вопрос, утверждая, что ни одна из перечисленных в Федеральном законе «О некоммерческих организациях» форм не учитывает специфики ТОС как формы осуществления народом публичной власти. Действительно, любое НКО действует вне территориальных ограничений, а на участие в нем имеет право каждый вне зависимости от места проживания. Все эти разногласия сводят на нет проблематику установления границ ТОС, для общественной организации она не имеет значения. Авторы подобных теоретических взглядов сами признают наличие противоречий, говоря о характере участия граждан в осуществлении ТОС. Решения, принимаемые НКО, естественно распространяются только на его членов, на тех, кто добровольно в уведомительном порядке изъявил желание участвовать в общественной структуре. В отношении ТОС *de facto* действует несколько иной механизм - решения распространяются на всех лиц, проживающих на соответствующей территории¹¹. Это подтверждает мысль о приоритете иных взглядов на природу ТОС – политико-правовую, а значит взаимосвязь между «территория/ полномочия» является основополагающей.

Признание за ТОС статуса первичного элемента в единой системе публичной власти находятся в работах большинства современных исследователей данной темы. Они сохраняют преемственность взглядов основоположников дуалистической теории, отмечая важность высказываний Н.М.Коркунова о том, что существование и деятельность самоуправляющихся местных сообществ, должны быть не факультативны, а обязательны. Они не только могут быть, но и должны быть; государство не только допускает их, а требует¹². ТОС относится к одной из непосредственных форм осуществления местного самоуправления, это характеризует его

10 Сайт Министерства Юстиции: «Самоуправления получают финансовую поддержку от местных властей». // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48272/>

11 Шугрина Е.С. Судебная практика по вопросам, связанным с созданием и ликвидацией территориального общественного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2012. № 1. С. 20-25.

12 Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб.: 1909. Т. 2. С. 489.

как полноценного участника политических процессов. Перечень характеристик, определенных статьей 27 упомянутого закона, особо роднит ТОС со свободной общиной. Он касается легитимизации властных полномочий на местном уровне по инициативе самих жителей, самоорганизовавшихся в некую соседскую общину, что подтверждается уставом или отдельным договором с администрацией муниципалитета¹³. Именно подобное представление и является причиной столь пристального внимания к процедуре установления границ ТОС как со стороны самих граждан – участников самоорганизации, так и местных органов власти. Любая административно-территориальная единица, являющаяся пространством функционирования элемента публичной власти, всегда имеет устойчивую систему установления границ своего политического влияния: государство; субъект федерации; муниципалитет. Следовательно, подобную систему должен получить ТОС, ее основы заложены в пункте 3 статьи 27 ФЗ-131. Основными принципами формирования подобной системы являются:

1. Законность;
2. Приоритетность предложений от населения;
3. Принадлежность к территории муниципалитета;
4. Вариативность территориальных пределов осуществления ТОС;
5. Непересекаемость (не наложение) границ ТОС;
6. Стремление к полному покрытию территории муниципалитета.

Выделяя основным, принцип законности, мы предполагаем соответствие подзаконных муниципальных правовых актов действующему закону. В практике российских муниципалитетов можно наблюдать различные интерпретации, заложенных законодателем принципов. Обычно они направлены на поражение политических прав ТОС. «Представляется, что администрацией Владивостокского городского округа ограничено толкуются положения действующего законодательства, регулирующего порядок регистрации и деятельности ТОС» - констатировал ситуацию омбудсмен в Приморском крае Мельников Ю.Б. Ответ за №51-Б/2-17-288 от 19.02.2021г. был дан на запрос граждан, о возможном нарушении прав жителей на осуществление местного самоуправления, гарантированные им Конституцией РФ и Федеральным законом ФЗ-131 при установлении границ. Речь идет о пункте 3 статьи 7 действующего Положения о территориальном общественном самоуправлении в городе

13 Булах Е.В. Князева А.Р. Цой В.Г. Особенности муниципальной политики в России: нормативно-правовое регулирование практики осуществления территориального общественного самоуправления (ТОС) // Школа Науки. 2019. № 7 (18). С. 58-60.

Владивостоке от 22 декабря 2005 года № 157: «Территории, закрепленные в установленном порядке за учреждениями, предприятиями и организациями, не входят в состав территории, на которой действует территориальное общественное самоуправление»¹⁴. Буквальная трактовка нормы противоречит конституционным положениям об обязательном и повсеместном самоуправлении в любых возможных формах. Местные органы Владивостока без стеснения, переносят публично-правовые отношения по поводу установления границ части территории муниципалитета под непосредственное осуществление населением местного самоуправления в форме ТОС, в плоскость гражданско-правовую, возможно, касающуюся земельных отношений. Ими никак не учитывается аналогия с установлением границ избирательных округов, где принципы непересекаемости и общего покрытия очевидны, даже с учетом того, что статьи о регуляции местных выборов и ТОС содержатся в одной главе. Подобное несоблюдение принципа законности местными чиновниками стало причиной конфликта и обращения граждан за защитой в суд. Иск касался отказа администрации регистрировать устав ТОС «Юмашева», с описанием границ, установленных Думой города, территория ТОС включала муниципальные образовательные учреждения. Соседская община по ул. Адмирала Юмашева предполагала участие в решении вопросов по организации дошкольного и школьного образования и поэтому вышла с предложением по данным границам своего функционирования, но получила необоснованный отказ.

Говоря о проблемах формирования территориальных основ ТОС, можно отметить неполноценность местных нормативно-правовых актов, хотя Федеральное законодательство отсылает нас именно к уполномоченным органам муниципальной власти для целей детализации порядка и организации деятельности ТОС¹⁵. Для примера можно вернуться к анализу Положения № 157 г. Владивостока. Кроме спорного пункта статьи 7, отсутствует хоть какой-то регулятор практики по отмене, ранее принятых решений по установлению границ ТОС. Подобный отзыв необходим ввиду наличия фактов самороспуска ТОС. Наличие принципа непересекаемости (не наложения) границ, не позволяет представительному органу местного самоуправления принять новое решения по предложению граждан, пока не отменено прежнее решение. Эта проблема связана с нежизнеспособностью, ранее созданных огромных ТОС, они

¹⁴ Официальный портал Думы г. Владивостока [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.dumavlad.ru/files/documents/157.html>

¹⁵ Бадягина А.В. Сравнительная характеристика ТОС, ТСЖ и общественных объединений // Местное право. 2014. № 4. С. 49-55.

не соответствуют характеристикам соседской общины и не обеспечивают должный уровень совещательной демократии. Получив некий опыт, активные жители пытаются перезагрузить самоорганизацию в новых, но уже меньших границах, на территориях с ярко выраженной единой коммунально-бытовой проблематикой. Помочь им может анализ сроков принятия решения об установлении границ и отсутствия последующих действий. Срок бездействия, превышающий один год, может свидетельствовать о самороспуске ТОС и оправдать отзыв прежнего решения.

Признавая ТОС элементом политической системы, выделяя важность территориальных основ осуществления данной формы местного самоуправления, необходимо согласиться с необходимостью совершенствования процедуры установления границ самоорганизации граждан по месту их проживания. Возможный комплекс мероприятий можно разделить на:

- Организационно-методические, включающие, разработку методичек для граждан по формированию предложений на предмет установления границ ТОС и регламента для заинтересованных органов местного самоуправления на предмет активного взаимодействия с гражданами в момент формирования последними своих предложений;

- Информационно-консультационные, включающие создание и популяризацию печатной, электронной и иной информационной продукции, касающейся предлагаемых методик формирования предложений по установлению границ ТОС, создание общественной и муниципальной структур консультаций и сопровождения реализации инициативы граждан на пути всего процесса учреждения ТОС;

- Правовые, предполагающие совокупность инициатив по разработке, общественному обсуждению и принятию работоспособных Положений о ТОС, а на переходный период, рассмотреть действующие акты на предмет их соответствия федеральному законодательству. Для Владивостока, это немедленная отмена пункт 3 статьи 7 Положения № 157 и включение в ст. 24, данного нормативно-правового акта, нормы о признании утратившим силу решения об установлении границ ТОС, деятельность которого не подтверждена протоколами проведения собраний (конференций) более года.

Подобный комплекс действий позволит повысить эффективность процесса, поддержки инициатив граждан, в части определения и установления границ территорий осуществления ТОС. Данный аспект является одним из важнейших при создании условий мотивирующих граждан, для участия в решении вопросов местного значения. Как отмечает

доктор политических наук, профессор Е.С. Шомина, успешность деятельности ТОС во многом определяются отношением к нему власти¹⁶.

Список литературы:

1. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М.: 1894. С. 118.
2. Васильчиков А.И. О самоуправлении. СПб.: 1869. С. 211.
3. Михайлов Г.С. Местное советское управление. М.: 1927. С. 14.
4. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право РФ. М.: 2004. С. 55.
5. Шустов В.Г. Теории местного самоуправления - политологический контекст // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 2 (118). С. 244-250.
6. Булах Е.В., Князева А.Р., Цой В.Г. Соседская община через призму Чикагской школы: практика ТОС в развитии городских территорий // Известия Восточного института. 2020. № 2. С. 46-56.
7. КонсультантПлюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040 (Дата обращения: 12.04.2021)
8. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 234-235.
9. Шугрина Е.С., Иванова К.А. О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС). Спецдоклад. - М.: Изд-во «Проспект», 2018. 160 с.
10. Сайт Министерства Юстиции: «Самоуправления получат финансовую поддержку от местных властей». // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48272> (Дата обращения: 10.04.2020).
11. Шугрина Е.С. Судебная практика по вопросам, связанным с созданием и ликвидацией территориального общественного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2012. № 1. С. 20-25.
12. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб.: 1909. Т. 2. С. 489.
13. Булах Е.В. Князева А.Р. Цой В.Г. Особенности муниципальной политики в России: нормативно-правовое регулирование практики осуществления территориального общественного самоуправления (ТОС) // Школа Науки. 2019. № 7 (18). С. 58-60.
14. Официальный портал Думы г. Владивостока // URL: <http://www.dumavlad.ru/files/documents/157.html> (Дата обращения: 12.04.2021).
15. Бадягина А.В. Сравнительная характеристика ТОС, ТСЖ и общественных объединений // Местное право. 2014. № 4. С. 49-55.
16. Шомина Е.С. Территориального общественного самоуправления. Текущее состояние и примеры успешных практик из регионов России / «Фонд устойчивое развитие». М.: 2014. С. 2-6.

References

1. Chicherin B.N. State Science Course. M.: 1894. P. 118.
2. Vasilchikov A.I. About self-government. SPb.: 1869. P. 211.
3. Mikhailov G.S. Local Soviet government. M.: 1927. P. 14.
4. Kutafin O.E., Fadeev V.I. Municipal law of the Russian Federation. M.: 2004. P. 55.
5. Shustov V.G. Theories of local self-government - political science context // Bulletin of the Adyge State University. 2013. № 2 (118). P. 244-250.
6. Bulakh E.V., Knyazeva A.R., Tsoi V.G. Neighborhood community through the prism of the Chicago school: CBT practice in the development of urban areas // Izvestia of the Eastern Institute. 2020. № 2. P. 46-56.
7. ConsultantPlus // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040 (12.04.2021)
8. Velikhov L.A. Basics of urban economy. - M.-L.: State. publishing house, 1928. P. 234-235.
9. Shugrina E.S., Ivanova K.A. On the state of territorial public self-government in the Russian Federation (to the 30th anniversary of the first Russian TPSG). Special report. - M.: Publishing house "Prospect", 2018. 160 p.
10. Website of the Ministry of Justice: "Local governments will receive financial support from local authorities". // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48272> (10.04.2020).
11. Shugrina E.S. Judicial practice on issues related to the creation and liquidation of territorial public self-government // Municipal service: legal issues. 2012. № 1. P. 20-25.
12. Korkunov N.M. Russian state law. SPb.: 1909. Vol. 2. P. 489.
13. Bulakh E.V. Knyazeva A.R. Tsoi V.G. Features of municipal policy in Russia: legal regulation of the practice of implementing territorial public self-government (TOS) // School of Science. 2019. № 7 (18). P. 58-60.
14. The official portal of the Duma of Vladivostok // URL: <http://www.dumavlad.ru/files/documents/157.html> (12.04.2021).
15. Badyagina A.V. Comparative characteristics of TPSG, HOA and public associations // Local law. 2014. № 4. P. 49-55.
16. Shomina E.S. Territorial public self-government. Current state and examples of successful practices from the regions of Russia / "Sustainable Development Fund". M.: 2014. P. 2-6.

¹⁶ Шомина Е.С. Территориального общественного самоуправления. Текущее состояние и примеры успешных практик из регионов России / «Фонд устойчивое развитие». М. 2014. С. 2-6.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ)**

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (МГУ)**

Рябова Е.И.

Кандидат политических наук,
международный эксперт, специалист по праву.
«Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе.

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук,
профессор. Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ).

Код Арчимольдо: причины дробления социального мира и инструкция по сборке

Волшебная сила искусства состоит в том, чтобы, с одной стороны, делать все тайное явным, раскрывая суть самых разных проблем в экономике, политике, социальной реальности прошлого, настоящего и даже будущего. С другой стороны, искусство все явное превращает в нереальное, фантастическое, меняет знаки на противоположные, делая страшное комичным, смешное превращая в трагичное, в злом, находя добро и т.д. Эти способности произведений искусства мы обнаруживаем в применении к любым аспектам бытия, как личного, так и всеобщего, международного¹.

Работы итальянского живописца, декоратора, натурфилософа и даже инженера и организатора праздников² Джузепе Арчимбольдо (1526 или 1527 – 1593), особый интерес к которым в международной выставочной программе проявился в наши дни, не могут оставить равнодушными ни одного зрителя, независимо от его отношения к искусству и его понимания. Мы имеем около трех десятков портретов, которые безоговорочно относят к кисти Арчимбольдо. К самым известным его работам относят: циклы «Четыре элемента» и «Времена года», картины «Библиотекарь», «Юрист», «Повар», «Виночерпий». Есть картины-обманки, например, «Корзина с фруктами», которые можно рассматривать в перевернутом виде. Полотна этого мастера хранятся в известнейших музеях мира: Лувре (Париж, Франция), Галерее Уффици (Флоренция, Италия),

¹ Терновая Л.О. Геопоэтика: Международные отношения и искусство: Монография. М.: Альфа-М, 2013.

² Шовская Т.В. «Габсбургский Леонардо»: Джузепе Арчимбольдо и его деятельность по устройению празднеств при дворе австрийских императоров // Вопросы театра. 2017. № 3-4. С. 222-238.

Франции (Лувр), Венском Музее Истории искусств (нем. *Kunsthistorisches Museum*, Вена, Австрия) и др. Арчимбольдо и сам курировал один из первых музеев мира — императорскую Кунсткамеру в Праге.

На сочных, ярких полотнах этого мастера представлены фигуры, составленные из множества обыденных вещей. При этом каждая деталь: от фруктов до рыб или от книг и музыкальных инструментов до домашней утвари — не просто вписана в общую картину, а точно характеризуют своего персонажа. Зрителя восхищает: нос — груша, гриб — ухо, колоссящиеся брови и бороды, поблескивающие вишнево-ежевичные глаза, румянящиеся щеки-яблоки. Сейчас мы в этом видим выражение единства человека с природой, выступающего базой современной и будущей экологической культуры³. Шведский коллекционер произведений искусства Понтус Хультен, один из самых крупных музейных специалистов XX в., автор идеи «открытого музея» (англ. *open museum*) или «музея без стен» (англ. *museum without walls*), доступного для широкой публики, отличающегося междисциплинарными выставками, концертами, лекциями, дискуссиями, видеопозаками и пр. — пространства, где интегрировались бы искусство, литература, кино, наука, театр и музыка, считал, что Арчимбольдо на картинах отражал такое миропонимание, согласно которому человек состоит из тех же элементов, что и окружающий его мир.

С определенной долей условности можно и самого Арчимбольдо отнести к первым экологам. В 1582 г. он был послан императором в Германию для приобретения предметов старины, а также «животных и изумительных птиц Нового Света». Есть предположения, что художник профессионально занимался естествознанием и сотрудничал на этой почве с итальянским ученым — натуралистом, ботаником, энтомологом, зоологом и врачом Улиссе Альдрованди, являвшимся основателем одного из первых в Европе ботанических садов в Болонье.

Течение в живописи, к которому относят Арчимбольдо, называют маньеризмом (итал. *manierismo*, от *maniera* — манера, образ действия, прием, обхождение, вычурность). Например, в книге «История уродства» (ит. *Storia della bruttezza*), написанной под редакцией выдающегося итальянского мыслителя, ученого-медиевиста, писателя Умберто Эко, творчество Арчимбольдо причисляется к маньеристской традиции, характерной предпочтением экспрессивного прекрасному, стремлением к странному, экстравагантному и бесформенному⁴.

³ Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологическая культура: поиск индикаторов социального протеста // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 6 (144). С. 9-17; Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: Монография. М.: Инфра-М, 2017.

⁴ История уродства / Под ред. У. Эко. М.: Слово/Slovo, 2013.

Ряд специалистов обращают внимание на некоторую схожесть использования аллюзий и парадоксальных сочетаний форм художниками-маньеристами и сюрреалистами (от фр. *surréalisme*, букв. — сюрреализм, надреализм) начала прошлого столетия. Именно главный идеолог сюрреалистов французский поэт и писатель Андре Бретон тогда вернул публике забытого Арчимбольдо. За Бретоном этого мастера объявляли своим предтечей Сальвадор Дали, Макс Эрнст, Марсель Дюшан и другие художники. Позже искусствоведы стали отмечать близость работ Арчимбольдо к произведениям кубистов, абстракционистов, мастеров поп-арта, концептуалистов и постмодернистов⁵.

Толчком к рождению маньеризма исследователи называют разграбление Рима (итал. *Sacco di Roma*) в 1527 г. во время войны Коньякской лиги. Тогда Вечный город пережил масштабную катастрофу, в память в которой швейцарские гвардейцы Ватикана по сей день принимают присягу в роковой день 6 мая. В докладе, написанном «дрожащей рукой» и хранящемся в архивах Мантуи, сказано, что свирепость и кровожадность захватчиков «ужаснула бы и камень»⁶.

Богатейшее культурное наследие Рима было уничтожено. И вместо духа Возрождения, отличавшегося удивительной гармонией природы и человека, духовного и телесного начал, была представлена мозаичная картина сочетания реальности и вымысла. Арчимбольдо мы обязаны уникальным видением возможности непрямого использования того, что люди обычно употребляют в пищу. Мастер из этого создавал портреты, например, юриста (1566), в котором некоторые усматривают сатирического изображение реформатора-богослова Жана Кальвина, но чаще высказывается мнение, что изображенный персонаж — советник Рудольфа II Ульрих Засиус, а также самого императора Рудольфа II в образе Вертумна, древнеиталийского бога времен года и их различных даров (1590). За этот портрет художнику был пожалован почетный титулом пфальц-графа. Грегорио Команини, поэт и историк, последователь Торквато Тассо, автор трактата «*Il Figino, Overo, del fine della Pittura*»⁷, написанного в форме диалога и получившего название «Мантуанский диалог», воспел «Вертумна» Арчимбольдо в стихах.

Каждая картина Арчимбольдо представляет собой шкатулку загадок. Они начинаются с того, что неясен сам посыл замысла мастера. Имеется версия, что источником могли послужить некоторые наброски Лео-

5 Коваленко Ю. Овощи — резко: как Арчимбольдо опередил сюрреалистов // Известия. 2021. 9 июня.

6 Такман Б. Ода политической глупости. От Трои до Вьетнама. М.: АСТ, 2013.

7 Comanini G. Il Figino, overo, del fine Della Pittura: dialogo. In Mantova: Per Francesco Osanna, 1591.

Джузеппе Арчимбольдо.
Библиотекарь. Портрет
Вольфганга Пазиуса; Юрист;
Портрет императора Рудольфа II
в образе Вертумна.

нарко да Винчи, с работами которого Арчимбольдо был знаком еще с детства, поскольку отец художника был дружен с учеником этого гения эпохи Возрождения, а сын этого ученика, в свою очередь, дружил с Джузеппе и показывал ему альбомы с зарисовками и записями Леонардо. По другой версии, за основу столь сложных по композиции портретов были взяты немецкие гротескные готические изображения⁸. Вторая группа загадок относится к тому, почему для передачи сути образа были Арчимбольдо выбраны те или иные предметы, отражающие либо продукт природы, либо результат человеческого труда. Номенклатура использованных мастером объектов настолько широка, что удивляешься

⁸ Всеобщая история искусств. Том II (6). Искусство Средних веков. Книга I. Европа / Авторы: А.А. Губер, М.В. Доброклонский, Л.Я. Рейнгардт; под общей редакцией Ю.Д. Колпинского. М.: Искусство, 1961.

тому, что имел в своем арсенале человек XVI столетия, и как мало это отличается от бытового набора XXI в., если исключить гаджеты. Третья часть вопросов связана с тем, почему именно такая манера подачи художественного образа оказалась близка не только творцам-сюрреалистам в прошлом веке, но и достаточно широкому кругу живописцев нашего времени.

Попробуем на этот вопрос ответить более подробно.

Первая особенность, сближающая полотна Арчимбольдо с современной социальной реальностью состоит в колоссальной фрагментации не только общей, глобальной картины мира, но и повседневной части бытия. Ярким проявлением такого деления стало распространение клипового сознания, как выражения клиповой культуры (англ. *clip culture*), т.е. образов, создаваемых средствами массовой коммуникации и становящихся, по мнению Элвина Тоффлера, господствующим способом представления и восприятия информации⁹. Эту клиповость мы отчетливо различаем на всех полотнах Арчимбольдо. Например, на картине-натюрморте «Садовник» мастер изобразил миску с овощами. Однако при перевертывании изображения сразу же виден портрет. Есть предположение, что это нарисован итальянский художник феррарской школы Джованни Баттиста Бенвенути, прозванный Л'Ортолано, поскольку его отец был садовником. В наше время распадение картины мира на детали, присущее полотнам Арчимбольдо, лишь усилилась перегородками, связанными с ограничительными мерами против распространения COVID-19. В этом многие аналитики увидели возвращение человечества в новое Средневековье¹⁰.

Вторая черта творчества Арчимбольдо, делающая его актуальным, заключается в том, что в картине-перевертыше применяется прием, роднящий ее не только со всеми известными моделями инверсии в культуре, например, в мифах и сказках, повествующих об оборотнях, но и с вполне реальной социальной моделью поведения — практикой перевертывания, постановки проблемы с ног на голову. Только, взглянув на ситуацию в перевернутом виде, можно понять ее суть. Так происходит с перевертыванием картины «Повар-Натюрморт», где изображено запеченное мясо, но за ним скрыт портрет самого повара. Если мясные деликатесы выглядят аппетитными, то лицо повара не столь привлекательно. Таким образом, мы встречаемся с очень простым и доступным способом об-

9 Романов Н.А. Клиповая культура в современном медиапространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 97-106.

10 Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258-267.

Джузеппе Арчимбольдо. Ортолано (садовник) и Повар-Натюрморт.

наружения двойных стандартов, которые, к сожалению, превратились в характерную черту мировой политики¹¹.

Третья позиция, привлекающая наше внимание к работам этого мастера, определяется тем, что представляется поучительным профессиональный анализ представленных Арчимбольдо образов. Понятно, почему портрет библиотекаря составлен преимущественно из книжных изданий. Также не вызывает никаких вопросов то, что изображение официанта, выполненное в 1574 г. по заказу императора Максимилиана II для курфюрста Саксонии Августа, выглядит как антропоморфная коллекция предметов, которые непосредственно связаны с виноделием.

Это: бочонок, керамический кувшин, стеклянный сосуд, оплетенный кожей, кран, фляга кьянти, шило, чаша для дегустации, измерительный щуп, оловянная кружка и деревянная винная воронка.

В советские годы была популярной детская песенка на слова Якова Халецкого и музыку Юрия Чичкова «Из чего же, из чего же», в которой перечислялось, из чего же сделаны наши мальчишки, и из чего сделаны наши девчонки. Мальчишки и девчонки вырастают, а когда они становятся взрослыми, то «линейки и батарейки», «платочки и клубочки» из них никуда не уходят. Просто, у большинства людей эти их компоненты детства отодвигаются в сторону, чтобы позволить занять свое место предметам, характеризующим профессиональное мастерство. Увидеть составляющие этого мастерства далеко не просто. Но именно на это сейчас, например, ориентированы конкурсы, организуемые в рамках

Джузеппе Арчимбольдо.
Официант (Натюрморт с бочкой).

11 Терновая Л.О. Код Джексона – Вэника, или влияние символов на неправительственные связи России и США (предисловие) // Бабинов А.В., Жизневская Е.С. Двойные стандарты или бинарный код в российско-американских отношениях. М.: Интердиалект+, 2007. С. 5 – 17; Терновая Л.О. Международная безопасность и двойные стандарты // Международная безопасность России в условиях глобализации. М.: РАГС, 2007. С. 110-116.

международного некоммерческого движения *WorldSkills International*, миссия которого состоит в повышении стандартов подготовки кадров. Это движение имеет девиз: «Делай мир лучше силой своего мастерства!» (англ. *Improving the world with the power of skills!*).

Четвертая деталь, которая даже не скрывается, а исключительно громко о себе заявляет с полотен Арчимбольдо, определяет его персонажей в сатирическом, гротескном ключе. В частности, австрийский искусствовед, арт-дилер, писатель и переводчик Бенно Гейгер находил в картинах этого мастера инверсию, позволяющую в красоте видеть уродство и наоборот¹². Гейгер выразил общую оценку творчества мастера заглавием своей монографии «Комические картины Джузеппе Арчимбольдо»¹³. Это мнение было продолжением того, как к картинам Арчимбольдо относились его современники, характеризуя их как «шутки», «причуды», «капризы» (соответственно ит. *scherzi, grilli* и *capricci*)¹⁴. По сути, близкое отношение к подходу Арчимбольдо к раскрытию образов своих персонажей обнаруживается у теоретиков постструктурализма, например, у яркого представителя этого направления, философа, эстетика, семиотика, литературоведа Ролана Барта¹⁵.

Умение комическим образом выразить серьезное дано исключительно малому количеству творцов, обладающих не только высокой нравственной позицией, но и художественным умением не перейти черту дозволенного. Поэтому ни одного из последователей Арчимбольдо применить продукты и готовые блюда в гастрономических инсталляциях и перформансах не были органичными, не отвечали ни природе этих продуктов, ни итоговому объекту. В частности, это можно сказать о действиях в 1960-е гг. участников течения *Food Art* («Пища как искусство»), у истоков которого стоял швейцарский художник Даниэль Спёрри¹⁶.

Объяснение художественных провалов подражателей Арчимбольдо лежит не только в плоскости самого искусства, но и в особенностях времени. Маньеризм, к которому принадлежал итальянский мастер, был созвучен эпохе перехода от Возрождения и Новому времени. Подобно любому социальному транзиту, для периода того социального перехода были характерны напряженность, разобщенность и отсутствие понима-

12 Кригескорте В. Джузеппе Арчимбольдо, 1527—1593 / Пер. А.Г. Фолманис. М.: Taschen/Арт-Родник, 2002. С. 32-43.

13 Geiger B. Die skurrilen Gemälde des Giuseppe Arcimboldi. Wiesbaden: Limes, 1960.

14 Ferino-Pagden S. (ed). Arcimboldo: 1526 –1593. Milan: Skira, 2007. P. 15.

15 Барт Р. Арчимбольдо: Чудовища и чудеса // Метафизические исследования: Альманах Лаборатории метафизических исследований. СПб.: Алетейя, 2000. Т. XIII: Искусство. С. 332-343.

16 Cempellin L. The Ideas, Identity and Art of Daniel Spoerri: Contingencies and Encounters of an 'Artistic Animator'. Wilmington, DE: Vernon Press, 2017. 233 p.

ние другого. Искусство в такие времена берет на себя роль транслятора смыслов, с одной стороны, все предельно упрощая, с другой — максимально украшая, потому что чувствует потребность людей в празднике. Но ни то, ни другое не в состоянии скрыть кризисные проблемы, которые вопиют о себе уже одним отсутствием гармонии и деформированными образами своих персонажей.

Немецкий журналист и историк искусства Густав Рене Хокке, одним из первых отнесший Арчимбольдо к маньеристам, назвал свою опубликованную в 1957 г. работу «Мир как лабиринт»¹⁷. Образ лабиринта очень точно передает не только творческие искания людей искусства того периода второй половины XVI столетия, но и общее состояние поиска смысла в любую эпоху перемен.

История показывает, что если такой смысл не находится в мирной активности людей, а искусство также не помогает его разглядеть, то поиск может перейти в военную плоскость. XVI – XVII вв. знаменовались Восьмидесятилетней и Тридцатилетней войнами, изменившими паттерн взаимодействия не только между государствами, но и обычными людьми. Во многом схожие трагические ноты социального перехода были слышны в искусстве начала XX столетия. И они также не были восприняты властью и обществом как знаки необходимости более решительного управления переменами, а не следования в их русле. В итоге человечество погрузилось в две мировые войны, которые иногда называют «Тридцатилетней войной XX века». Чтобы не повторить горький опыт предшествующих поколений уже в начале XXI в., следует внимательно относиться к тому опыту, который достался в наследство, а также тщательно вглядываться и вслушиваться в современные произведения искусства, ища в них те элементы кода Арчимбольдо, которые скрыто, но настойчиво предостерегают от ошибок разобщенности социума.

Список литературы:

1. Барт Р. Арчимбольдо: Чудовища и чудеса // Метафизические исследования: Альманах Лаборатории метафизических исследований. СПб.: Алетейя, 2000. Т. XIII: Искусство. С. 332–343.
2. Всеобщая история искусств. Том II (6). Искусство Средних веков. Книга I. Европа / Авторы: А.А. Губер, М.В. Доброклонский, Л.Я. Рейнгардт; под общей редакцией Ю.Д. Колпинского. М.: Искусство, 1961. 957 с.
3. История уродства / Под ред. У. Эко. М.: Слово/Slovo, 2013. 456 с.
4. Коваленко Ю. Овощи — резко: как Арчимбольдо опередил сюрреалистов // Известия. 2021. 9 июня.
5. Кригескорте В. Джузеппе Арчимбольдо, 1527—1593 / Пер. А.Г. Фолманис. М.: Taschen/Арт-Родник, 2002. 80 с.
6. Романов Н.А. Клиповая культура в современном медиапространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 97–106.
7. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологическая культура: поиск индикаторов социального протеста // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 6 (144). С. 9–17.
8. Такман Б. Ода политической глупости. От Трои до Вьетнама. М.: АСТ, 2013. 540 с.
9. Терновая Л.О. Геопоэтика: Международные отношения и искусство: Монография. М.: Альфа-М, 2013. 592 с.
10. Терновая Л.О. Код Джексона – Вэнника, или влияние символов на неправительственные связи России и США (предисло-

¹⁷ Hocke G.R. Die Welt als Labyrinth: Manierismus in der europ. Kunst u. Lit. / Durchges. u. erw. Ausg. / Hrsg. von Curt Grützmacher. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1987. 543 p.

- вие) // Бабинов А.В., Жизневская Е.С. Двойные стандарты или бинарный код в российско-американских отношениях. М.: Интердиалект+, 2007. С. 5-17.
11. Терновая Л.О. Международная безопасность и двойные стандарты // Международная безопасность России в условиях глобализации. М.: РАГС, 2007. С. 110-116.
12. Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: Монография. М.: Инфра-М, 2017. 312 с.
13. Шовская Т.В. «Габсбургский Леонардо»: Джузеппе Арчимбольдо и его деятельность по устройству празднеств при дворе австрийских императоров // Вопросы театра. 2017. № 3-4. С. 222-238.
14. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258-267.
15. Cempellin L. The Ideas, Identity and Art of Daniel Spoerri: Contingencies and Encounters of an 'Artistic Animator'. Wilmington, DE: Vernon Press, 2017. 233 p.
16. Comanini G. Il Figino, ovvero, del fine Della Pittura: dialogo. In Mantova: Per Francesco Osanna, 1591. 266 p.
17. Ferino-Pagden S. (ed). Arcimboldo: 1526 –1593. Milan: Skira, 2007. 320 p.
18. Geiger B. Die skurrilen Gemälde des Giuseppe Arcimboldi. Wiesbaden: Limes, 1960. 166 p.
19. Hocke G.R. Die Welt als Labyrinth: Manierismus in der europ. Kunst u. Lit. / Durchges. u. erw. Ausg. / Hrsg. von Curt Grützmacher. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1987. 543 p.
20. Ананченко П.И. Образовательный туризм и перспективы его развития // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 20-28.
21. Долженко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. О языке права в юридической лингвистике // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 102-107.
22. Бессонов Е.Г. Задачи информационного обеспечения процессов управления социокультурными трансформациями российского общества // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 4. № 45. С. 475-480.
23. Бирюков Н.Г., Григоренко О.Н., Дворянинова Е.И. Прагматика этнокультурных метафор в создании стереотипных изображений России в зарубежном газетном дискурсе // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 4. № 45. С. 424-430.
24. Вознесенский И.С. Ускользающее восприятие духа времени: от мифа к реальности // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 5. № 23. С. 763-773.
25. Никашина Н.В., Мурашко С.Ф. Исследование в русской и китайской культуре языка в межкультурной коммуникации // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 8. № 26. С. 1166-1169.

References

1. Bart R. Arcimboldo: Monsters and Wonders // Metaphysical Research: Almanac of the Laboratory of Metaphysical Research. SPb.: Aletaya, 2000. T. XIII. P. 332-343.
2. General history of art. Volume II (6). Art of the Middle Ages. Book I. Europe / Authors: A.A. Guber, M.V. Dobroklonsky, L. Ya. Reinhardt; edited by Yu.D. Kolpinsky. Moscow: Art, 1961. 957 p.
3. History of ugliness / Ed. W. Eco. M.: Slovo / Slovo, 2013. 456 p.
4. Kovalenko Y. Vegetables - sharply: how Archimboldo was ahead of the surrealists // Izvestia. 2021.9 June.
5. Krigescorte V. Giuseppe Arcimboldo, 1527-1593 / Per. A.G. Folmanis. M.: Taschen / Art-Rodnik, 2002. 80 p.
6. Romanov N.A. Clip culture in modern media space // Chelovek. Culture. Education. 2017. № 3 (25). P. 97-106.
7. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Ecological culture: search for indicators of social protest // Ethnosocium and interethnic culture. 2020. № 6 (144). P. 9-17.
8. Takman B. Ode to political stupidity. From Troy to Vietnam. M.: AST, 2013. 540 p.
9. Ternovaya L.O. Geopoetics: International Relations and Art: Monograph. Moscow: Alfa-M, 2013. 592 p.
10. Ternovaya L.O. Jackson-Vanik code, or the influence of symbols on nongovernmental relations between Russia and the United States (preface) // Babikov A.V., Zhiznevskaya E.S. Double standards or binary code in Russian-American relations. M.: Interdi-lect+, 2007. P. 5-17.
11. Ternovaya L.O. International security and double standards // International security of Russia in the context of globalization. M.: RAGS, 2007. P. 110-116.
12. Ternovaya L.O. Eosemantics of geopolitical space: Monograph. M.: Infra-M, 2017. 312 p.
13. Shovskaya T.V. "The Habsburg Leonardo": Giuseppe Arcimboldo and his activities in organizing festivities at the court of the Austrian emperors // Questions of the theater. 2017. № 3-4. P. 222-238.
14. Eco U. The Middle Ages have already begun // Foreign Literature. 1994. № 4. P. 258-267.
15. Cempellin L. The Ideas, Identity and Art of Daniel Spoerri: Contingencies and Encounters of an 'Artistic Animator'. Wilming- ton, DE: Vernon Press, 2017. 233 p.
16. Comanini G. Il Figino, ovvero, del fine Della Pittura: dialogo. In Mantova: Per Francesco Osanna, 1591. 266 p.
17. Ferino-Pagden S. (ed). Arcimboldo: 1526 –1593. Milan: Skira, 2007. 320 p.
18. Geiger B. Die skurrilen Gemälde des Giuseppe Arcimboldi. Wiesbaden: Limes, 1960. 166 p.
19. Hocke G.R. Die Welt als Labyrinth: Manierismus in der europ. Kunst u. Lit. / Durchges. u. erw. Ausg. / Hrsg. von Curt Grützmacher. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1987. 543 p.
20. Ananchenkova P.I. Training tourism and its development prospects // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 20-28.
21. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. On the Language of Law in Juridical Linguistics // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 102-107.
22. Bessonov E.G. Tasks of information support for the management processes of sociocultural transformations of Russian society // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 4. № 45. P. 424-480.
23. Biryukov N.G., Grigorenko O.N., Dvoryaninova E.I. Pragmatics of ethnocultural metaphors in creating stereotypic images of Russia in foreign newspaper discourse // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 4. № 45. P. 424-430.
24. Voznesenskij I.S. Elusive perception of the spirit of the times: from myth to reality // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 5. № 23. P. 763-773.
25. Nikashina N.V., Murashko S.F. Research in Russian and Chinese language culture in intercultural communication // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 8. № 26. P. 1166-1169.

Комарова В.Н.

Студентка 4 курса

факультета иностранных языков и регионоведения.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Язык в контексте взаимоотношений государства и регионов в Италии: casus Сицилии

В настоящей статье мы хотим рассмотреть ситуацию, сложившуюся в Италии вокруг сицилийского идиома (*Sicilianu*), непризнанного государством ни в качестве подлежащего защите языка «лингвистического меньшинства», ни как официального языка области Сицилия.

Актуальность исследования обусловлена тем, что язык сегодня все чаще фигурирует как основа самоидентификации общностей, его новизна – обращением к этнолингвистической ситуации в Сицилии, значительно менее изученной по сравнению с другими областями Италии, в том числе в отечественном дискурсе; в ходе исследования были использованы различные источники, включая материалы полевых изысканий¹.

Италия, вопреки официальному статусу «унитарной республики», по Конституции страны 1947 г.², является совокупностью 20 автономных областей, 5 из которых (Трентино-Альто-Адижде, Валле-д'Аоста, Фриули-Венеция-Джулия, Сицилия, Сардиния) наделены расширенной автономией. Не анализируя сейчас ни права, предоставляемые им на бумаге, ни осуществление их на практике, отметим, что сам факт предоставления расширенной автономии был вызван причинами двоякого характера. В одних случаях речь шла об областях с компактно проживающими этнолингвистическими анклавами («меньшинствами»): германоязычного – в Трентино-Альто-Адижде; франкофонов и носителей окситанского языка – в Валле-д'Аоста; словенцев – во Фриули-Венеция-Джулия. Предоставление же специальной автономии Сицилии

1 Фаис О. Сицилийцы: этническое меньшинство или особая этническая общность? (К вопросу об идентичности сицилийцев) // Европа меньшинств – меньшинства в Европе (под ред. Мартыновой М.Ю., Кабицкого М.Е.). М.: ИЭА РАН. 2016. С. 271-301; Полевые материалы автора. Опросы в Сицилии (Палермо, Агридженто, Катания, Трапани) (2019 г.). Опросная группа – 140 человек.

2 Costituzione della Repubblica Italiana. In: Manuale per i deputati. Assemblea Regionale siciliana. Palermo: A. Renna. 1972.

и Сардинии официально мотивировалось тем, что там существовали «особые экономические и политические условия и особая психологическая атмосфера, требующие такого решения»³. Однако многие исследователи отмечали, что властями страны замалчивался «отстраненность» населения этих регионов от Италии и «отличия языка, культуры, истории и самосознания»⁴, но главное – что предоставление ему «каких-то прав» одновременное с непризнанием его лингвистическим меньшинством в законах послевоенной Италии было предопределено «давними традициями борьбы за локальную суверенность»⁵, в частности, сицилийским сепаратизмом, который в 1943 г. обрел форму открытых вооруженных выступлений, правда, быстро подавленных.

Правда, на момент принятия Конституции ни в Сицилии, ни в Сардинии сепаратисты не акцентировали внимания на языке. Хотя первые и говорили об «особенностях истории и культуры Сицилии» и «этно-антропологической специфике» ее населения как «нации», этот вопрос не был для них первостепенным. Его обходили и сепаратисты Сардинии: на фоне диалектальной пестроты региона превращение «в язык» одного из диалектов обернулось бы утратой поддержки со стороны носителей остальных⁶.

Требования признания «своих» языков со стороны различных регионов Италии и лидеров националистических движений начали раздаваться позже, когда изменился политический контекст в Италии и стало очевидно, что «иноязычие» – то единственное отличие, которое итальянское государство официально признает за носителями «любой историко-культурной и социокультурной инаковости»: согласно ст.6 Конституция, «особыми нормами» декларируется защита только «лингвистических меньшинств».

Так, в Сардинии, где лидер сардинских националистов А.С. Мосса утверждал: «Только с признанием языка мы поднимемся до достоинства народа», борьба за язык обострилась в 70-е годы XX в.⁷ – тогда же, когда и во Фриули⁸. В стороне осталась Сицилия, где разгром сепаратизма в конце 40-х гг. привел к длительной стагнации национализма; лишь в наши

3 Norme per l'attuazione dello Statuto della Regione Siciliana e disposizioni transitorie // In: Manuale per i deputati. Palermo: A. Renna. 1972. P. 73.

4 De Mauro T. In Europa son già 103. Roma – Bari: Laterza. 2014. P. 14.

5 Battaglia A. Il Separatismo siciliano. I documenti militari. Roma: Nuova Cultura. 2015. P. 7.

6 White P. Geographic aspects of minority language situations in Italy // Linguistic Minorities, Society and Territory (Ed. by C.H. Williams) Clevedon: Multilingual Matters. 1991. P. 44-65.

7 Contu G. Antonio Simon Mossa e il federalismo delle etnie // La grotta della vipera. 1981. 21. P. 48.

8 Petrosino D. National and regional movements in Italy: the case of Sardinia // The Social Origins of Nationalist Movements (Ed. by J. Coakley). London: Sage. 1992.

дни звучали требования признания факта, что «сицилийцы – нация, обладающая собственными историей, культурой и языком»⁹.

Большие надежды «обойденные» Конституцией регионы возлагали на готовившийся много лет закон по защите «лингвистических меньшинств» – «Нормы по поддержке исторических лингвистических меньшинств», или «закон № 482» от 1999 г. Дав определение объекту защиты («язык, исторически функционирующий на конкретной территории проживания определенного этнического сообщества и обладающий значительной культурной традицией»), он перечислил защищаемые языки, список которых значительно расширился по сравнению с Конституцией и, что показательно, включил также фриульский и сардинский языки¹⁰. Однако «Закон ...» не упомянул ни сицилийцев, ни *Sicilianu*. Таким образом, официально первые по-прежнему остаются жителями области, наделенной правами автономии «ввиду существования в ней особых условий», а *Sicilianu* – не самостоятельным романским языком, а диалектом итальянского языка.

Хотя с лингвистической точки зрения *Sicilianu* признает языком и ЮНЕСКО, и всемирный «классификатор языков», издание *Etnologue*, наделяя его кодом, не присуждаемым диалектам, и Европейская хартия региональных языков (Италия, в 2000 г. подписав Хартию, отказалась от ее ратификации)¹¹, и многочисленные лингвисты, антропологи, но часто и сами языковеды скептически относятся к «возможностям» сугубо лингвистических критериев таксономии идиомов.

По их признанию, фактически при определении статуса идиома на первый план выходит политика. Так, Э. Хауген подчеркивает, что понятие «диалект» не имело лингвистического значения до современной эпохи, и что в качестве «диалекта» часто фигурирует язык, «не сумевший добиться политического успеха»: например, пьемонтский, который «обрекли» на статус диалекта после того, как итальянским языком стали считать тосканский¹². Примат политики при определении статуса идиома отмечает и М. Рулен: именно «линия поведения» государства обуславливает «общепринятые представления о сходстве и различии

9 Fonte F. Dal Separatismo all'autonomia regionale: storia dell'idea indipendentista siciliana del XX secolo. Soveria Mannelli: Rubbettino. 2011. P. 19.

10 La Legge N. 482 del 1999 sulle minoranze linguistiche storiche // Senato.it. Dossier n. 493. // URL: https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/17/DOSSIER/0/1022617/index.html?part=dossier_dossier1-sezione_sezione11-h1_h14.

11 Luna Mascolino E. Is Sicilian a dialect or a language and why isn't there an answer for this question? // SicilianPost. 18.01.2020. // URL: <https://www.sicilianpost.it/en/is-sicilian-a-dialect-or-a-language-and-why-isnt-there-an-answer-for-this-question>.

12 Haugen E. Dialect, language, nation // American Anthropologist. 68. 1966. P. 922-935.

между языками, возникающие в ходе политической борьбы за гегемонию» и «заставляет лингвистов следовать им»¹³. Им вторит М. Биллиг, антрополог, приводя убедительный пример сепаратистской Ломбардской лиги. В 80-е гг. XX в. Лига объявила ломбардский самостоятельным языком, что вызвало острейшую критику со стороны оппонентов, доказывавших его «диалектальную» природу. По словам Биллига, «бесмысленно было искать ответ на этот вопрос в учебниках, так как в одних ломбардский признавался отдельным языком, а в других – нет»; более того, если бы Ломбардия отделилась бы от Италии, установив собственные государственные границы, «можно было бы не сомневаться, что ломбардский стал бы считаться особым, отличным от итальянского языком. Через какое-то время и учебники лингвистики пришли бы к согласию в этом вопросе»¹⁴.

Это подтверждает опыт обретения фриульским и сардинским идиом статус «миноритарных языков», их легализации в своих регионах. Власти Италии, напуганные сепаратизмом, долго сопротивлялись лингвистическим требованиям националистов во Фриули и в Сардинии. При этом в спорах о том, что представляют собой фриульский и сардинский идиомы, с обеих сторон участвовали опытные лингвисты, опровергавшие доводы оппонентов относительно того, что есть язык, а что – диалект. Но пока ученые полемизировали, политика решила дело. Переход националистов в Сардинии к экстремизму в 80-е гг. XX в., их сотрудничество с ИРА, корсиканскими, баскскими сепаратистами, создали реальную угрозу целостности государства. Это побудило власти Италии узаконить двуязычие на острове, что привело к затуханию национализма. Во Фриули же, где регионализм был более умеренным, признание языка обеспечила поддержка Лиги Севера, к этому моменту ставшей правящей партией в стране¹⁵.

Вернемся к *Sicilianu*. Его трактовка как диалекта до сих пор довлеет в отечественной лингвистике¹⁶, но все реже «звучит» в международном научном дискурсе¹⁷. И все чаще исследователи, в попытке добиться официального признания его как языка, и противостоять линии итальянского

13 Ruhlen M. A Guide to the World's Languages. Vol. I: Classification. Stanford: Stanford University Press. 1987.

14 Billig M. Banal Nationalism. London: Sage. 1995. P. 32.

15 Cescje A. Memoris di politiche linguistiche. Udin: KappaVu. 2014.

16 Алисова Т.Б., Чельшева И.И. Романские языки // Языки мира. Романские языки М.: Academia, 2001. С. 15-56.

17 Bonner J.K. Introduction to Sicilian Grammar. Ottawa: Legas. 2001; Hull G. Polyglot Italy: Languages, Dialects, Peoples, Ottawa: Legas. 2001; Cipolla G. "U sicilianu è na lingua o un dialettu? // Arba Sicula 2004. XXV (1&2); Trofimova O. I Normanni in Inghilterra ed in Sicilia. Un capitolo della storia linguistica europea. Palermo: Università degli Studi di Palermo. 2016–2017.

государственного централизма, апеллируют не к очевидным лингвистическим чертам идиома, не к факту древности его письменной формы¹⁸ (как известно, при необходимости государством «даже статус письма может оспариваться или официально объявляться диалектом»¹⁹) или не менее древней литературной традиции, отмеченной даже Данте²⁰, но к социолингвистическим доводам.

Речь идет о функциональности *Sicilianu* – средстве общения для весьма обширного, от 7 до 10 млн. чел., массива населения в Сицилии, на Пантеллерии, Лампедузе, островах Сицилийского архипелага, юге Калабрии, Апулии и Кампании, и представителей диаспор в США, Канаде, Австралии, Бразилии, Аргентине, Германии, Швейцарии – и о факте его официального признания в городах Бивона, Калтаджироне, Граммикеле в Сицилии; кроме того, в 2011 г. парламент Сицилии принял закон о преподавании *Sicilianu* в школах. Также исследователи апеллируют к истории языка и государственности, но еще больше – к эмическому видению идиома, причем не глазами представителей националистических движений, а широкими массами населения²¹.

Сицилийцы позиционируют себя особой этнической общностью и «нацией»; в самосознании язык занимает особое место («мы – отдельный народ романской языковой группы»); при опросах 100% респондентов назвали *Sicilianu* автономным языком, а не диалектом итальянского²². Население, независимо от социальной принадлежности и культурно-образовательного уровня, прекрасно знает не только собственную историю, былую славу региона, его государственности в эпоху арабов (X – XI вв.) и норманнов (XI – XIII вв.), но и тот факт, что *Sicilianu* был официальным письменным языком (наряду с латынью, греческим, арабским, ивритом) уже в XII в.²³. Также во всех слоях общества известна если не сама локальная литературная традиция «на *Sicilianu*» от древности до наших дней, то хотя бы факт ее существования. Эту «поразительную, уникальную и не имеющую аналогов в других областях Италии по степени охвата населения... массовую осведомленность

18 Varvaro A., Sornicola R. Considerazioni sul multilinguismo in Sicilia e a Napoli nel primo Medioevo // Bollettino Linguistico campano. 2008. № 13/14. P. 50.

19 Billig. Op.cit. P. 30.

20 Alighieri, Dante. De Vulgari Eloquentia I, XII, 2. Firenze: F. Le Monnier. 1948. P. 87.

21 Wichmann S. How to Distinguish Languages and Dialects // Computational Linguistics. October 2019. 45(3):1-10.

22 Фаис. Ук. соч. С. 284; Полевые материалы автора....

23 Bresc H., Giunta F. La nascita della personalità siciliana // Palermo 1070 -1492. Soveria Mannelli: Rubbettino.1996. P. 13-17; Giunta F. Sicilia, Siciliani, «sicilitudine» // Palermo 1070 -1492. Soveria Mannelli: Rubbettino.1996. P. 18-25.

на всех уровнях локального социума о литераторах, писавших о Сицилии и/или творивших на *Sicilianu*», отмечал и ряд исследователей²⁴.

Сохранению *Sicilianu* в регионе, особенно его письменной формы, знаний о его прошлом население обязано созданному в 1951 г. Центру сицилийских филологических и лингвистических исследований (Centro di studi filologici e linguistici siciliani); и сегодня он курирует преподавание сицилийского в области, где в 2016 г. инициировал создание Ассоциации Сицилийской культуры и Академи Сицилийского языка. Ранее по инициативе Центра в университете Росарио (Аргентина) была основана Кафедра Сицилийских языка и культуры; Центр сицилиановедения был создан в Нью-Йорке, а в 2016 г. кафедры сицилийского языка появились при университетах в Пенсильвании и в Манубе (Тунис).

Сегодня во всех слоях социума, включая, что показательно, народный, тема идентичности, или *sicilitudine*, как сицилийцы именуют свою «самость»²⁵, в контексте которой важную роль играет *Sicilianu*, все чаще выходит на первый план. Представители всех слоев социума, противопоставляя себя итальянцам, в первую очередь говорят о языке и культуре («мы – народ другой культуры»; «у сицилийцев свой язык и культура»; «мы – носители другого языка» и т.д.), но при этом, по сравнению со «прежними» респондентами, все меньше акцентируют внимание на лингвистических проблемах и все больше настаивают на отделении Сицилии от Италии²⁶. Показательна разница в ответах респондентов в ходе опросов 2010 -2014 гг. и 2019 г. Если в 2014 г., согласно массовому опросу, проведенному итальянским агентством Демос, 50% респондентов высказалось за предоставление сицилийцам статуса «лингвистического меньшинства», а 44% – за независимость Сицилии²⁷, то к 2017 г. число желающих расширения лингвистических прав сократилось до 13%, а численность сторонников отделения, упирающих «на специфику языка, культуры, экономики», выросла до рекордных 75%²⁸.

Уместно в этой связи задаться вопросом, не являются ли такие настроения следствием влияния националистов? По мнению исследова-

24 Billitteri D. Homo Panormitanus. Palermo: SIGMA. 2003. P. 121.

25 Giunta. Op.cit. P. 18.

26 Полевые материалы автора...; Фаис. Ук. соч.

27 Balduzzi G. Sondaggi politici Demos, indipendenza regioni: quanti gli italiani favorevoli // Termometro Politico. 10.11.2014. // URL: https://www.termometropolitico.it/1146296_sondaggi-politici-indipendenza-regioni-italiani.html.

28 Guglielmino S. Microcosmo Sicilia. Soveria Mannelli: Rubbettino.2021. P. 11.

телей, в Сицилии «осознание своей “инаковости”, в том числе исторической, языковой, культурной, настолько прочно сидит в сознании и памяти населения», что исторически и «без влияния националистических движений широкие массы сами по себе несут «в крови заряд “стихийного, спонтанного сепаратизма”, “чувство обособленности от Италии”», в силу чего не националисты влияют на народ, а, наоборот, массовые настроения питают и детерминируют сегодня, «после долгой стагнации “сицилианизма”, появление националистических партий и организаций»²⁹.

К числу наиболее крупных из них относятся Сицилийский Национальный Фронт (Fronte Nazionale Siciliano); Движение за Независимость Сицилии (Movimento per l'Indipendenza della Sicilia); Сицилия – Нация (Sicilia Nazione). Большинство из них не представляет собой, по крайней мере пока, реальной политической силы; лишь партия Свободные Сицилийцы (Siciliani Liberi), выступающая за экономическое возрождение региона, получила несколько мест в локальном парламенте.

Именно долгое отсутствие оформленного национализма как актора борьбы за реализацию лингвистических требований многие исследователи и считают основной причиной «недополучения» сицилийцами – в отличие от других инокультурных анклавов Италии – статуса «лингвистического меньшинства» (то, что Сицилия исторически представляла собой латентно оппозиционный «центру» регион, только укрепляло «метрополию» в решимости не расширять фактически его автономию)³⁰.

Мы не случайно привлекли полевые материалы, позволившие, пусть вкратце, выявить эмическую самооценку сицилийцев. В свете их позиционирования себя «нацией», заслуживающей своего «места под солнцем», признание языка, хотя он и видится населению основным отличительным культурным признаком сицилийцев и основой их идентичности, сегодня отнюдь не является основным требованием, предъявляемых регионом государству. По меткому выражению Д.Биллиттери, «современные сицилийцы, сплотившись, единодушно все больше хотят признания, в отрыве от Италии, своей “инаковости” во всей совокупности ее складывавшихся веками составляющих», т.е. «много большего, чем просто официального признания какого-то од-

²⁹ Ibid. P. 9.

³⁰ Fonte. Op.cit. P. 49.

ного ее компонента – экономической специфики, особенностей истории, древности государственности, специфичности уклада жизни, традиций, системы ценностей, ментальности населения, неповторимости языка и культуры»³¹. Иными словами, легитимизация *Sicilianu* как языка в сегодняшних чаяниях большинства сицилийцев представляет для них интерес исключительно как следствие признания в целом независимости области. Таким образом, «casus Сицилии» еще раз подтверждает вывод антропологов: проблема таксономии идиома – вопрос политический, обусловленный, в частности, «конфликтом интересов» государства и одной из его автономий, которая на различных уровнях (локальная администрация, националистические движения, широкие круги населения) обнаруживает стойкие прорегиональные и антицентристские настроения.

Список литературы:

1. Алисова Т.Б., Чельшева И.И. Романские языки // Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 15-56.
2. Полевые материалы автора. Опросы в Сицилии (Палермо, Катания, Агридженто, Трапани) (2019 г.). Опросная группа – 140 человек.
3. Фаис О. Сицилийцы: этническое меньшинство или особая этническая общность? (К вопросу об идентичности сицилийцев) // Европа меньшинств – меньшинства в Европе (под ред. Мартыновой М.Ю., Кабицкого М. Е.). М.: ИЭА РАН. 2016. С. 271-301.
4. Alighieri Dante. De Vulgari Eloquentia I, XII, 2. Firenze: F. Le Monnier. 1948.
5. Balduzzi G. Sondaggi politici Demos, indipendenza regioni: quanti gli italiani favorevoli // Termometro Politico. 10.11.2014. // URL: https://www.termometropolitico.it/1146296_sondaggi-politici-indipendenza-regioni-italiani.html.
6. Battaglia A. Il Separatismo siciliano. I documenti militari. Roma: Nuova Cultura. 2015.
7. Billig M. Banal nationalism. London: Sage. 1995.
8. Billitteri D. Homo Panormitanus. Palermo: SIGMA. 2003.
9. Bonner J.K. Introduction to Sicilian Grammar. Ottawa: Legas. 2001.
10. Bresc H., Giunta F. La nascita della personalità siciliana // In: Palermo 1070 -1492. Soveria Mannelli: Rubbettino. 1996. P. 13-17.
11. Cescje A. Memoris di politiche linguistiche. Udin: KappaVu. 2014.
12. Cipolla G. "U sicilianu è na lingua o un dialettu? // Arba Sicula. 2004. XXV (1&2).
13. Contu G. Antonio Simon Mossa e il federalismo delle etnie // La grotta della vipera. 1981. № 21.
14. Costituzione della Repubblica Italiana. In: Manuale per i deputati. Assemblea Regionale siciliana. Palermo: A. Renna. 1972.
15. De Mauro T. In Europa son già 103. Troppe lingue per una democrazia? Roma – Bari: Laterza. 2014.
16. Fonte F. Dal Separatismo all'autonomia regionale: storia dell'idea indipendentista siciliana del XX secolo. Soveria Mannelli: Rubbettino. 2011.
17. Giunta F. Sicilia, Siciliani, «sicilitudine» // In: Palermo 1070 -1492. Soveria Mannelli: Rubbettino. 1996. P. 18-25.
18. Guglielmino S. Microcosmo Sicilia. Soveria Mannelli: Rubbettino. 2021.
19. Haugen E. Dialect, language, nation // American Anthropologist. 68. 1966. P. 922-935.
20. Hull G. Polyglot Italy: Languages, Dialects, Peoples, Ottawa: Legas. 2001.
21. La Legge N. 482 del 1999 sulle minoranze linguistiche storiche // Senato.it. Legislatura 17ª - Dossier n. 493. // URL: https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/17/DOSSIER/0/1022617/index.html?part=dossier_dossier1-sezione_sezione11-h1_h14 (дата обращения: 23.02.2021).
22. Luna Masolino E. Is Sicilian a dialect or a language and why isn't there an answer for this question? // SicilianPost. 18.01.2020. // URL: <https://www.sicilianpost.it/en/is-sicilian-a-dialect-or-a-language-and-why-isnt-there-an-answer-for-this-question/>.
23. Norme per l'attuazione dello Statuto della Regione Siciliana e disposizioni transitorie // In: Manuale per i deputati. Assemblea Regionale siciliana. Palermo: A. Renna. 1972.
24. Petrosino D. National and regional movements in Italy: the case of Sardinia // The Social Origins of Nationalist Movements (Ed. by J. Coakley). London: Sage. 1992.
25. Ruhlen M. A Guide to the World's Languages. Vol. I: Classification. Stanford: Stanford University Press. 1987.
26. Trofimova O. I Normanni in Inghilterra ed in Sicilia. Palermo: Università degli Studi di Palermo. 2016-2017.
27. Varvaro A., Sornicola R. Considerazioni sul multilinguismo in Sicilia e a Napoli nel primo Medioevo // Bollettino Linguistico campano. 2008. № 13/14. P. 49-66.

31 Billitteri. Op.cit. P. 61.

28. White P. Geographic aspects of minority language situations in Italy // *Linguistic Minorities, Society and Territory* (Ed. by C.H. Williams) Clevedon: Multilingual Matters, 1991. P. 44-65.
29. Wichmann S. How to Distinguish Languages and Dialects// *Computational Linguistics*. 2019. № 45 (3). P. 1-10.

References

1. Alisova T.B., Chelysheva I.I. Romance languages // *Languages of the world. Romance languages*. M.: Academia, 2001. P. 15-56.
2. Field materials of the author. Surveys in Sicily (Palermo, Catania, Agrigento, Trapani) (2019). The survey group is 140 people.
3. Fais O. Sicilians: Ethnic Minority or Special Ethnic Community? (On the question of the identity of the Sicilians) // *Europe of minorities - minorities in Europe* (edited by Martynova M.Yu., Kabitsky M.E.). Moscow: IEA RAN. 2016. P. 271-301.
4. Alighieri Dante. *De Vulgari Eloquentia* I, XII, 2. Firenze: F. Le Monnier. 1948.
5. Balduzzi G. Sondaggi politici Demos, indipendenza regioni: quanti gli italiani favorevoli // *Termometro Politico*. 10.11.2014. // URL: https://www.termometropolitico.it/1146296_sondaggi-politici-indipendenza-regioni-italiani.html.
6. Battaglia A. *Il Separatismo siciliano. I documenti militari*. Roma: Nuova Cultura. 2015.
7. Billig M. *Banal nationalism*. London: Sage. 1995.
8. Billitteri D. *Homo Panormitanus*. Palermo: SIGMA. 2003.
9. Bonner J.K. *Introduction to Sicilian Grammar*. Ottawa: Legas. 2001.
10. Bresc H., Giunta F. *La nascita della personalità siciliana* // In: *Palermo 1070 -1492*. Soveria Mannelli: Rubbettino. 1996. P. 13-17.
11. Cescje A. *Memoris di politiche linguistiche*. Udin: KappaVu. 2014.
12. Cipolla G. "U sicilianu è na lingua o un dialettu? // *Arba Sicula*. 2004. XXV (1&2).
13. Contu G. Antonio Simon Mossa e il federalismo delle etnie // *La grotta della vipera*. 1981. № 21.
14. *Costituzione della Repubblica Italiana*. In: *Manuale per i deputati*. Assemblea Regionale siciliana. Palermo: A. Renna. 1972.
15. De Mauro T. *In Europa son già 103. Troppe lingue per una democrazia?* Roma – Bari: Laterza. 2014.
16. Fonte F. *Dal Separatismo all'autonomia regionale: storia dell'idea indipendentista siciliana del XX secolo*. Soveria Mannelli: Rubbettino. 2011.
17. Giunta F. *Sicilia, Siciliani, «sicilitudine»* // In: *Palermo 1070 -1492*. Soveria Mannelli: Rubbettino. 1996. P. 18-25.
18. Guglielmino S. *Microcosmo Sicilia*. Soveria Mannelli: Rubbettino. 2021.
19. Haugen E. *Dialect, language, nation* // *American Anthropologist*. 68. 1966. P. 922-935.
20. Hull G. *Polyglot Italy: Languages, Dialects, Peoples*, Ottawa: Legas. 2001.
21. *La Legge N. 482 del 1999 sulle minoranze linguistiche storiche* // Senato.it. Legislatura 17^a - Dossier n. 493. // URL: https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/17/DOSSIER/0/1022617/index.html?part=dossier_dossier1-sezione_sezione11-h1_h14 (23.02.2021).
22. Luna Mascolino E. *Is Sicilian a dialect or a language and why isn't there an answer for this question?* // *SicilianPost*. 18.01.2020. // URL: <https://www.sicilianpost.it/en/is-sicilian-a-dialect-or-a-language-and-why-isnt-there-an-answer-for-this-question/>.
23. *Norme per l'attuazione dello Statuto della Regione Siciliana e disposizioni transitorie* // In: *Manuale per i deputati*. Assemblea Regionale siciliana. Palermo: A. Renna. 1972.
24. Petrosino D. *National and regional movements in Italy: the case of Sardinia* // *The Social Origins of Nationalist Movements* (Ed. by J. Coakley). London: Sage. 1992.
25. Ruhlen M. *A Guide to the World's Languages*. Vol. I: Classification. Stanford: Stanford University Press. 1987.
26. Trofimova O. *I Normanni in Inghilterra ed in Sicilia*. Palermo: Università degli Studi di Palermo. 2016-2017.
27. Varvaro A., Sornicola R. *Considerazioni sul multilinguismo in Sicilia e a Napoli nel primo Medioevo* // *Bollettino Linguistico campano*. 2008. № 13/14. P. 49-66.

Аннотации

Михайлов В.А.

Алиев Т.Э.

Основные тактики информационной войны

Использование информации как оружия против противника – есть следствие развития технологий в современную эпоху. Так называемые информационные войны осуществляются с использованием ряда тактик, таких как использование средств массовой информации и социальных сетей. Международному праву становится все сложнее регулировать информационные боевые действия из-за нематериального характера ущерба, нанесенного операциями информационного противоборства. Нерегулируемый характер информационных операций позволяет использовать информационную войну, чтобы получить преимущество перед своими противниками. Все это создает угрозу информационной безопасности, где все больше внимания приходится уделять предотвращению или снижению вероятности несанкционированного доступа к данным или незаконному использованию, раскрытию, нарушению, удалению, повреждению, модификации, проверки, записи или обесцениванию информации. Это также включает действия, направленные на уменьшение негативных последствий таких инцидентов.

Ключевые слова: информационная война, пропаганда, дезинформация, контент, безопасность, Интернет.

Нигматуллина Т.А.

Этнополитическая кодификация: мифология и идентичности

Статья посвящена социально значимой в современном мире, в том числе и в России, проблематике – формированию многомерных идентичностей человека как представителя этноса, региона, языковой и религиозной общности, носителя самобытных традиций. В этом процессе деятельное участие принимает мифологическое и фольклорное наследие, влияющее на конструирование современных этнополитических реальностей. Миф, фольклор и история рассматриваются автором панорамно, как различные способы этнокультурной коммуникации, систематизации и генезиса народа в культурном ландшафте, инструмент формирования множественной идентичности.

Ключевые слова: миф, фольклор, традиции, этнополитическая проекция, кодификация, реконструкция, ценности, идентичности.

Михайлова А.В.

Методологический инструментарий исследования государственно-конфессиональных отношений

В статье обоснован методологический инструментарий исследования государственно-конфессиональных отношений, основанный на принципе интеграции гуманитарных наук, ключевыми подходами в котором являются методы политической науки – системный подход, политико-правовой анализ, метод сравнительного правоведения и сравнительного государствоведения.

Ключевые слова: метод, политическая наука, методология исследования, политико-правовой анализ, системный подход, государственно-конфессиональные отношения.

Суздалева Т.Р.

Игроки политической модернизации современной России

Политическая модернизация современной России является сложным и в то же время актуальным процессом, необходимым для развития институциональной политико-экономической среды. При этом для ее успешного запуска важно определиться с теми субъектами, которые будут ответственны за ее реализацию. Непосредственно, в данной статье речь будет идти об игроках политической модернизации современной России. Так, для автора важно понять, какие существуют институциональные факторы становления игроков, а также какие функциональные особенности они в себе несут.

Ключевые слова: политическая модернизация, институт, институция, игроки, акторы, трансформация, трансакционные издержки.

Будзилевич В.В.

Стратегическое управление в условиях цифровой экономики

Статья посвящена исследованию вопросов стратегического управления под действием процесса цифровизации. Проведен анализ подходов к определению понятий «стратегическое управление» и «цифровизация». Приведены особенности влияния цифровых процессов на различных этапах стратегического управления. Также представлено авторское обоснование значимости инструментов цифровизации в стратегическом управлении.

Ключевые слова: стратегическое управление, цифровизация, цифровые технологии, цифровая экономика.

Максимов А.С.

Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве

Статья посвящена проблеме использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве в рамках гибридного противоборства между США и Российской Федерацией. Целью статьи является выявление специфики использования инструментария гибридного воздействия в зоне геополитического влияния России. Для достижения цели в статье решаются следующие задачи: описание алгоритма реализации сценария «цветных революций»; характеристика алгоритма выбора страны-жертвы; определение факторов, способствующих реализации гибридного воздействия. Анализ опыта использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве позволяет рассматривать его как театр военных действий. Автор пришел к выводу, что выбор государства-жертвы обусловлен исключительно его геополитическим положением и значимостью для решения тактических задач гибридной войны США против России (в формате «цветных революций»), порождающих угрозы национальной безопасности РФ. Применяемый в России набор мер против попыток реализации сценария «цветной революции» на ее территории, будучи профилактическими, являются попыткой решить проблему на оперативном уровне, в то время как она требует решения стратегического уровня.

Ключевые слова: гибридная война, постсоветское пространство, Россия, США, «цветные революции».

Махмудов А.С.

«Места памяти» и символическая основа парламентаризма

Парламентские отношения имеют свойство интегративного восприятия действительности на основе много субъектного состава участвующих субъектов, а также широкого круга повестки дня, ориентированной на множественные запросы. Сама по себе трактовка парламента как особого института воздействия на политическую систему имеет достаточно оснований для развития политологической, а также социально-философской мысли.

В данной статье перед нами стоит задача рассмотреть парламент вкупе тех теоретических конструкций, которые позволяют взглянуть на традиционный для всех исследователей институт по-иному: в русле постклассического и неклассического понимания. За счет того, что предстоит поработать символическую основу парламентаризма в современности, мы сможем дать квалифицированную оценку социальной среде, в котором функционирует легислатура.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, «места памяти», символическая основа, постклассические теории, неклассические теории, неонституционализм, теория рационального выбора, ценностный подход.

Булах Е.В.

Зайченко А.Б.

Методология исследования территориальных основ самоуправления, принципы и проблемы в практике установления границ ТОС

Современное политико-правовое представление о местном самоуправлении не повлияло на признание соответствующего статуса за формой его осуществления в России. Община в форме ТОС, способная обеспечить целостность государства и обладающая правом на политическую самоорганизацию, осталась без должного правового обеспечения. В статье предлагаются теоретическое обоснование возможных принципов правового регулирования процесса установления границ осуществления ТОС и практические проблемы данного процесса.

Ключевые слова: теории местного самоуправления; часть территории муниципального образования; территориальное общественное самоуправление (ТОС).

Рябова Е.И.

Терновая Л.О.

Код Арчимольдо: причины дробления социального мира и инструкция по сборке

В статье анализируется творчество итальянского художника позднего Возрождения Джузеппе Арчимбольдо с позиций поиска в нем элементов общего социального кода, свойственного всякой эпохе социального транзита, когда мир погружается в состояние неопределенности. Отсутствие социального консенсуса, целостного видения и программы движения вперед в истории оборачивалась трагедиями войн и революций.

Ключевые слова: история, искусство, социальная реальность, психология, живопись, маньеризм.

Комарова В.Н.

Язык в контексте взаимоотношений государства и регионов в Италии: casus Сицилии

Статья посвящена непризнанию в Италии языком сицилийского идиома (Sicilianu) вопреки доводам компетентных международных организаций, ученых и носителей, и политической подоплеку этого непризнания.

Ключевые слова: Сицилия, идиом, Италия, непризнание статуса языка.

Abstracts

Mikhailov V.A.

Aliev T.E.

Basic tactics of information warfare

The use of information as a weapon against the enemy is a consequence of the development of technology in the modern era. The so-called information wars are waged using a number of tactics such as the use of the media and social media. It is becoming more and more difficult for international law to regulate information warfare due to the non-material nature of the damage caused by information warfare operations. The unregulated nature of information operations allows information warfare to be used to gain an advantage over its adversaries. All this creates a threat to information security, where more and more attention has to be paid to preventing or reducing the likelihood of unauthorized access to data or illegal use, disclosure, violation, deletion, damage, modification, verification, recording or devaluation of information. This also includes actions to mitigate the negative consequences of such incidents.

Keywords: information war, propaganda, disinformation, content, security, Internet.

Nigmatullina T.A.

Ethnopolitical codification: mythology and identity

The article is devoted to a socially significant problem in the modern world, including in Russia, - the formation of multidimensional human identities as a representative of an ethnos, region, linguistic and religious community, a bearer of distinctive traditions. In this process, the mythological and folklore heritage takes an active part, influencing the construction of modern ethnopolitical realities. Myth, folklore and history are viewed by the author in a panoramic manner, as various ways of ethnocultural communication, systematization and genesis of the people in the cultural landscape, as a tool for the formation of multiple identity.

Keywords: myth, folklore, traditions, ethnopolitical projection, codification, reconstruction, values, identities.

Mikhailova A.V.

Methodological toolkit for the study of relations between the State and confessions

This article justifies the methodological toolkit for the study of relations between the State and confessions based on the principle of integration of the humanities: its key approaches consist of the methods of political science, i.e. systemic approach, political and legal analysis, method of comparative law and comparative state studies.

Keywords: method, political science, research methodology, political and legal analysis, systemic approach, relations between the State and confessions.

Suzdaleva T.R.

The players of the political modernization of modern Russia

Political modernization of modern Russia is a complex and at the same time urgent process necessary for the development of the institutional political and economic environment. At the same time, for its successful launch, it is important to determine the actors who will be responsible for its implementation. Directly, this article will talk about the players in the political modernization of modern Russia. So, for the author it is important to understand what institutional factors of the formation of players exist, as well as what functional features they carry in themselves.

Keywords: political modernization, institution, institution, players, actors, transformation, transaction costs.

Budzilevich V.V.

Strategic management in the digital economy

The article is devoted to the studying of issues of strategic management under the influence of the digitalization process. The analysis of approaches to the definition of the concepts of “strategic management” and “digitalization”. The features of the influence of digital processes at various stages of strategic management are given. Also the author’s substantiation of the importance of digitalization tools in strategic management is presented.

Keywords: strategic management, digitalization, digital technologies, digital economy.

Maksimov A.S.

Specificity of using methods and technologies hybrid war in the post-Soviet space

The article is devoted to the problem of using the methods and technologies of hybrid warfare in the post-Soviet space in the framework of the hybrid confrontation between the United States and the Russian Federation. The purpose of the article is to identify the specifics of using the hybrid impact toolkit in the

zone of Russia's geopolitical influence. To achieve this goal, the article solves the following tasks: description of the algorithm for implementing the scenario of "color revolutions"; characteristics of the algorithm for selecting the victim country; determination of the factors contributing to the implementation of the hybrid impact. An analysis of the experience of using the methods and technologies of hybrid warfare in the post-Soviet space allows us to consider it as a theater of military operations. The author came to the conclusion that the choice of the victim state is solely due to its geopolitical position and significance for solving the tactical tasks of the hybrid war of the United States against Russia (in the format of "color revolutions"), which pose threats to the national security of the Russian Federation. The set of measures applied in Russia against attempts to implement the scenario of a "color revolution" on its territory, being preventive, is an attempt to solve the problem at the operational level, while it requires a solution at the strategic level.

Keywords: hybrid war, post-Soviet space, Russia, USA, "color revolutions".

Makhmudov A.S.

"Places of memory" and the symbolic basis of parliamentarism

Parliamentary relations have the property of an integrative perception of reality based on the multi-subject composition of the participating subjects, as well as a wide range of agenda oriented to multiple requests. By itself, the interpretation of parliament as a special institution of influencing the political system has sufficient grounds for the development of political science, as well as socio-philosophical thought.

In this article, we are faced with the task of considering parliament together with those theoretical constructions that allow us to look at the institution, traditional for all researchers, in a different way: in the mainstream of postclassical and non-classical understanding. Due to the fact that the symbolic basis of parliamentarism in our time has to be developed, we will be able to give a qualified assessment of the social environment in which the legislature functions.

Keywords: parliament, parliamentarism, "places of memory", symbolic basis, post-classical theories, non-classical theories, neo-institutionalism, rational choice theory, value approach.

Bulakh E.V.

Zaychenko A.B.

Methodology for the study of the territorial foundations of self-government, principles and problems in the practice of establishing the boundaries of TPSG

The political and legal concept of local self-government within the framework of the dualistic theory did not affect the recognition of the corresponding status for one of the forms of its implementation in Russia. A community that ensures the integrity of the state and has the right to self-organization was left without proper legal support for its activities. The article proposes a theoretical substantiation of the possible principles for establishing the boundaries of the implementation of TSG and examines the practical problems of this process.

Keywords: theories of local self-government; neighboring community, part of the territory of the municipality; territorial public self-government (TSG).

Ryabova E.I.
Ternovaya L.O.

**Archimoldo's code:
reasons for the fragmentation
of the social world and assembly instructions**

The article analyzes the work of the Italian artist of the late Renaissance Giuseppe Arcimboldo from the standpoint of searching for elements of a common social code in it, characteristic of any era of social transit, when the world is plunged into a state of uncertainty. The lack of social consensus, a holistic vision and a program for moving forward in history turned into the tragedies of wars and revolutions.

Keywords: history, art, social reality, psychology, painting, mannerism.

Komarova V.N.

**Language in the context
of relations between the state
and the regions in Italy: the case of Sicily**

The article is devoted to the non-recognition in Italy of the Sicilian idiom (Sicilianu) contrary to the arguments of competent international organizations, researchers and its native speakers, and to the political background of this non-recognition.

Keywords: Sicily, idiom, Italy, non-recognition of language status.

Авторы

Алиев Т.Э. - кафедра национальных и федеративных отношений ИГСУ Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Будзилович В.В. - бакалавр факультета Мировой экономики Государственного Университета Управления. Менеджер проектов в ООО «Эйч Ар Медиа».

Булах Е.В. - кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии Восточного Института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет».

Зайченко А.Б. - магистрант, кафедра политологии Восточного Института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет».

Комарова В.Н. - студентка 4 курса факультета иностранных языков и регионоведения. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Максимов А.С. - соискатель, кафедра государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Махмудов А.С. - старший преподаватель кафедры «Права и политологии» Дагестанского государственного технического университета. Эксперт РОО «Город – XXI век». Член Научного Совета рецензируемого журнала «Власть истории».

Михайлова А.В. - кандидат юридических наук. Научный сотрудник Центра политических исследований «Эквитас».

Михайлов В.А. - доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой национальных и федеративных отношений ИГСУ Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Нигматуллина Т.А. - доктор политических наук, доцент, директор Башкирского института социальных технологий (филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений».

Рябова Е.И. - кандидат политических наук, международный эксперт, специалист по праву. «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе.

Суздалева Т.Р. - кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Московский государственный технический университет имени Баумана.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Authors

Aliev T.E., Department of National and Federative Relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Budzilevich V.V., Bachelor of the faculty of World economy, of State University of Management. Project Manager, Limited Liability Company «HR Media».

Bulakh E.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University.

Komarova V.N., Student of 4th year of Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Makhmudov A.S., Senior Lecturer, Department of Law and Political Science. Dagestan State Technical University. Member of the Scientific Council of the peer-reviewed journal “The Power of History”. Expert of the Regional public organization to support social city programmes “The city in the XXI century”.

Maksimov A.S., PhD applicant, Institute of Law and National Security. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhailova A.V., Candidate of Legal Sciences. Research Fellow at the Equitas Center for Political Studies.

Mikhailov V.A., Doctor of Philosophy, Professor, Head. Department of National and Federal Relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Nigmatullina T.A., Doctor of Political Science, Associate Professor, Director of the Bashkir Institute of Social Technologies. Academy of Labor and Social Relations.

Ryabova E.I., Candidate of Political Sciences, international expert, specialist in law. «Academy of Labor and Social Relations» in Sevastopol.

Suzdaleva T.R., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Zaychenko A.B., Master student, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University.

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
межнациональных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 708 3000
Справки по тел. +7 (495) 708 3000

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставный библиографический список.

3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00, факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи через Объединенный каталог «Пресса России» и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: +7 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Н.Э. Архипова

Корректор Е.А. Белоусова

Корректор Англ. Яз. Иванова Т.С.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60х90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 8,125